

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

СЛАВЯНСКИЙ МИР: ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ

**Тезисы конференции
молодых ученых**

*в рамках Дней славянской письменности
и культуры*

21–22 мая
2019 г.

МОСКВА
2019

УДК 930.85
ББК 63.3(0=Слав)
С47

*Издание подготовлено
при поддержке Министерства науки
и высшего образования РФ*

Ответственные редакторы:

Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова

Редколлегия:

А. А. Леонтьева

Н. А. Лунькова

К. В. Мельчакова

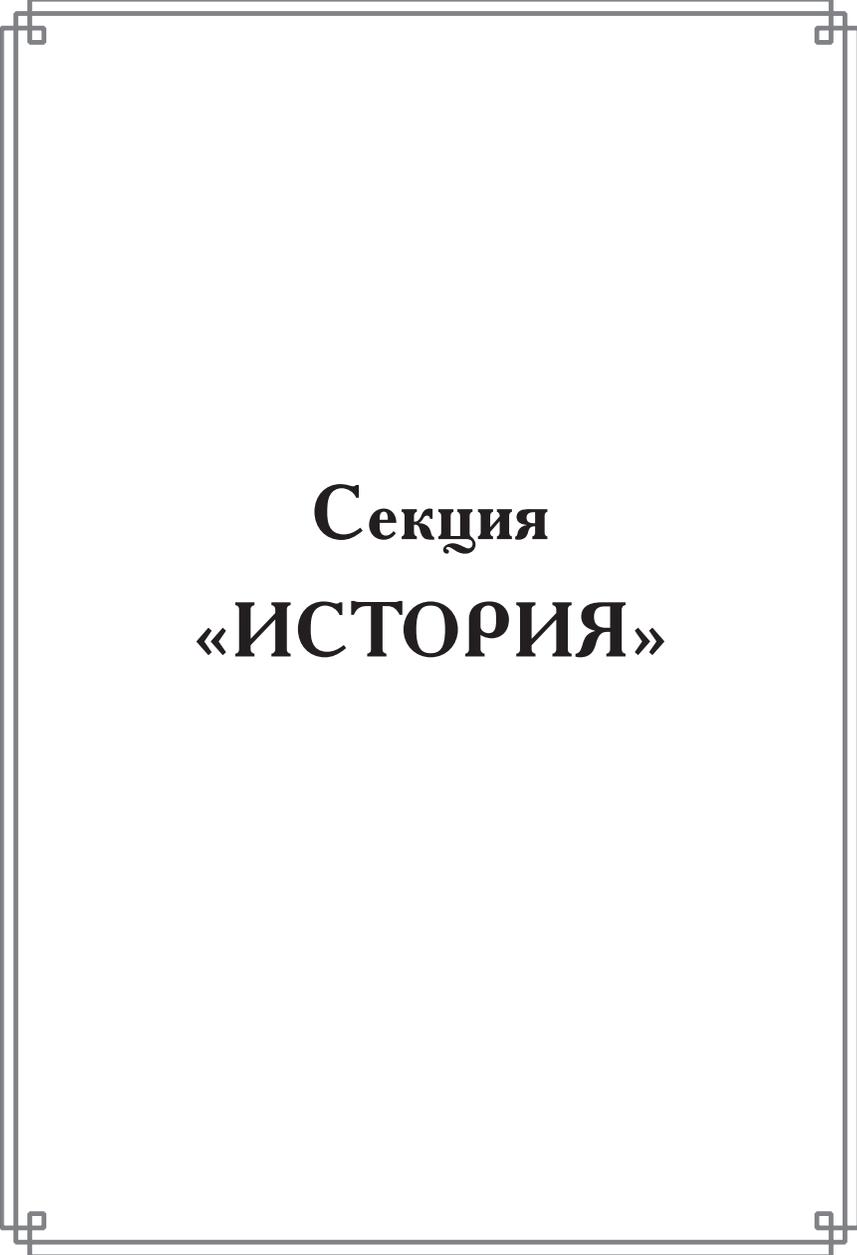
Л. Ю. Пахомова

Н. Г. Струнина-Бородина

М. В. Ясинская

Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 21–22 мая 2019 г. / отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. — М.: Институт славяноведения РАН, 2019. — 290 с.

Более двадцати лет Институт славяноведения РАН отмечает День славянской письменности и культуры традиционной научной конференцией. С 2014 г. она проходит в формате конференции молодых ученых. В 2019 г. участники из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Тольятти, Тюмени, Екатеринбурга и Ростова-на-Дону, а также Словакии, Чехии, Венгрии и Румынии продолжили эту традицию. Вновь обсуждался широкий круг проблем, связанных с историей славянских народов от Средних веков до наших дней в национальном, региональном, международном контексте; с типологией славянских языков и диалектов, лингвогеографией, социо- и этнолингвистикой; с формированием, развитием, современным состоянием и перспективами славянских литератур и пр.

**Секция
«ИСТОРИЯ»**

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ: БИБЛИОТЕКИ РАССКАЗЫВАЮТ

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.1.1

П. Диннеш

Кириллические книги в библиотеке Эгерского епископа Кароя Эстерхази*

Ключевые слова: Карой Эстерхази, Эгер, библиотека, кириллические книги, Елизаветинская Библия, XVIII век.

Эгерский диоцез, основанный в 1004 г. венгерским королем Иштваном I Святым (997/1001–1038 гг.), до 1804 г., когда статус был поднят до архиепископства, а территория уменьшена, был одним из самых больших в Венгрии. Его границы простирались от центра королевства до его северо-восточных рубежей. С точки зрения национальной и конфессиональной принадлежности населения, эта огромная епархия была второй по неоднородности после Трансильванского диоцеза. В 1773 г. в ней насчитывалось 300 римско-католических, 673 греко-католических, 565 кальвинистских и 17 лютеранских церквей¹. Ученые не располагают сведениями о том, сколько там было православных храмов, но и они, безусловно, были: в диоцезе проживали православные русины, румыны и немногочисленные русские². За исключением периода османского владычества (1596–1687) город Эгер был центром диоцеза. Большой вклад в развитие города в XVIII в. внесли четыре епископа. Самый выдающийся из них – граф Карой Эстерхази (1725–1799). Он руководил Эгерским диоцезом 38 лет

* Статья написана при финансовой поддержке программы “Kutatási kapacitások és szolgáltatások komplex fejlesztése az Eszterházy Károly Egyetemen” («Комплексное развитие исследовательских возможностей и услуг Университета им. К. Эстерхази») № EFOP-3.6.1-16-2016-00001.

(с 1761 по 1799 г.). Наследие его очень богатое, но в докладе будут подробно представлены только кириллические книги из библиотеки, основанной им в 1793 г. Эгерской архиепископской библиотеки (*Egri Főegyházmegeyei Könyvtár*).

Это была вторая публичная библиотека в Венгрии после книжного собрания Печского епископа. В 1799 г. в ней насчитывалось 20 293 тома. Большинство из них (19 990 томов) были на латинском, немецком, французском, итальянском, венгерском и английском языках. Остальные 303 тома написаны на 24 языках, в том числе на русском и других славянских языках³. Венгерские авторы Эстер Ойтози и Шандор Фёльдвари в 1992 г. в статье о кириллических и глаголических книгах Эгерской архиепископской библиотеки насчитали 45 кириллических книг⁴, а Лайош Сёке в 2001 г. нашел еще одну⁵. В фондах библиотеки хранится только одна рукопись – *Psalmodia cum Notis Musicis et Picturis Coloratis Ruthenice* (1773), о ней в 1958 г. на русском языке довольно подробно написал филолог Эмил Балецкий⁶. Трудно сказать, как книги попадали в библиотеку и кем были их прежние владельцы. Проблему хождения кириллических книг в Венгрии в свое время всесторонне исследовал Антал Ходинка (Антоний Ходынка, 1864–1946) – известный историк, филолог, фольклорист, публицист и педагог. Хотя он не имел возможности работать в фондах Эгерской архиепископской библиотеки, общие выводы его трудов справедливы и для Эгера. Шандор Фёльдвари считает, что кириллические книги из России – от учителей или обучавшихся там сербов – привозились в Венгрию через немецкие земли русскими торговцами, а после запрета, введенного Марией Терезией (1740–1780 гг.), – контрабандистами⁷.

Екатерина II вскоре после воцарения на российском престоле, в 1762 г., повелела напечатать в Москве Елизаветинскую Библию – перевод Священного Писания на церковнославянский язык, впервые опубликованный в 1751 г., в правление императрицы Елизаветы Петровны⁸. Издание 1762 г. стало четвертым. В Эгерской архиепископской библиотеке есть один экземпляр четвертого и один – пятого (1766) изданий⁹. На последней странице книги значится: «5 рублей

(без переплета) ». В XVIII в. за эти деньги можно было купить, например, 15 ц ржаной муки, 200 кг свиного окорока, 13,7 кг меди или 7,6 г золота. Годовая подписка на газету «Московские ведомости» тоже стоила 5 руб.¹⁰ Там же, на последней странице рядом с ценой, сделана пометка, из которой следует, что владельцем Библии был некий П. Е. Ио[а]ннид из города Сакалов. Венгерские историки раньше читали имя города как «Сапалав», но, скорее всего, они путали похожие в начертании буквы «п» и «к». Тем более что о городе «Сапалав» не известно, зато в современной Белоруссии есть «Сакалова» – населенный пункт в Брестской области, включенный в состав Российской империи после третьего раздела Речи Посполитой (1795)¹¹. Впрочем, и эта гипотеза требует тщательной проверки.

Знакомство с Елизаветинской Библией не только помогает лучше узнать жизнь и культуру венгерских православных и греко-католиков в XVIII–XIX вв., но и свидетельствует о богатстве фондов Эгерской архиепископской библиотеки.

Примечания

¹ *Faragó T.* A történeti Magyarország felekezeti adatai az első világháború előtt // *Egyházak és egyházpolitika Magyarországon és Erdélyben a 18–19. században* / szerk. B. Gáborjáni Szabó. Debrecen, 2016. 32–33. old.

² *Földvári S.* A Magyar Királyság szláv etnikumú ortodox parókiáinak liturgikus-könyv importja mint a keleti s nyugati kereszténység koraujkori kapcsolatainak tükrözője // *Magyarország és a Balkán vallási és társadalmi kapcsolatai. Tanulmánykötet Ohridi Szent Naum halálának 1100 évfordulója emlékére.* / szerk. T. Doncsev, I. H. Tóth, K. Menyhárt. Budapest, 2011. 192–195. old.

³ Речь идет о таких языках, как эфиопский, арабский, чешский, далматинский, датский, фламандский, гэльский, греческий, готский, еврейский, каледонский, польский, румынский, русский, персидский, португальский, испанский, шведский, сербский, сирийский, турецкий, словацкий и др. См.: *Antalóczi L.* Az Egri Főegyházmegeyi Könyvtár története 1793–1989. Eger, 1989. 22–34. old.

⁴ *Földvári S., Ojtozi E.* Az Egri Főegyházmegeyi Könyvtár cirill betűs és glagolita könyvei. Debrecen, 1992. 15. old.

⁵ Венгерская грамматика г. Г. Саллера, ... на славеносербском языке изяснена Георгием Петровичем <...> во Высокоучилищи Венском. [Въ Вене], 1795. типом Стефана Новаковича, 216. Сигнатура: Ww–IV–113. См.: *Szóke L.* Slavica az Egri Főegyházmegeyi Könyvtárban. Eger, 2001. 79., 87. old.

⁶ Psalmodia cum Notis Musicis et Picturis Coloratis Ruthenice 1773. Сигнатура: Т–XIV-12. Титульный лист не сохранился, поэтому у рукописи нет славянского названия. Исследователь Эмил Балецкий условно озаглавил ее «Эгерский рукописный ирмологий». Подробнее см.: *Балецкий Э.* Эгерский рукописный ирмологий // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungariae.* 1958. N 3–4. С. 293–323.

⁷ См.: *Földvári S.* A Magyar Királyság. 192–207. old; *Idem.* Hodinka Antal és a magyarországi cirill könyvészet // *Hodinka Antal Emlékkönyv.* Nyíregyháza, 1993. 295. old.

⁸ На венгерском языке об эгерской Елизаветинской Библии см.: *Dinnyés P.* Cirill betűs könyvek Eszterházy Károly egri püspök könyvtárában // *Történelmi és irodalmi arcképek – Hagyomány és megújulás a szláv népek történelmében és kultúrájában VIII. – A 2018-as tudományos felolvasóülés anyaga / szerk. T. Szabó, S. Szili.* Szombathely, 2018. 58–69. old.

⁹ Сигнатура: Vv-I-7 и Ss-II-41.

¹⁰ *Dinnyés P.* Cirill betűs könyvek. 62–63. old.

¹¹ *Ibid.* 61. old.

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.1.2

*М.В. Колмакова,
Д.Ю. Чернышенко*

Книги из личной библиотеки Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ в Славянском фонде БАН

Ключевые слова: Библиотека Российской академии наук, Славянский фонд, Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845–1929), история славяноведения.

Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (*Jan Niecistał Ignacy Boudouin de Courtenay*) (1845–1929) – филолог-славист, профессор Дерптского университета (с 1883 г., действительный член Краковской Академии (с 1887 г.), член-корреспондент Петербургской Академии наук по Отделению русского языка и словесности (29 декабря 1897 г.).

Ученый преподавал в Казанском (1875–1883) (с 1876 по 1880 г. совмещал преподавание в университете и Казанской

духовной академии), Дерптском (1883–1893), Краковском (1893–1900), Петербургском (1900–1918) университетах¹.

Длительный период жизни И.А. Бодуэн де Куртенэ был связан с Санкт-Петербургом. В 1900–1918 гг. он пребывал в Санкт-Петербурге, где занимался преподавательской и научной работой на Историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета (с 1907 г. совмещал преподавание в университете и Высших женских курсах в Санкт-Петербурге). Он читал курсы: «Сравнительное языкознание», «Сравнительная грамматика», «Введение в языкознание», «Систематические упражнения по сравнительной грамматике славянских и других родственных языков», «Лингвистические упражнения для специалистов», «Санскрит», «Введение в языкознание (применительно к русскому языку)», «Психология языка», «Главные особенности славянского языкового мира в его целом и в его частях» (как часть «Введения в славяноведения»), «Сравнительная грамматика славянских языков в связи с другими языками», вел практические занятия: «Литовский язык в связи с курсом сравнительной грамматики»² и другие.

Санкт-Петербургский период научной работы И.А. Бодуэна де Куртенэ также был связан с Библиотекой Императорской академии наук (сегодня – Библиотека Российской академии наук; далее в тексте – БАН). Он был читателем и активным участником в деле пополнения ее фондов. В отчетах о деятельности Академии наук сохранились сведения о дарении книг И.А. Бодуэном де Куртенэ в период с 1907 по 1913 гг. Значительная часть изданий была подарена ученым Славянскому отделению³, но также имеются записи о передаче книг I Русскому отделению (1908 и 1910 гг.)⁴ и Отделу рукописей (1909 г.)⁵.

В настоящее время в Славянском фонде БАН хранятся 417 экземпляров из личной библиотеки ученого. Выявить эти издания можно благодаря «Отчетам...», указанным выше, а также «Книге поступлений» Славянского Отделения – основному документу учета новых изданий. Язык большинства переданных ученым книг – словенский. Многие экземпляры

имеют характерные внешние признаки личной библиотеки ученого:

– дарственные надписи, адресующие издания А.И. Бодуэну де Куртенэ (Кара-Стоянов Христо (1881–1937), Нидерле Любор (1865–1944), Горник Михал (1833–1894), Грабовски Бронислав (1841–1900), Вольтер Эдуард Александрович (1856–1940) и др.);

– экслибрис, помещенный на форзацах (или оригинальных бумажных обложках) изданий: “*Ex libris J. Baudouin de Courtenay*”;

– овалыный штамп со вписанным текстом: “*J. Baudouin de Courtenay*”.

Кроме того, в Славянском фонде имеются книги, адресованные И.А. Бодуэном де Куртене: Э.А. Вольтеру (руководителю III Славянского отделения), И.И. Срезневскому (научному руководителю, учителю и коллеге) и другим. Эти книги были включены в состав Славянского фонда в первой половине XX в. вместе с целыми корпусами личных книжных собраний указанных ученых.

Далеко не все издания, подаренные И.А. Бодуэном де Куртенэ БАН, обладают указанными внешними признаками. Многие издания сохранили только один или два таких знака, в ряде случаев они отсутствуют полностью. Но выявленные экземпляры представляют интерес для исследователей, так как содержат личные записи различных деятелей науки и культуры, а также позволяют дополнить и проиллюстрировать имеющиеся сведения о жизни и работе ученого.

Примечания

¹ Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ // Биографика СПбГУ. Санкт-Петербургский государственный университет. [Сайт]. [2019]. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/167-boduen-de-kurtene-ivan-ignatij-netsislav-aleksandrovich.html> (дата обращения: 29.03.2019).

² Там же.

³ Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1907. СПб., 1908. С. 9; Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому

и историко-филологическому отделениям за 1908. СПб., 1908. С. 41; Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1909. СПб., 1909. С. 40; Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1910. СПб., 1911. С. 12; Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1911. СПб., 1912. С. 11; Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1912. СПб., 1912. С. 17; Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1913. СПб., 1913. С. 49.

⁴ Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1908. С. 33; Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1910. С. 5.

⁵ Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1909. С. 37.

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.1.3

С.А. Жабрева

Книжные «корреспонденты» П.А. Ровинского (на материалах сербохорватского отдела Славянского фонда БАН)

Ключевые слова: Павел Аполлонович Ровинский (1831–1916), история славяноведения, книговедение, личные книжные собрания, Библиотека Российской академии наук.

Павел Аполлонович Ровинский (1831–1916) – известный российский историк-славист, этнограф и публицист, оставивший след во многих областях науки. Он внес значительный вклад в развитие книжной культуры, обогатив своим обширным личным собранием фонд Славянского Отделения Библиотеки Императорской Академии наук (далее – Славянский фонд).

Книги П.А. Ровинского имеют ряд отличительных признаков, благодаря которым можно атрибутировать конкретное

издание и причислить его к коллекции ученого. В первую очередь таким признаком является номер по «Книге поступлений»¹ Славянского фонда, имеющий вид дроби, в числителе которой указывается год поступления книги, а в знаменателе – ее порядковый номер в текущем году. Благодаря записям в «Книге поступлений» можно узнать источник поступления, фамилию дарителя, продавца, организацию или иные сведения об издании.

Книги из личного собрания П.А. Ровинского поступали в Славянский фонд в несколько этапов. К первому этапу можно отнести книги, переданные БАН самим ученым, о чем свидетельствует запись в соответствующей графе «Книги поступлений» за 1904 г.: «От П.А. Ровинского в подарок»². Ко второму этапу следует отнести издания, поступившие в Славянский фонд в 1918 и 1923 гг. после смерти владельца. В «Книгах поступлений» в указанные годы имеется запись: «Из книг П.А. Ровинского»³.

Другим важным признаком рассматриваемого собрания являются дарственные надписи, сделанные на книгах их авторами – книжными «корреспондентами» П.А. Ровинского. Это деятели литературы, науки, дипломатии, в основном представители Сербского королевства и Черногорского княжества, чьи работы оказались в сербохорватском отделе Славянского фонда согласно языковому принципу комплектования рубежа XIX–XX вв.

Сербия и Черногория занимают особое место в научной и публицистической деятельности П.А. Ровинского. В 1868–1869 гг. ученый находился в Сербии по поручению «Санкт-Петербургских ведомостей». Накопленные материалы были положены в основу его исследований, посвященных сербским землям, и, несмотря на жесткие цензурные рамки, были опубликованы в российских научно-популярных периодических изданиях⁴. Ученый активно выступал за освобождение сербов от «двойного турецко-австрийского гнета»⁵.

С 1879 г. П.А. Ровинский жил в Черногории, принял участие в военной экспедиции черногорцев по занятию Плавско-Гусинского округа после Берлинского конгресса,

путешествовал по всей стране, собирая сведения по физической географии и истории. К 1884 г. он собрал и обработал материал для книги «Черногория в ее прошлом и настоящем»⁶. Ученый прожил в Черногорском княжестве больше двадцати лет, подробно излагая российскому читателю содержание новых законов княжества, освещая работу парламента, пытаясь передать реалии жизни молодого государства⁷.

Черногорские и сербские деятели с теплотой относились к российскому ученому, о чем свидетельствуют их послания на книгах из личного собрания П.А. Ровинского. Среди авторов дарственных надписей – непосредственные коллеги П.А. Ровинского – люди книжной культуры, писатели, преподаватели и ученые: С. Новакович, А. Паевич, М. Цветич, Дж. Попович, Ф. Ковачевич, Й. Лепавица и др.

Особое внимание привлекает обширная дарственная надпись Филипа Ковачевича (1859–1922)⁸, черногорского профессора филологии, изучавшего русский язык, преподавателя, библиотекаря, архивиста, которая начинается с обращения «Высоко ценимому (“Велеуваженоме” – серб.) брату Русу Г-у П.А. Ровинскому»⁹.

Среди дарственных надписей на книгах П.А. Ровинского присутствуют и послания от церковных деятелей. Например, Митрофан Бан (1841–1920), епископ Сербской православной церкви, архиепископ Цетинский и митрополит Черногорский оставил следующую запись на своем труде: «Его Высочородию Павлу Аполлоновичу Господину Ровинскому в знак особого уважения. Цетин 20/10. 1898. Митрополит Митрофан»¹⁰.

П.А. Ровинский также получал книжные дары и от политических деятелей, в том числе от Лазара Томановича (1845–1932), премьер-министра Черногории, и Симо Поповича, секретаря черногорского князя Николая I Петровича-Негоша. Сам князь Николай I (1841–1921, 1860–1910 гг.), будучи лично знакомым с российским ученым, также оставил дарственную надпись на одном из своих изданий: «Господину Павлу Ровинскому. Васоевицкому Диогену (“Васојевицком Диогену” – серб.)»¹¹.

Особенное впечатление производит дарственная надпись, представленная в виде стихотворения из 16 строк, автором которого был Шако Петрович-Негош (1854–1914), председатель народного собрания Черногорского княжества и первый президент Народной партии Черногории. Среди посвященных П. А. Ровинскому строк можно увидеть личное обращение: «Већ за твоје добро здравље / Помолит се Блогом Богу»¹².

Дарственные надписи на книгах из личного собрания П. А. Ровинского важны для исследования истории славяноведения. Они свидетельствуют о широких контактах ученого с сербскими и черногорскими деятелями, о том глубоком уважении, которое они испытывали к российскому ученому, посвятившему себя изучению братских славянских народов.

Примечания

¹ О «Книге поступлений» см. в изд.: Полихроний Агапиевич Сырку (1855–1905): к 160-летию со дня рождения: каталог выставки / Б-ка Рос. акад. наук; сост.: М. В. Колмакова, Д. Ю. Чернышенко; отв. ред. Н. В. Колпакова. СПб, 2016. С. 6.

² Архив Библиотеки Российской академии наук. Ф. 1. Оп. 10. № 239. Л. 42.

³ Комиссарова Е. В. Славянский фонд Библиотеки Российской Академии Наук: этапы формирования, структура, пути использования: дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03: СПб., 2000. С. 55, 59.

⁴ Хитрова Н. И. П. А. Ровинский о Сербии // П. А. Ровинский (1831–1916) и его время. Калинин, 1988. С. 39.

⁵ Там же. С. 40.

⁶ Лаптева Л. П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012.

⁷ Хлебникова В. Б. П. А. Ровинский об уникальности черногорской истории // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 1. С. 17, 23.

⁸ Антовић Д. Био-библиографија Филипа Ј. Ковачевића // БОКА: Зборник радова из науке, културе и умјетности. 2003. N. 23. С. 317–327.

⁹ Петровић М. Јуначки споменик пјесме о најновијим турско-чрногорским бојевима. На Цетиње, 1895.

¹⁰ Бан М. (митр.) Спомоћно упуство о исповиједи за свештенство и народ. Цетиње, 1898.

¹¹ Николе I [Петровић-Његош, Н.] Пјесник и вила. Цетиње, 1892.

¹² Петровић-Његош Ш. Нетку и Стојану Ковачевићима. Никшић, 1902.

СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ: К ВОПРОСУ АНАЛИЗА ТЕКСТА

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.1.4

С.А. Козлов

Эпические реминисценции о Дунайских походах Святослава

Ключевые слова: Киевская Русь, Византия, русско-византийские войны, Повесть временных лет, Лев Диакон, Иоанн Скилица.

Образ князя Святослава Игоревича (945–972) запечатлелся в исторических источниках как один из самых ярких эпических образов древнерусской истории, сравнимый, по выражению Н.М. Карамзина, «с героями песнопевца Гомера». Общеизвестно, однако, что средневековые эпические сказания о Святославе как цельные, законченные фабулы не дошли до нас ни в форме поэтических произведений, ни в форме прозаических изложений. В то же время в древнерусских летописях и византийских «историях» сохранилось множество эпических реминисценций о походах Святослава на Дунай, оставивших глубокий след в исторической памяти средневековых народов Юго-Восточной Европы.

В правление Святослава Византия и Русь находились в состоянии полномасштабного военного конфликта, в который были вовлечены соседние народы – болгары, венгры, печенеги. Святослав был последним языческим правителем Руси и первым, кто предъявил территориальные претензии Византии. Согласно Повести временных лет (ПВЛ), он не только захватил и опустошил несколько болгарских городов, которые в то время были частью Византии,

но и намеревался перенести столицу своей державы из Киева в Переяславец на Дунае. Исход этой русско-византийской войны противоречив: древнерусские летописи отдают победу Святославу, византийские «истории» – своему императору Иоанну I Цимисхию (969–976).

Судя по всему, и византийские «истории», и древнерусские летописи о походах Святослава в значительной мере являются историографическими конструкциями средневековых книжников, восходящими к сказаниям и новеллам героико-патриотической направленности, возникшими в период военного противостояния Византии и Руси.

Уже Н.К. Гудзий обнаружил в рассказах ПВЛ о Святославе «отголосок дружинных песен и преданий» о нем, созданных в среде, «идеализировавшей князя», которая определялась ученым как «воинское братство»¹. Наиболее основательно проблема была исследована Р.С. Липец, которая на основе фронтального анализа летописных известий о Святославе предположила отражение в них эпизодов из целого цикла эпических сказаний о русском князе-воителе, бытовавших на Руси в форме дружинных слав и помертных плачей². По ее мнению, песни-славы являлись творчеством младших дружинников, которые, по-видимому, и составляли ядро воинского контингента Святослава, вторгшегося в Болгарию.

В византийских источниках «победа над Сфендославом» также приобрела эпический размах, став одним из символов богоизбранности и военного гения ромеев. При сохранении общей с ПВЛ канвы и сходстве отдельных эпизодов (об удивлении русов при виде богатств Болгарии, о речах Святослава и др.), в византийской традиции героизируются василевсы и полководцы ромеев и, в отличие от летописи, сообщается о поражении Святослава в войне. Самое подробное повествование о его походах на Дунай дошло до нас в составе «Истории» Льва Диакона (вторая половина X в.) и «Обозрения истории» Иоанна Скилицы (конец XI – начало XII вв.). Эти памятники, таким образом, младше (Лев Диакон) или практически синхронны (Иоанн Скилица) известиям ПВЛ,

однако, по сравнению с последними, излагают события с диаметрально противоположных, «провизантийских» позиций. Судя по всему, в основе рассказов Льва Диакона и Скилицы лежат византийские песни и рассказы фольклорного характера³, в которых, как и в гипотетических древнерусских славах, существенную роль играла «патриотическая пропаганда», прославлявшая подвиги и христианское благочестие ромеев, с Божьей помощью одолевших опасного и многочисленного врага.

Для того, чтобы представить себе облик эпической основы вошедших в византийскую литературу рассказов о походах Святослава, их следует сопоставить с широко распространенными в Византии песнями героико-патриотической направленности. Предположительно новеллистический характер имеют параллельные рассказы Льва Диакона и Скилицы о ложном отступлении ромеев под Аркадиополем (ср.: Leo Diac. 108.18–111.7 Hase и Scyl. 288.14–290.66 Thurn), о чудесной помощи Святого Феодора Стратилата Иоанну Цимисхию под Доростолом (ср.: Leo Diac. 153.9–155.13 и Scyl. 308.7–309.29), а также фрагменты Льва Диакона об отваге и удали Цимисхия (96.19–97.23), об единоборстве юного патрикия Константина со «скифским» богатырем (109.20–110.9), о необыкновенной силе Феодора Лалакона, убившего множество врагов своей железной булавой (144.23–145.3), о схватке архига критян Анемаса и «скифа» Икмора (149.4–12) и др.

Сюжетно-мотивный анализ рассказов Льва Диакона и Иоанна Скилицы демонстрирует их структурно-содержательное сходство с мотивами, характерными для эпоса грекоязычного населения Балкан, в частности, героических поэм о Дигенисе Акрите и сыне Андроника. Как и древнерусские славы, византийские *Rittergesänge*, воспевавшие ратные подвиги ромеев, пользовались большой популярностью на фоне военных побед Никифора II Фоки и Иоанна I Цимисхия, и вполне вероятно, что на них ориентировались и византийские историографы в своих описаниях батальных сцен⁴.

Такого рода песни и новеллы представляли собой эмоционально приподнятые, претендующие на достоверность

сказания о подвигах исторических деятелей, в которых были тесно переплетены воспоминания о реальных боевых действиях и элементы эпической традиции. Вопреки вполне исторической основе, значительная часть «подробностей второстепенного характера» этих песен отражает не историческую реальность, а плоды народной фантазии: стоит заменить имена исторических персонажей на эпических героев, как фольклорное происхождение сюжета обнаруживает себя, а изображенные ситуации уложатся в соответствующий эпизодизированный трафарет.

Таким образом, представляются излишне прямолинейными попытки некоторых исследователей рассматривать рассказы Льва Диакона и Скилицы о походах Святослава как «протокольные» описания реальных событий, включая данные о численности сторон⁵, – они не могут дать большего результата, чем, например, попытки выяснить число ахейцев под Троей на основании «Каталога кораблей» «Илиады». Разумеется, фрагменты средневековых историописаний, инкорпорирующие устные предания, могут быть важным историческим источником, однако они говорят гораздо больше об истории литературы и исторической памяти, чем о событиях, послуживших основой для этих преданий.

Примечания

¹ Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1966. С. 68–70.

² Липец Р. С. Отражение этнокультурных связей Киевской Руси в сказаниях о Святославе Игоревиче (X в.) // Этническая история и фольклор / отв. ред. Р. С. Липец. М., 1977. С. 217–257. Условным наименованием «славы» в советском литературоведении обозначался жанр древнерусских лиро-эпических песен, наподобие *chansons de geste*, прославлявших подвиги князей и воинов: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 20–23.

³ Wartenberg G. Leon Diakonos und die Chronisten // Byzantinische Zeitschrift. 1897. Bd. 6. S. 316; Каждан А. П. Из истории византийской хронографии X в. 2. Источники Льва Диакона и Скилицы для истории третьей четверти X столетия // Византийский временник. 1961. Т. 20. С. 124–125.

⁴ Козлов С. А. Рассказы Льва Диакона и Скилицы о битве Святослава под Доростолом (971 г.): фрагмент утраченного византийского эпоса? // Stratum plus. 2013. N 5. С. 151–160; Он же. «Святославиада», или что общего у князя

Святослава Игоревича с «героями песнопевца Гомера»? // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2016. N 1. С. 82–99.

⁵ См., например: *Атанасов Г. Г.* О численности русской армии князя Святослава во время его походов в Болгарию и о битве под Дристрой (Доростолом) в 971 г. // *Византийский временник*. 2013. Т. 72. С. 86–102.

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.1.5

Т. В. Гимадеев

Битва при Липанах в чешской историографии (1848–1948)

Ключевые слова: История Чехии, гуситское движение, Франтишек Палацкий, Вацлав Владивой Томек, Ярослав Голл, Томаш Гарриг Масарик, Йозеф Пекарж, Зденек Неедла.

Гуситские войны 1419–1434 гг. были одним из наиболее ярких и кровавых эпизодов не только чешской, но и в целом европейской истории позднего Средневековья. К числу наиболее значительных событий этого периода относится битва у Липан 30 мая 1434 г., в ходе которой объединенные войска умеренных гуситов и католической шляхты разгромили радикальных гуситов – таборитов, фактически уничтожив вооруженное сопротивление. Заключение Базельских компактатов означало примирение гуситов с императором Сигизмундом и Папским престолом и завершение гуситских войн. Такое громкое и значительное событие не могло не вызывать интерес чешских ученых-историков, а дискуссии вокруг него охватывали всё чешское общество.

Одним из первых авторов, детально рассмотревших события гуситской эпохи, был Франтишек Палацкий, основоположник чешской исторической науки. Не скупясь на метафоры и яркие эпитеты, он представил образ этой «необычайной» битвы чехов с чехами как два гуситских вагенбурга, вставших друг против друга. Непосредственный итог битвы – «предательское сожжение» таборитов своими же бывшими собратьями.

Долгосрочным же последствием этой «кровавой и решающей битвы» ему виделась победа феодализма, проросшего на «могиле чешской демократии», которой и стали Липаны¹. В целом же Палацкий оценивал Липанскую битву как начало торжества городской и шляхетской верхушки над всей идеей «демократии», за которую встал на бой «простой народ» во главе с земанством. Победа феодализма у Липан и Базельские компактаты виделись ему стартом долгосрочного процесса победы германизма и феодализма в чешских землях, другими звеньями которого стали окончательное присоединение Чехии к Габсбургской державе в 1526 г., поражение сословного восстания 1547 г. и, наконец, состоявшаяся в 1620 г. битва при Белой горе². Явно сочувствуя таборитам в их антифеодальной борьбе, он, однако, признавал этот исход закономерным, а прекращение кровавых гуситских войн – благом для страны³.

Вацлав Владивой Томек, бывший ученик Палацкого, впоследствии отошедший от него, был менее склонен к созданию ярких образов и историософских концепций. Зато в IV томе своей «Истории города Праги» саму Липанскую битву он описывал гораздо подробнее, реконструировав основную канву событий с мнимым «бегством» панского войска. Всё, что случилось после этого тактического хода, он характеризовал как «скорее убийство, чем битву», «сечу»⁴. В целом же он оценивал политические итоги этого события как позитивные, считая, что после смерти Яна Жижки полная победа гуситов была невозможна, прекращение разорительных войн он полагал за благо⁵.

К концу XIX в. наметилась поляризация позиций историков различных направлений по этому вопросу. Гуго Томан, составивший довольно подробное описание битвы, назвал ее «катастрофой»⁶. О том, что итоги Липанской битвы законсервировали наметившийся в начале XV в. религиозный раскол в Чехии, писал Ярослав Голл⁷. Католические авторы, такие как Франтишек Ксавер Крыштуфек, хотя и считали Липаны трагедией – «чех победил чеха», но также видели их и единственным выходом из тяжелого положения, в которое завели страну гуситские войны⁸.

Новую актуальность дискуссия о значении Липан в истории страны приобрела в связи с началом многолетнего «спора о смысле чешской истории». Томаш Гарриг Масарик, зачинатель «спора», отводил Липанам особое место в своих историософских построениях. Он фактически дословно воспроизвел в своем «Чешском вопросе» формулировку Палаццкого о «могиле чешской демократии», дополнив это тезисом о том, что Липанская битва отметила «моральное падение» чехов, в котором он видел корни и будущего упадка чешской национальной культуры, завершившегося лишь в период национального возрождения⁹.

Самым последовательным оппонентом Масарика в этом споре стал выдающийся чешский историк Йозеф Пекарж, ведущий представитель «школы Голла» в чешской историографии. Уже в первой полемической работе на данную тему, «Масарикова чешская философия», Пекарж заявил: «У Липан не терпела поражения чешская демократия, но лишь полевая армия таборской фракции», за которой никаких «демократических» устремлений он не замечал¹⁰. В дальнейшем определения Пекаржа обрели новую яркость и бескомпромиссность. В работе 1929 г. «Смысл чешской истории» он выдвинул тезис о том, что Липаны были «очищающим», «обязательным, оздоравливающим» надрезом, а вовсе не трагедией. Поражение радикальной партии гуситов виделось ему здесь не только закономерным, но и позитивным завершением гуситского периода в чешской истории, без которого не стало бы возможным, например, правление Иржи из Подебрад, «гуситского короля»¹¹. Наконец, в увидевшей свет в газете «Народни политика» статье, приуроченной к 500-летию Липанской битвы, Пекарж сделал самое знаменитое и яркое заявление о дне Липанской битвы как о «счастливым дне чешской истории»¹².

С критикой Пекаржа выступал ряд представителей чешской исторической науки, во главе с Рудольфом Урбанеком¹³ и Франтишком Михалком Бартошем¹⁴. Определяющей, однако, в итоге было суждено стать позиции Зденека Неедлы, еще одного представителя школы Голла. Еще во время «Спора о смысле» он выработал своеобразный «третий взгляд»

на вопрос роли гуситского движения в чешской истории, трактовку гуситства как «прогрессивного национального движения»¹⁵. После окончания Второй мировой войны, в своей программной работе «Коммунисты – наследники великих традиций чешского народа» Неедлы прямо обвинял Пекаржа в антинациональности взгляда на всю историю гуситского движения, в том числе и Липан, получивших от него статус национальной катастрофы, символа предательства «прогрессивных национальных традиций» верхушкой общества¹⁶. Подобно Масарику, Неедлы вновь актуализировал взгляд Палацкого на роль и образ Липан в чешской истории. Наиболее ярким выражением нового подхода служили слова лидера чехословацких коммунистов, Клемент Готвальда, произнесенные им вскоре после событий «Победного февраля» 1948 г.: «Вы, миллионы и миллионы простых граждан городов и деревень, спасли нашу страну от новых Липан, а тем самым и от новой Белой горы»¹⁷. На протяжении следующих сорока лет эта позиция оставалась единственно возможной в условиях социалистической Чехословакии.

Примечания

¹ *Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě. Díl III / 3. vyd. Praha, 1899. S. 525–529.*

² *Ibid. Díl I., Č. 1. Praha, 1848. S. 17–18.*

³ *Ibid. Díl III. S. 349.*

⁴ *Tomek V.V. Dějepis města Prahy. Díl IV. Praha, 1879. S. 645–647.*

⁵ *Tomek V.V. Jan Žižka. Praha, 1879. S. 214; Idem. Děje království českého / Jubilejní vyd. Praha, 1898. S. 228.*

⁶ *Toman H. Husitské válečnictví. Praha, 1898. S. 143–145.*

⁷ *Goll J. Čechy a Prusy ve Středověku. Praha, 1897. S. 237.*

⁸ *Kryštof F. X. Všeobecný církevní dějepis. Díl I. Č. 2. Praha, 1889. S. 724.*

⁹ *Masaryk T. G. Česká otázka / 2 vyd. Praha, 1908. S. 185–189.*

¹⁰ *Pekař J. Masarykova česká filosofie // Havelka M. Spor o smysl českých dějin (1895–1938). Praha, 1995. S. 287.*

¹¹ *Pekař J. Smysl českých dějin // Ibid. S. 523–525.*

¹² *Pekař J. K výročí Lipan // Národní politika. 1934. 27. května. S. 1.*

¹³ *Urbánek R. Lipany a konec polních vojsk. Praha, 1934.*

¹⁴ *Bartoš F. M. Lipany. Praha, 1934.*

¹⁵ *Nejedlý Z. Spor o smysl českých dějin // Havelka M. Spor o smysl českých dějin (1895–1938). Praha, 1995. S. 335.*

¹⁶ *Неедлы З. Коммунисты – наследники великих традиций чешского народа: пер. с чеш. // Неедлы З. Статьи об искусстве. Л.; М., 1960. С. 569–571, 583–584.*

¹⁷ *Цит. по: Мацек Й. Гуситское революционное движение / пер с чеш. Н. М. Пашаевой, А. В. Старостина и И. П. Хатунцевой. М, 1960. С. 208–209.*

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.1.6

К. С. Коноплянко

Восприятие анабаптизма в сочинениях польских антитринитариев 1560-х гг.

Ключевые слова: Реформация, анабаптизм, антитринитаризм, Королевство Польское, Великое Княжество Литовское, Петр из Гонендза, гуттериты, Гжегож Павел.

В ранней истории Реформации в Королевстве Польском и Великом Княжестве Литовском наблюдалось изобилие различных идейных течений, чему способствовала религиозная терпимость, ставшая особенностью данного региона вплоть до католической реакции¹. В 1560-е гг. внутри реформатского лагеря произошел раскол, связанный с проникновением в него нового и неприемлемого для многих реформатов учения – антитринитаризма. После раскола обособившуюся общину антитринитариев охватывает увлечение другим радикальным учением – анабаптизмом, впоследствии надолго определившим череду разногласий между различными представителями движения.

В докладе предпринята попытка показать, как происходило текстуальное восприятие анабаптистской доктрины в сочинениях польских антитринитариев 1560-х гг. Для этого необходимо понять специфику самого учения и то, как оно проникло в польские земли. Сведения о ранней истории анабаптистского движения сохранились в сочинениях многих

современников различных конфессиональных воззрений². Объем информации иллюстрирует крайнюю пестроту анабаптистских учений, и лишь сам термин заключает в себе общую идейную составляющую всего движения. Анабаптистами называли противников детского крещения и сторонников принятия этого таинства в сознательном взрослом возрасте³. Первым распространителем анабаптистского учения в польских и литовских землях считается Петр из Гонендза. Обретя пристанище в литовской реформационной общине под патронатом виленского воеводы Миколая Радзивилла Черного, он начал пропаганду анабаптизма и издал книги против крещения детей⁴. Призывы отказаться от детского крещения сопровождались социально-этическим учением, информацию о котором предоставил Ш. Будный: Петр призывал «истинных христиан» отказаться от насилия, различных форм зависимости, социальной иерархии и обратиться к укладу ранних христианских общин⁵. Идейная составляющая Петра является следствием его знакомства с укладом моравской анабаптистской общины (гуттеритов)⁶. К сожалению, ранние сочинения Петра не сохранились, однако при сравнении сочинений его современников с основным вероучительным документом моравской общины можно сделать вывод о полной идейной преемственности анабаптистской доктрины польских антиринитариев от гуттеритов.

Учение гуттеритов о крещении тесно переплеталось с социально-этической доктриной, так как совершение человеком основного таинства предполагало сознательное действие (поэтому категорически отрицалось детское крещение как неосознанный акт), включающее соблюдение соответствующих нравственных предписаний. В вероисповедании гуттеритов (1565 г.) нарочито акцентируется важность крещения как акта вступления в общину Христа – церковь и становления человека «сыном Бога», «новым сотворением»⁷. Сам факт вступления требует готовности христианина отречься от внешнего, «плотского» материального мира «сынов дьявола», в котором господствуют жестокие светские порядки «иудейского» ветхозаветного Закона (Декалога) и обратиться к «духовному

миру», ассоциируемому с Евангелием, позволяющем человеку искупить первородный грех и стать частью церкви⁸. Отречение от плотского мира и послушание Евангелию находило выражение в требованиях повиноваться любой, даже несправедливой власти и платить налоги⁹. Неспособность составителя моравского вероисповедания определить границу между светским и духовным мирами приводила и к противоречивым предписаниям отказаться от тех норм, которые не соотносятся с его представлением истинно христианского *modus vivendi*: в частности, предписывалось отказаться от любого кровопролития (в том числе с помощью судебных наказаний), ношения оружия и уплаты налогов на военные нужды¹⁰. Противопоставление светского и духовного миров, не имеющих ничего общего, выражалось в негативном отношении к социальной иерархии: бедность возвышалась над богатством и властью¹¹.

Подобное понимание таинства крещения, церкви и обязанностей христианина перед вступлением в церковь видно в трех сочинениях Гжегожа Павла из Бжезин, датированных 1568 г. В памфлете против детского крещения его аргументы текстуально схожи с моравскими: само крещение считается актом становления человека «новым сотворением» и подразумевает осознанную готовность, выраженную в соблюдении евангельских предписаний. Детское же крещение не может быть сознательным актом, а потому отвергается¹². Конкретные обязанности христианина перед совершением таинства оговариваются в двух других трактатах – «Об истинной смерти» и «Отличие Ветхого Завета от Нового», терминология и аргументация которых также соответствуют моравскому документу. Первый трактат повествует о противостоянии внутреннего, бессмертного «духовного» «нового сотворения» с внешним и смертным «плотским». Для того чтобы обратиться к бессмертному «духовному», христианину следует отказаться от внешнего и превознести бедность над богатством¹³. Второй трактат оговаривает нравственные императивы для христиан в контексте противопоставления Ветхого Завета Новому. Ветхий Завет ассоциируется с миром материальным,

а Новый – с миром духовным. Подчеркивается иудейское и плотское происхождение первого, в то время как второй является синонимом «нового сотворения»¹⁴. Как мы видим, идейная линия Гжегожа Павла в точности повторяет формулировки гуттеритов. Вероятно, он мог заимствовать их из ранних сочинений Петра из Гонендза, в позднем памфлете которого противопоставление «сынов бога» и «сынов гнева» идентично моравским¹⁵. Подобное присутствует и у Гжегожа Павла, из чего выводится нравственный призыв к «детям бога» отречься от всякого насилия, в том числе с помощью светских судов¹⁶.

Сочинения Гжегожа Павла – наиболее раннее текстуальное отражение моравского вероучения. По-видимому, они, вкупе с сочинениями Петра из Гонендза, подготовили почву для более поздних сочинений и последующих бурных обсуждений анабаптистской доктрины на синодах.

Примечания

¹ *Tazbir J.* Walka z Braćmi Polskimi w dobie kontrreformacji // *Odrodzenie i reformacja w Polsce.* Warszawa, 1956. Т. 1. S. 165–207.

² См.: *Fabri I.* Ursach warumb der widertewffer Patron und erster anfenger Doctor Balthasar Hübmaier zu Wien auff den zehenden tag Martii Anno. 1528 verbrannt sey. Dreßden, 1528; *Sleidani I.* De statu religionis et rei publicae, Carolo Quinto, Caesare, commentarij. [S. l.], 1555. P. 65–79 vers, 48–164 vers; *Bullinger H.* Reformationsgeschichte. Frauenfeld, 1838. Т. 1.; *Geschicht-buch der Hutterischen brüder.* Standoff-colony bei Macleod, Alta, 1923.

³ См.: *Williams G. H.* The Radical Reformation. Philadelphia, 1962; *Goertz H. J.* Die Täufer, Geschichte und Deutung. München, 1988.

⁴ *Budny S.* O dzieciokrzczeniu krótkie wypisanie: o zaczęciu sporu i polerowania około pirwszego sakramentu. To jest świętego Ponurzenia w Księstwie Litewskim a potem i w Polsce // *Szczucki L.* Szymona Budnego relacja o początkach i rozwoju anabaptyzmu w zborze mniejszym // *Odrodzenie i reformacja w Polsce.* 1986. Т. XXXI. S. 103.

⁵ *Budny S.* O Urzędzie Miecza urzywaiącem. Łosk, 1583. S. 1–2, 126.

⁶ *Lubieniecii S.* Historia reformationis polonicae. Freistadii (Amsterdam), 1685. P. 111–115; *Budny S.* O dzieciokrzczeniu... S. 103. Характерной чертой этой общины была общность имущества.

⁷ *Rechenschafft unserer Religion, Leer und Glaubens, Von den Brüdern so man die Huterischen nent außgangen, Durch Peter Ryedeman.* [Brno, 1565]. S. 90–92 vers.,

⁸ *Ibid.* S. 76 vers. – 128 vers.

⁹ Ibid. S. 133–134.

¹⁰ Ibid. S. 134 vers. – 136.

¹¹ Ibid. S. 129 vers. – 130.

¹² *Grzegorz Paweł z Brzezin*. Krótkie dowody, które dziecinny krzest od ludzie przeciwnych Bogu wymyślony zbiiaią. [S. I.], [1568]. S. A ii-[A iv vers].

¹³ *Grzegorz Paweł z Brzezin*. O prawdziwej śmierci, zmartwychwstaniu y żywocie wiecznym. Kraków, 1568. S. LVI.

¹⁴ *Grzegorz Paweł z Brzezin*. Rozdział Starego Testamentu od Nowego. Kraków, 1568. S. A, D iv vers-E vers, O–O vers.

¹⁵ *Piotr z Goniądza*. O ponurzaniu chrystyjańskim przeciwko chrztu nowochrzczeńców niedawnym. Warszawa, 1960. S. 50.

¹⁶ *Grzegorz Paweł z Brzezin*. Rozdział...S. L vers. – L ii.

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.1.7

Н.Р. Белова

Побелогорская рекатолизация Чешских земель в «Христославе» силезского иезуита Матя Виерия

Ключевые слова: Чехия, католичество, Контрреформация, рекатолизация, иезуиты, Габсбурги.

Гуситское движение и последующее проникновение идей Реформации привели к серьезному ослаблению позиций католической церкви в Чешских землях. Большинство населения составляли некатолики, место пражского архиепископа в течение многих лет оставалось вакантным. Для восстановления католицизма Фердинанд I пригласил в свои владения орден иезуитов, который сыграл огромную роль в рекатолизации Чешских земель. Исследователи отмечают контраст между рекатолизацией в добелогорский и побелогорский периоды¹.

До поражения сословного восстания в битве у Белой горы рекатолизация не была насильственной и проводилась в первую очередь с помощью проповеднической, миссионерской

и преподавательской деятельности. Одну из ключевых ролей в претворении в жизнь политики Контрреформации сыграл орден иезуитов. В побелогорский период рекатолизация приобрела всеобщий характер и стала осуществляться насильственными методами. Такая перемена стала возможна в связи с усилением центральной власти и ослаблением сословий в побелогорский период².

Следует отметить, что единой концепции политики рекатолизации не существовало, были как сторонники, так и противники насильственных методов ее проведения в жизнь. Особенно острая полемика велась в первые годы побелогорского периода. Свой взгляд на политику рекатолизации выразил силезский иезуит Матей Виерий, автор книги «Христослав или Жизнь князя Христослава», из которой каждый христианин очень хороший пример, предостережение и научение себе взять может». Это произведение сложного жанра, сочетающее в себе элементы проповеди, зеркала, барочной легенды и эпической литературы. Матей Виерий – малоизвестная фигура в чешской историографии и совсем неизвестная в отечественной. Однако его деятельность была весьма разнообразна и интересна. Он преподавал в иезуитских школах в Праге, был проповедником и миссионером в Силезии, Моравии и Чехии и способствовал обращению населения в католичество. Кроме того, он проявил себя на литературном поприще, написав два произведения. «Христослав», изданный в 1689 г., рассказывает о жизни вымышленного князя Христослава, правителя выдуманного Алмариканского государства. В нем Виерий видит идеального монарха, заботящегося не только о земной жизни своих подданных, но и о спасении их душ. Изучение взгляда Матея Виерия на рекатолизацию очень интересно, поскольку он имел большой опыт миссионерской и проповеднической деятельности и понимал, каким образом цель восстановления позиций католицизма может быть достигнута наиболее эффективно.

Большое значение Матей Виерий уделяет восстановлению Христославом католической веры в своих владениях. Подробный разбор вопроса о Причащении под обоими видами

позволяет предположить, что под Алмариканским государством имеются в виду Чешские земли, поскольку именно в них эта проблема имела особую остроту. В «Христославе» Виерий предлагает свое видение методов и средств проведения рекализации. Он оправдывает использование насильственных методов ради достижения главной цели – восстановления католицизма. Так, Христослав идет войной на Несарогскую землю, отошедшую от католической веры, и Бог помогает его войску одержать победу³. Виерий сравнивает насильственную рекализацию с горьким, но необходимым лекарством против ереси, которая «закрывает людям все дороги на небеса»⁴. Однако обращение к насильственным методам оправдано, только если мирные средства не дают результатов. Сначала Виерий считает необходимым попытаться убедить людей в истинности католической веры, отправить к ним проповедников и миссионеров. Один из разделов десятой главы «Христослава» представляет собой небольшую проповедь, в которой Виерий рассматривает основные возражения не католиков против смены веры и показывает, как миссионер должен отвечать на них. Важно, что иезуит использует не теологическую аргументацию, а доводы, понятные большинству простого, часто неграмотного населения. Таким образом, этот раздел его книги можно считать настоящим руководством для миссионеров. Простота аргументации отличает произведение Виерия от многих других сочинений того времени, посвященных вопросам рекализации⁵.

Главную роль в рекализации Виерий отводит монарху, а не духовной власти, которая почти никак не представлена в «Христославе». Это может быть связано с тем, что Габсбурги позиционировали себя как защитников католической веры. Фердинанд II, при котором была начата всеобщая и насильственная рекализация, видел себя исполнителем священной миссии возрождения католицизма⁶. Кроме того, орден иезуитов, к которому принадлежал и Матей Виерий, всегда пользовался благосклонностью Габсбургов и прежде всего поддерживал их политику. С церковными властями у Общества Иисуса были противоречия, связанные с чрезмерным

могуществом ордена и его контролем над большинством учебных заведений страны.

Образ Христослава – это образ идеального правителя эпохи барокко, он обладает всеми чертами, присущими христианскому монарху, в первую очередь, личным благочестием и христианскими добродетелями. Но важно добавить, что основная миссия идеального государя, с точки зрения Виерия, заключается в борьбе с некаатолическими вероисповеданиями и укреплении позиций католицизма. М. Сладек отождествлял Христослава с Фердинандом II, с чьим именем связано начало всеобщей рекатолизации в побелогорский период⁷.

Примечания

¹ См.: *Panek J.* The Religious Question and the Political System of Bohemia before and after the Battle of the White Mountain // *Crown, Church and Estates*. Houndmills, 1991. P. 129–148; *Mikulec J.* 31.7.1627. Rekatolizace slechty v Cechach: Ci je zeme, A. Richterové a I. Čornejové toho je i nabozenstvi. Praha, 2005; *Jezuite a Klementinum / kolektiv autorů pod vedením Aleny Richterové a Ivany Čornejové*. Praha, 2006.

² *Čornejová I.* Tovarýšstvo Ježíšovo. Jezuité v Čechách. Praha, 1995. S. 94.

³ *Matěj Vieriŭs.* Christoslaus anb žiwot Kristoslawa knížete, z něhož každý křestianský člowěk welmi pěkný příklad, weystrachu a naučení sobě wyýtí může. Praha, 1689. S. 369.

⁴ Ibid. S. 408.

⁵ *Sládek M.* Vieriův Kristoslav a pobělohorská rekatolizace Čech // *Literární archiv*. 1994. R. 27. S. 231.

⁶ *Bireley R.* Ferdinand II: Founder of the Habsburg Monarchy // *Crown, Church and Estates...* P. 229.

⁷ *Sládek M.* Vieriův Kristoslav... S. 231.

Сообщение о салюте в честь Яна III Собеского в Безансоне (1674 г.)

Ключевые слова: Речь Посполитая, избрание Яна Собеского королем Речи Посполитой, Василий Михайлович Тяпкин, Голландская война.

Практически любой праздник, в том числе День славянской письменности и культуры, не обходится без салютов и фейерверков. Отмечали ими знаковые явления в жизни общества и государства и в Речи Посполитой XVII столетия. 21 мая 1674 г. огненная «потеха» ознаменовала окончание традиционной элекции, избрание на польско-литовский престол Яна III Собеского: стрельба из разных орудий раздавалась под стенами Варшавы. Известие о ней включено в «отчет» современника – русского резидента В.М. Тяпкина, направленный начальнику Посольского приказа А.С. Матвееву¹.

Однако сохранилось свидетельство Тяпкина об еще одном салюте, будто бы устроенном на значительном расстоянии от столицы Речи Посполитой. В частности, докладывая в Москву о завершении «выборов» 1674 г., он сообщал: «По се, государь, число еще ни от которых государей с поздравлением грамот не бывало, толко как учинилось ведомо о обрании на королевство французскому королю в обозе будущему в Гишпанской Земле под неким городом, тогда на счастье новообранного короля полского велел к городу приступ учинить, и взял того числа [...] город приступом, и на радости за здоровье и счастье новообранного короля полского стрельба из наряду в обозе и в городе [...] из мелкова ружья была большая»².

Установить, что за «некий город» имел в виду Тяпкин не представляется слишком затруднительным. Упоминание «Гишпанской Земли» и военной кампании в конечном итоге приводит нас к так называемой Голландской войне

1672–1678 гг., когда, помимо прочего, было совершено вторжение на территорию Франш-Конте, во владения враждебной французскому королю Испании. Хотя само событие, видимо, так и не было резидентом понято до конца верно, его донесение ценно для выяснения уровня информированности российской дипломатии об упомянутом конфликте³.

Тяпкин обмолвился, что описанное им произошло, когда государю Франции «учинилось ведомо» избрание Яна III, – единственным близким по времени масштабным происшествием стало случившееся днем позже (22 мая 1674 г.) взятие французами в провинции Франш-Конте укреплений Безансона (*Besançon*). Против защитников крепости были обращены таланты военного инженера Вобана⁴, влияние которого на фортификационную архитектуру Речи Посполитой отмечается, по некоторым данным, с 1685 г.⁵ Стратегически важный прорыв, штурм города, стал знаковым подвигом отпрыска Дома Бурбонов, удостоенным украшать великолепные ворота Сен-Мартен⁶.

На первый взгляд, «ликование» Людовика XIV не вызывает какого-то особенного удивления и согласуется с имеющимися фактами. Так как о них писалось уже достаточно⁷, обозначим их кратко. Французская сторона, безусловно, поддерживала представителя франкофильской «партии» в Речи Посполитой – великого коронного гетмана Яна Собеского. После того как варианты с принцами Нейбургским и Конде отпали, Собеский превратился в наиболее выгодного для Людовика претендента. Этому способствовали в немалой степени и хлопоты Марии Казимиры, французженки-жены коронного гетмана, а также деятельность французского дипломата Туссена Форбин-Жансона⁸. Несомненно, после победы Собеского у правителя Франции были причины для проявления удовлетворения.

Что касается ситуации в самой Речи Посполитой, можно отметить следующее. Судить лишь по одному фрагменту довольно сложно, но текст наводит на мысль: в Варшаве в среде знакомых Тяпкину польско-литовских господ пристально следили за отдельными событиями Голландской

войны, проявляли к ним интерес. Донесение показывает сочувствие лиц, сообщивших резиденту эту «новость», к действиям Людовика XIV и до определенной степени его поддержку. Уже тогда не исключали возможность помощи французскому королю в борьбе за доминирование в Европе⁶, что нашло отражение в интерпретации вестей о Безансоне. Речь идет именно об интерпретации, так как достоверность информации порождает вопросы. Сомнительно, чтобы Людовик XIV выразил свое отношение к «оглашению» 21 мая подобным образом, тем более что Мария Казимира спустя несколько дней после элекции еще вынуждена была хлопотать, чтобы король признал «титул Величества за ее мужем»¹⁰.

Скорее, сказался все еще ощущавшийся резонанс, вызванный в Польско-Литовском государстве хотинским «одолением» (1673 г.), почти сразу воспетым в литературных творениях¹¹. Стоит напомнить, что военные успехи Собеского окружили его ореолом «сарматского» Марса – имя бога войны встречается и в связи с Безансоном¹². Произошло своеобразное «наложение»: в донесении слились черты победы Людовика XIV и «удачи» при Хотине, где, как и в «Гишпанской Земле», была победоносно взята неприступная твердыня.

Все это в какой-то мере объясняет появление Яна III в событиях, в которых он не только естественным образом никогда лично не участвовал, но и ни разу по отношению к ним не назывался (что следует из исторических материалов¹³). Свою роль также сыграла публикация в *Gazette de France*, имевшей читателей и в Речи Посполитой: в новостной «колонке» упоминалась церковь Св. Иоанна (*Saint-Jean*)¹⁴, что могло породить недоразумение.

Как бы там ни было, сообщение о захвате французскими войсками Безансона – доселе незамеченная виньетка в истории прославления короля-героя, польского Марса, чье незримое покровительство одарило Людовика XIV новым военным триумфом.

Примечания

- ¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а. Л. 105.
- ² Там же. Д. 163. Л. 39.
- ³ *Шамин С. М.* Швеция в русских переводах иностранной прессы XVII в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. N 2. С. 162, 163.
- ⁴ *Martin H.* History of France. Age of Louis XIV. Boston, 1865. Vol. 1. P. 387; *Jaques T.* Dictionary of battles and sieges. Westport, Connecticut; London, 2007. Vol. 1. P. 134; *Dee D.* Expansion and crisis in Louis XIV's France. Franche-Comté and absolute monarchy, 1674–1715. Rochester; New York, 2009. P. 38–45.
- ⁵ *Bochenek R. H.* Twierdza Jasna Góra. Warszawa, 1997. S. 150.
- ⁶ *Poisson M.* The monuments of Paris. London, 1999. P. 317.
- ⁷ *Флоря Б. Н.* Россия и элекция 1674 г. // Средние века. 2015. Т. 76. С. 269–290; *Majewski A. A.* Elekcja Jana Sobieskiego na tron Rzeczypospolitej w 1674 roku // *Almanach Warszawy*. 2016. Т. 10. S. 85–93.
- ⁸ *Komaszyński M.* Maria Kazimiera d'Arquien Sobieska, królowa Polski: 1641–1716. Kraków, 1983. S. 93; *Majewski A. A.* Elekcja... S. 86, 89, 90.
- ⁹ *Giertych J.* Polityka polska w dziejach Europy. Londyn, 1953. S. 102.
- ¹⁰ *Попов А. Н.* Русское посольство в Польше в 1673–1677 гг. СПб., 1854. С. 75.
- ¹¹ *Kotarski E.* Muza gdańska Janowi Sobieskiemu, 1673–1696. Wrocław, 1985. S. 5.
- ¹² *Recueil de lettres, pour servir d'éclaircissement à l'Histoire militaire du regne de Louis XIV.* Paris, 1760. Vol. 2. P. 289.
- ¹³ См., например: *Deux époques militaires a Besançon et en Franche-Comté 1674–1814.* Besançon, 1856. Vol. 1. P. 503–511; *Dee D.* Expansion and crisis in Louis XIV's France... P. 38–45.
- ¹⁴ *Gazette de France.* 1674. 30 Mai Ext. // *Table ou Abrégé des cent trente-cinq volumes de la Gazette de France, depuis son commencement en 1631 jusqu'à la fin de l'année 1765.* Paris, 1766. Vol. 1. P. 56.

НОВОЕ ВРЕМЯ. НАРРАТИВЫ И ДИСКУРСЫ

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.1.9

А.А. Лапунов

Несколько размышлений о главе «Славянские народы» из книги И.Г. Гердера «Идеи к философской истории человечества». Карл Готлиб фон Антон и Иоганн Готфрид Гердер

Ключевые слова: Эпоха Просвещения, Гердер, фон Антон, славяне, венды.

Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803) был одним из ведущих деятелей немецкого позднего Просвещения. Его главный труд – «Идеи к философии истории человечества»¹, издававшийся с 1784 по 1791 гг., содержит главу под названием «Славянские народы»², посвященную славянам и имеющую колоссальное значение для развития не только славистики, но и славянского романтического национализма.

В историографии есть множество работ, анализирующих влияние Гердера на развитие славянской идеи³. Однако почти нет исследований, изучающих вопросы о том, что же сформировало взгляды самого Гердера на славян и их место в европейской истории и кто из современников мог оказывать влияние на него и его видение славян.

Один из таких современников – серболужицкий ученый Карл Готлиб фон Антон (1751–1818), который был видным деятелем позднего Просвещения на территории Лужиц. Он является автором труда «Первый опыт описания происхождения, обычаев, нравов, мнений и знаний древних славян»⁴ – это первая энциклопедия о славянах, где собрана и систематизирована большая часть информации о них, накопившейся к тому времени.

Можно задаться вопросом: не мог ли К.Г. фон Антон и его работа, как первый энциклопедический труд о славянах, оказать влияние на формирование взглядов Гердера?

Четвертая книга «Идей к философской истории человечества», где располагается интересующая нас глава, вышла в 1791 г. Если учесть, что первый том работы фон Антона был издан в 1783 г., а второй – в 1789 г., то следует заключить, что И.Г. Гердер вполне мог знать и использовать, по крайней мере, первый том энциклопедии при написании своего труда.

Кроме того, известно, что И.Г. Гердер состоял в переписке с фон Антоном и, как указывают современники, имел с ним довольно дружеские отношения⁵. Однако важно, что в самом конце главы о славянах Гердер в сноске перечисляет авторов, писавших в его время о них: «Фриш, Попович, Мюллер, Иордан, Штриттер, Геркен, Мёзен, Антон, Добнер, Таубе, Фортис, Зульцер, Россиньоль, Добровский, Фойгт, Пельцель и др.»⁶. Как видно, среди них на восьмом месте фигурирует и фон Антон. Таким образом, И.Г. Гердер был точно знаком с К.Г. фон Антоном и, скорее всего, с его работой и деятельностью.

В 16-й главе четвертой книги трактата, где помещено описание славян, Гердер ведет речь о древних северных народах Европы. Он пытается найти их место в общей истории человечества, говоря об их собственной истории, нравах и быте «в общем» как о характеристике одного народа (*Volk*). Тот же подход применяется и у фон Антона. Если учесть, что именно труд фон Антона был посвящен славянам как единому народу, а прочие авторы, как правило, писали лишь о той или иной конкретной славянской народности, то представляется, что Гердер едва ли мог не обратить внимание на энциклопедию фон Антона. Более того, он вполне мог ограничиться использованием труда фон Антона в качестве основополагающего. Кроме того, многие ученые, на которых Гердер ссылается в своей работе, упоминаются и фон Антоном, их сочинения используются и цитируются в его энциклопедии.

Стоит проанализировать, какие же конкретные положения И.Г. Гердер мог позаимствовать или почерпнуть у К.Г. фон Антона:

- представления о славянском характере;
- хозяйственные занятия славян;
- вера в великое будущее славянского мира;
- «музыкальность» славян и важность изучения славянского фольклора;
- принадлежность славян к коренным «европейским» народам;

• «вендизм» фон Антона, который заключается в перенесении на общеславянский контекст исторических реалий сложившихся взаимоотношений между христианами-«немцами» и язычниками-«вендами» в Средневековье и социальных реалий Лужиц в конце XVIII в. В связи с этим «немцы» рассматриваются как антагонисты не вендов, а всех славян в целом.

Вероятность того, что К.Г. фон Антон оказал существенное влияние на восприятие образа славян И.Г. Гердером, весьма велика. Это могло быть прямое заимствование фактического материала у фон Антона и его дальнейшее осмысление в главе «Славянские народы».

Фон Антон подходит к изображению славян с научной точки зрения: он описывает, реконструирует и систематизирует. У Гердера же философский подход: он пытается найти место славян в истории всего человечества. Гердер романтизирует славян, описывая их как мирных, трудолюбивых, веселых, но при этом покорных пахарей, противопоставляя им воинственных германцев. Именно этот дискурс найдет свое яркое продолжение в XIX в., в период славянского националстроительства, когда в контексте славяно-германского противостояния будет активно эксплуатироваться и впервые концептуализированная фон Антоном «вендская» тема.

Примечания

¹ Гердер И. Г. Идеи к философской истории человечества. М.; СПб., 2013.

² Там же. С. 499–501.

³ См., напр.: *Bittner K.* Herders Geschichtsphilosophie und die Slawen. Reichenberg, 1929. P. 1–150; *Knoll S.* Herders Nationalismus – Debatte ohne Ende // Nationen und Kulturen / Regine Otto (Hg.). Würzburg, 1996. P. 239–248; *Andraschke P., Loos H.* Ideen und Ideale: Johann Gottfried Herder in Ost und West. Breisgau, 2002. P. 1–339; *Loužil J.* K zapasu o J. G. Herderau nas // Czech Literature. 2005. N 53(5). S. 637–653; *Zdeněk D.* Johann Gottfried Herder and the Czech National Awakening: A Reassessment. Pittsburgh, 2007. P. 1–53; *Maxwell A.* Herder, Kollár, and the Origins of Slavic Ethnography // Traditiones: Journal of the Institute of Slovenian Ethnology. Vol. 40. 2011. N 2. P. 79–95; *Лескинен М. В.* Характерология славян в русской интерпретации: способы изображения гендерных типов «этнического другого» во второй половине XIX в. // Токови Историје. 2014. N 3. С. 11–50.

⁴ *Anton K. G., von.* Erste Linien eines Versuches über der Alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebrauche, Meinungen und Kenntnisse. Leipzig, 1783. S. 1–162; *Idem.* Erste Linien eines Versuches über der Alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebrauche, Meinungen und Kenntnisse. B. 2. Leipzig, 1789. S. 1–144.

⁵ *Гугнин А. А.* Введение в историю серболужицкой словесности и литературы от истоков до наших дней. М., 1997. С. 62–63

⁶ *Гердер И. Г.* Идеи к философской истории человечества. С. 501.

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.1.10

К. В. Мельчакова

Очерк «Босния в географическом, историческом, этнографическом, статистическом и торговом отношениях» российского консула А. Н. Кудрявцева*

Ключевые слова: Боснийский вилайет, Османская империя, российское консульство, Азиатский департамент МИД, книга «Турецкая империя».

Алексей Николаевич Кудрявцев с 1868 по 1877 гг. занимал пост российского консула в главном городе Боснийского вилайета Сараеве. Его отчеты для МИД России всегда отличались информативностью и были хорошо проработаны.

* Тезисы написаны в рамках работы над проектом РФФИ № 18-09-00346 «Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники о Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе Нового времени: от наблюдений к знаниям».

Помимо пересылки стандартных донесений¹ он подготовил несколько интересных и пространных очерков о Боснии и Герцеговине.

В 1867 г. в ответ на просьбу МИД России Кудрявцев составил записку о Герцеговине² для книги «Турецкая империя»³. Вероятнее всего данная работа была издана в 1868 г. или 1869 г. К сожалению, самой книги обнаружить не удалось.

В феврале 1870 г. консул направил в Азиатский департамент МИД очерк «Босния в географическом, историческом, этнографическом, статистическом и торговом отношениях»⁴. В сопроводительном письме он упомянул, что в феврале 1869 г. получил книгу «Турецкая империя» и по просьбе начальства дополнил изложенные в ней сведения о Боснии⁵.

Этот пространный очерк был частично опубликован и введен в научный оборот отечественной исследовательницей В.Н. Кондратьевой⁶. На наш взгляд, записка Кудрявцева заслуживает более пристального внимания исследователей.

Очерк Кудрявцева имеет следующую структуру:

§ I. География⁷.

§ II. История и этнография⁸.

§ III. Статистика⁹.

Отдельно представлен материал «Торговля Боснийского вилайета. Сравнительная таблица привозной и отпусковой торговли за 1867 и 1868 год»¹⁰, а также приложен чертеж железной дороги, которую планировали соорудить в Боснийском вилайете к концу 1872 г.¹¹

В разделе, посвященном географии региона, Кудрявцев много говорит о природных богатствах края и сетует на нерациональное их использование османскими властями. Он дает описание рек, озер, гор и долин, климата, лесов, путей сообщения, «произведений земли», фруктовых деревьев, подробно останавливается на геологии и минералогии края.

По его мнению, в Боснии были все условия для налаживания системы судоходства, но из-за «равнодушия турецкой администрации» надежды на это тщетны¹². Аналогична и ситуация с земледелием: «Почва Боснии самая

плодородная. Если бы все земли давали пищу плугу, сохе и борозде, то земледелие процветало бы здесь не хуже чем в Ломбардии или Голландии», – пишет Кудрявцев¹³. Из-за беспечности землевладельцев и гонений на христиан большая часть земель оставалась без обработки. Отрицательная оценка также дается методам ведения скотоводства.

Стоит заметить, что помимо критики безалаберного отношения османских властей к природным богатствам и потенциалу Боснии, Кудрявцев обращает внимание и на позитивные перемены в вилайете. Первый вопрос касается использования леса. Консул отмечает, что местные породы деревьев хороши для постройки судов, но их вырубка производилась без разбора. К 1869 г. правительство наладило контроль над использованием лесных богатств, для этого в вилайет были приглашены французские лесничие. Второй вопрос – пути сообщения. Российский дипломат справедливо замечает, что благодаря активной работе османских властей в 1860-е годы Босния получила вместо непроходимых, опасных и запутанных тропинок дороги, «которым можно дать наименование шоссе»¹⁴.

Второй раздел, посвященный истории и этнографии региона, написан достаточно эмоционально. Исторический очерк охватывает период с момента расселения славян по Европе и до образования Боснийского вилайета (1865 г.). В завоевании региона османами консул видит настоящую трагедию, а вину за это возлагает на Австрию и Венгрию, из-за «эгоистических видов и соперничества» которых Босния «была принесена в жертву» полумесяцу¹⁵.

Особое внимание Кудрявцев уделяет вопросу вероисповедания местного населения. Он настаивает на том, что изначально в Боснии церковь была православной¹⁶, а католицизм начал усваиваться позже. С османским завоеванием, в конце XV – начале XVI вв., местная аристократия приняла ислам. «Чтобы оправдать свое отречение боснийские не-офиты оказывали благоговение Корану и Пророку больше, чем самые завоеватели. Приняв впоследствии за искренность чувства, сначала ими коварно показываемые, они

мало-помалу становились настоящими мусульманами и наконец достигли того, что из равнодушных последователей сделали самыми усердными и фанатичными магометанами», – пишет Кудрявцев¹⁷.

В этнографической части очерка консул отмечает «чисто сербское происхождение» местного народонаселения¹⁸. Он дает достаточно положительное описание боснийцев: они храбры, сильны и мужественны, имеют твердый характер, придерживаются строгих нравов, добры, откровенны и гостеприимны, любят народную поэзию, скромны в нуждах, чужды прихотей, деятельны и экономны в расходах. Удручает российского дипломата низкий уровень образования местного населения. Особо консул отмечает, что боснийцы свято хранят память о прежней независимости и это является двигателем всех восстаний и волнений в регионе¹⁹.

В разделе «Статистика» речь идет об администрации, судебной части, финансовых делах, земледелии, армии, народном просвещении, торговле, деньгах и монетах, весах и мерах, почте и телеграфе.

Кудрявцев сообщает об изменениях в управлении, которые произошли в результате проведения реформ в 1860-е годы. Большое внимание он уделяет вопросу о состоянии армии в вилайете, подробно описывает расположение войск, количество солдат и орудий, состояние крепостей²⁰. Повествуя о народном просвещении, консул отмечает, что оно развивается больше для мусульман, которые получили возможность обучаться навыкам, необходимым для исправления канцелярских должностей²¹. У христиан также есть школы, но они бедны и «политические виды правительства не позволяют им иметь хороших наставников»²².

В отчете по торговле ожидаемо ввоз превышает вывоз. Большая часть купцов – христиане и евреи. За товарами они ездят в Вену, Триест и Лейпциг. Таможенные пошлины в Боснии действовали такие же, как и во всей империи. Льготами пользовался только главный торговый партнер – Австро-Венгрия. Таможню не контролировала никакая

стража, отсюда процветала контрабанда²³.

В целом очерк Кудрявцева полезен для исследования Боснии и Герцеговины, предоставляет интересные и разнообразные сведения об этом регионе. Особо следует отметить приложенные консулом статистические выкладки о торговом обороте. Занимательны также и оценочные суждения российского дипломата относительно вопроса о проведении реформ танзимата в Боснии.

Примечания

¹ См.: *Хевролина В. М.* Донесения российских консулов в Боснии и Герцеговине как источник по истории их дипломатической деятельности (1856–1874) // *Внешняя политика России. Источники и историография: сборник статей.* М., 1999. С. 40–64.

² В 1867–1868 гг. он временно исполнял обязанности консула в главном городе Герцеговины Мостаре.

³ «Краткий очерк Герцеговины в географическом, историческом, этнографическом и торговом отношении». См.: Архив внешней политики Российской империи (далее – АВП РИ). Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 621. Л. 15–34. Копии материалов из АВП РИ были получены в архиве Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН.

⁴ АВП РИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2332. Л. 49–87.

⁵ Там же. Ф. 161. Главный архив. Д. 813. Л. 13–13 об.

⁶ См.: *Кондратьева В. Н.* Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине (60–70-е гг. XIX в.). М., 1971. С. 219–225. В приложении к монографии с сокращениями опубликованы следующие разделы документа: «Произведения земли», «Пути сообщения», «Администрация», «Судебная часть», «Финансовая часть», «Землевладение».

⁷ АВП РИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2332. Л. 49–55.

⁸ Там же. Л. 56–63 об.

⁹ Там же. Л. 64–81 об.

¹⁰ Там же. Л. 83–87.

¹¹ Там же. Л. 82.

¹² Там же. Л. 49–49 об.

¹³ *Кондратьева В. Н.* Русские дипломатические документы... С. 219.

¹⁴ Там же. С. 220–221.

¹⁵ АВП РИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2332. Л. 59.

¹⁶ Там же. Л. 57 об.

¹⁷ Там же. Л. 60 об.

¹⁸ Там же. Л. 57.

¹⁹ Там же. Л. 63–63 об.

²⁰ Там же. Л. 72 об. –77.

²¹ Там же. Л. 77 об.

²² Там же. Л. 78–78 об.

²³ Там же. Л. 80–81.

DOI: 10.31168/2619–0869.2019.1.11

А.Ю. Перетяцько

«Военный постфронтир»: к определению феномена военно-социальных институтов Военной границы и Донского Войска второй половины XIX в.

Ключевые слова: Постфронтир, донское казачество, граничары, 1860–1870 гг.

В последние годы концепция фронта все чаще используется российскими историками, в том числе и историками казачества. В этом отношении показателен перевод известным донским исследователем Н.А. Мининковым книги А. Каппелера «Казачество. История и легенды», в которой ставится не только принципиальный вопрос о том, «насколько теорию фронта можно применить к казакам», но и постулируется мысль о необходимости сравнения казачества с другими военными пограничными сообществами, в частности с граничарами¹.

Однако, с нашей точки зрения, с точки зрения автора, который изучает историю Донского Войска и Военной границы второй половины XIX в., в рамках концепции фронта имеет смысл ввести в историографию понятие «военного постфронта», применяемое в первую очередь к этим двум военно-социальным институтам. Дело в том, что на их территории фронт существовал не годами и не десятилетиями, а веками, в результате чего у донских казаков и австрийских

граничар сформировались специфические военно-административные органы управления и выработались особые традиции, обеспечивающие выживание именно в условиях пограничья с агрессивным и крайне опасным соседом. И со временем, когда условия изменились, а граница с Османской империей сдвинулась или стала непроницаемой для набегов, эти традиции никуда не исчезли и препятствовали полной интеграции пограничных сообществ в Российскую империю или владения Габсбургов. Тут уместно отметить, что термин «постфронтир» применяется и в настоящее время, однако в совершенно ином значении. Он был предложен философом О.С. Якушениковой, которая рассматривает постфронтир как период «после покорения Чужого, а также освоения территории», причем, с ее точки зрения, для этого периода характерно, что «Чужой оказывается вписан в новую историю страны, и в ней ему отводится весьма почетное место»². Если для США и Кавказа подобная классификация вполне уместна, то для Военной границы и Донского Войска – нет, но подробнее к этому вопросу мы вернемся ниже.

Примеров, подтверждающих выдвинутый нами тезис о существовании специфического военного постфронтира, можно привести достаточно много, но мы ограничимся одним, наиболее ярким и значимым. Постоянные военные стычки с противником некогда делали земледелие невозможным для донского казачества, и еще в 1860-е гг. большая часть казаков занималась хлебопашеством крайне неохотно, предпочитая иные промыслы³. Даже в 1890-е гг., по свидетельствам современников, уже вынужденные пахать землю казаки все равно считали тяжелый крестьянский труд «хамским занятием»⁴. Аналогичным образом и граничары не считали хлебопашество достойным делом и оставляли его женщинам⁵. В результате полноценное хозяйственное освоение как Донского Войска, так и Военной границы после стабилизации ситуации на их территории оказалось невозможным из-за недостатка рабочих рук. Вот что писал о ситуации в российских казачьих войсках в 1860-е гг. крупнейший донской статистик Н.И. Краснов:

«Прошло 80 лет со времен присоединения Крыма и умиротворения ногайских татар, а жители Донской области по-прежнему остаются в своем военном строе, медленно развиваются по пути гражданственности, и само правительство до шестидесятих годов настоящего столетия, видимо, потворствовало подобному порядку дел. [...]. Статистические изучения казачьих территорий наглядно показали, что земли, населенные казаками, несмотря на благоприятные свои угодья, заключающиеся в судоходных и обильных рыбою водах, при неисчерпаемых минеральных богатствах и плодородии почвы, едва прокармливают казачье население, не принося никаких доходов в государственную казну»⁶. О ситуации в это время на территории Военной границы русский военный агент в Вене Ф.Ф. Торнау докладывал схожим образом: «Значительная часть земли лежит необработанною, а источники благосостояния, вмещаемые этой богатой стороною, приносят самую ничтожную пользу. Австрийское правительство понимает ущерб, который оно несет в Военной границе; но колеблется пока в избрании мер, могущих его устранить»⁷.

Действительно, имперские правительства опасались трогать исторически сложившиеся пограничные сообщества, обычно не только не пытались разрушить те специфически фронтирные формы общежития и административного устройства, которые сложились на их территории, но и, напротив, искусственно консервируя их. Известны слова Николая I, сказанные им донскому атаману М.Г. Власову: «Я люблю казаков, но не желал бы видеть их не казаками: надобно, чтобы на Дон не доходила никакая реформа ни в правах, ни в обычаях, ни в самом служении. Пускай казаки останутся славными казаками Отечественной войны двенадцатого года»⁸. Нам удалось обнаружить похожее по главной идее высказывание А.Н. Куропаткина, предложенное уже накануне XX в.: «С развитием промышленности в казачьих войсках не следует пока спешить»⁹. Ф.Ф. Торнау, объясняя, почему Военная граница продолжает свое существование, также, помимо прочего, указывал на то, что австрийское правительство «желает

сохранить военное учреждение, возвращенное с чрезвычайной заботливостью в течение нескольких веков»¹⁰ (приведенные цитаты, разумеется, не означают, что в отдельные периоды Донское Войско и Военная граница не подвергались принципиальным реформам).

Исходя из всего изложенного, мы предлагаем следующее определение военного постфронтра: *Военный постфронтир – последняя стадия (наступающая после фактической утраты пограничного статуса) существования тех фронтирных обществ, для которых была характерна длительная (более века) географическая стабильность, и поэтому в среде этих обществ успели сложиться крайне устойчивые военные традиции и военно-административные управленческие институты.* В отличие от определения постфронтра О.С. Якушениковой (мы далее будем называть описанный ей феномен «культурным постфронтиром»), военный постфронтир складывается не в результате наступления на чужие территории и постепенного втягивания их в хозяйственный оборот, но в результате защиты от достаточно сильного противника территорий своих, что и обеспечивает его географическую устойчивость. Соответственно, цели «покорения Чужого» и «освоения территории» для этого фронта оказываются неактуальны и оставшийся за пределами зоны постфронтра усмирительный Чужой не вписывается «в новую историю страны», а сама постфронтальная зона остается мало освоенной десятилетиями. Зато сохраняется устойчивый военно-социальный институт, резко отличающийся от остальной территории страны, что совершенно не характерно для культурного постфронтра, например, в США.

Примечания

¹ Каппелер А. Казачество. История и легенды. Ростов-на-Дону, 2014. С. 81–85.

² Якушеникова О. С., Якушеников С. Н. Трансформация образа Чужого в условиях постфронтальной культурной парадигмы // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета.

2015. № 114. С. 326–337.

³ *Краснов Н. И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. С. 245–248.

⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 11.

⁵ *Березин Л. В.* Хорватия, Славония, Далмация и Военная граница. СПб., 1879. Т. 2. С. 348–349.

⁶ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 115 об-117.

⁷ Там же. Л. 40–40 об.

⁸ *Volvenko A. A. Chebotarev A. P.* – “the Grey Cardinal” of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? // *History and Historians in the Context of the Time.* 2015. Vol. 15. Is. 2. P. 109.

⁹ ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 59. Л. 4.

¹⁰ РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 40 об.

DOI: 10.31168/2619–0869.2019.1.12

В. В. Котов

Теория национализма Мирослава Гроха и историография сокольского движения

Ключевые слова: сокольство, национализм, XIX век, чешские земли, история спорта.

С 1980-х гг. тема национализма является одной из ключевых в историографии Нового времени. Классический статус приобрела теория национализма¹ историка Мирослава Гроха (р. 1932). Большая часть карьеры Гроха связана с Прагой, поэтому в его работах регулярно встречаются чешские сюжеты. Одним из них является история сокольского движения. Сокольство, возникшее в 1861–1862 гг., соединяло, по образцу немецких «Турнферайнов», национализм и гимнастику и постепенно получило широчайшее распространение в т.н. Чешских землях монархии Габсбургов и за их пределами. Движению посвящен огромный комплекс исследований, который можно назвать сокологией.

Широкую известность Мирославу Гроху принесла его теория трех фаз развития национальных движений «малых» наций: фаза *A* («период научного интереса»), фаза *B* («период патриотической агитации») и фаза *C* («период наступления массового националистического движения»)².

Грох упоминает сокольское движение лишь в одной из известных мне работ, связывая его в книге 2005 г. «Европа наций: формирование современных наций в европейском сравнении» не со своими фазами, а с организацией праздников националистами как практикой культурного конструирования³. Одним из таких мероприятий были с 1882 г. сокольские слеты, «которые должны были демонстрировать единство, сплоченность и силу чешского национального движения». В целом он отмечал, не указывая на буквенное обозначение соответствующей фазы, что нестихийные светские праздники, несшие с различной степенью явности политическое послание, были характерны для национальных движений, находившихся уже на поздних, массовых стадиях развития и действовавших в условиях наличия свободы слова и собраний и определенного уровня материального благополучия и развития политической культуры⁴.

Балканист Мирослав Шестак (р. 1937), написавший для монографии Гроха «Европейские национальные движения в XIX в.» 1986 г. очерк истории словенского национального движения, отмечал, что основание по образцу пражского общества «Южного Сокола» в Любляне в 1863 г. было одним из «симптомов» «перехода словенского национального движения к массовым формам как предпосылки возникновения нации Нового времени» и что в 1890-е гг., когда процесс этого возникновения уже завершился, важное значение имела «относительно развитая система культурных, экономических и политических институтов и организаций»⁵.

В том же 1986 г. была защищена диссертация исследователя спорта Дитгельма Блекинга (р. 1948) о польских «соколах» в Пруссии. В следующем году она была издана в виде монографии. Соотнесение теории Гроха с историей сокольства вызвало у немецкого исследователя интерес к социальным

группам, которые играли ведущую роль в движении⁶. Также в этой книге и в другой работе 1991 г. Блекинг опосредованным образом связал возникновение сокольства с переходом чешского национального движения к фазе *C*, процитировав слова последнего о втором периоде развития националистических движений Владимира Ильича Ленина (1870–1924) из статьи «О праве наций на самоопределение» (1914), а в 2010 г. напишет об этой связи уже прямо⁷.

Однако первой сделала это в 2002 г. американский историк Клэр Нольте (р.1946), автор монографии «“Сокол” в чешских землях до 1914 г.: Подготовка нации»⁸. К этому же выводу пришел и историк Роберт Сак (1933–2014) в своей биографии Мирослава Тырша, не упомянув, однако, о книге Нольте, занесенной им в список использованной литературы⁹.

Эту своеобразную линию продолжил филолог Томаш Гланц (р. 1969), знакомый с работами как Сака, так и Нольте, который также без указания на предшественников «выдвинул» тезис о связи сокольского движения с фазой *C*¹⁰. Он также утверждал, что это наблюдение позволяет пересмотреть якобы разделяемое Грохом мнение о наступлении этой фазы у малых наций Европы лишь с обретением независимости после Первой мировой войны. В действительности теория Гроха предполагает одновременное наступление трех фаз у различных наций, для чешской же историк определял наступление фазы *C* именно тем периодом, к которому ее предлагал перенести Гланц, т.е. началом 1860-х гг. Этот случай подтверждает обоснованность высказанного Грохом в одной из статей недовольства вульгарными интерпретациями его «модных» фаз¹¹.

Наконец, в примечательной диссертации театроведа Терезы Конивковой (р.1986), защищенной в 2018 г., сокольство связывается не только с переходом между фазами *B* и *C*, но и концом фазы *B*¹². Также теория Гроха упоминается в связи с декларируемой посредством изучаемых в работе публичных мероприятий инклюзивностью движения, проявлениях в них историзма сознания националистов и эмоциями, которые вызывали национальные символы¹³.

Таким образом, теория Мирослава Гроха уже несколько десятилетий оказывает влияние на сокологологию. Исследования движения в 1860-е гг. XIX в., которое я веду в настоящий момент, показало, что этот вопрос еще не является исчерпанным: так, полагаю, неслучайным является то, что шесть из семи сокольских обществ, возникших в 1862 г. в Богемии по пражскому образцу, располагались в т.н. «хлебородном регионе», выделенном Грохом как место активной чешской патриотической агитации на фазе *B*.

В силу ограниченности объема текста тезисов, остановлюсь только на этом примере, подтверждающем, как я полагаю, продуктивность поиска сосредоточенными на конкретных сюжетах исследователями творческих импульсов в работах авторов, «смотрящих за горизонт». Очевидная опасность состоит, однако, в подмене этого поиска некритическим принятием положений различных теорий в качестве непреложных законов исторического развития.

В случае работ Гроха одним из «противоядий» может служить не только опора на исторические источники, но и знакомство с текстами других теоретиков национализма и культуры вообще. Например, ряд интересных идей о сокольском движении высказал философ Эрнест Геллнер (1925–1995)¹⁴, который также связывал процесс появления наций с модернизацией, но являлся оппонентом Гроха. Множество импульсов содержат и общие положения его теории, как и идеи других авторов, в том числе немодернистских.

Примечания

¹ К этому термину Грох относится скептически и даже негативно.

² *Hroch M.* Evropská národní hnutí v 19. století: společenské předpoklady vzniku novodobých národů. Praha, 1986. S. 64–65.

³ *Hroch M.* Národy nejsou dílem náhody: příčiny a předpoklady utváření moderních evropských národů. Praha, 2009. S. 255.

⁴ *Ibid.* S. 249, 257, 265.

⁵ *Hroch M.* Evropská národní hnutí... S. 157–158, 162. Грох, однако, писал в 1993 г., что в 1890-е гг. словенское национальное движение только вступило в фазу *C* (*Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся

нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм*. М., 2002. С. 127.

⁶ *Blecking D.* Die Geschichte der nationalpolnischen Turnorganisation “Sokół” im Deutschen Reich 1884–1939. Münster, 1987. S. 10–11.

⁷ *Ibid.* S. 31–32; *Idem.* Zum historischen Problem der slawischen Sokolbewegung // *Die slawische Sokolbewegung: Beiträge zur Geschichte von Sport und Nationalismus in Osteuropa*. Dortmund, 1991. S. 13; *Idem.* Sport a “národní obrození” ve Východní Evropě: české sokolské hnutí jako model // *Odras středoevropských minoritních kultur ve sportu*. Praha, 2010. S. 12.

⁸ *Nolte C.* The Sokol in the Czech lands to 1914: training for the nation. Basingstoke, 2002. P. 2.

⁹ *Sak R.* Miroslav Tyrš: sokol, myslitel, výtvarný kritik. Praha, 2012. S. 10, 55.

¹⁰ *Glanc T.* Slavische Bewegungsbilder. Die tschechische Sokol-Bewegung und ihre mediale Wirkungsästhetik // *Ethos und Pathos: Mediale Wirkungsästhetik im 20. Jahrhundert in Ost und West* (Riccardo Nicolosi und Tanja Zimmermann). Wien; Köln; Weimar, 2017. S. 64–66.

¹¹ *Грох М.* Консенсусное объяснение формирования наций // *Вопросы философии*. 2011. № 1. С. 27.

¹² *Konývková T.* Tělo v pohybu: performativita sokolského hnutí v období formování moderního českého národa. Disertační práce. Brno, 2018. S. 18–19, 94.

¹³ *Ibid.* S. 25, 47–48, 94.

¹⁴ *Геллер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // *Нации и национализм*. М., 2002. С. 172–173.

DOI: 10.31168/2619–0869.2019.1.13

А. Ю. Гребикова

Славянские писатели Юлиус Зейер и Йозеф Голечек и их отношение к России

Ключевые слова: Юлиус Зейер, Йозеф Голечек, путешествие, славянская взаимность, славянофильство.

Из-за специфического развития и статуса мировой державы Российская империя стала платформой для практически неосуществимых политических и культурных идей многих славянских народов. Целью доклада является описание отношений двух ведущих чешских писателей к России на основе анализа их путешествий.

Юлиус Зейер (1841–1901) – представитель космополитической литературной школы, неоромантик и полиглот, проехавший полмира, – именно в России открыл свое жизненное призвание и нашел вдохновение для своих художественных произведений, особенно для романа «Андрей Чернышев» (*Ondřej Černyšev*)¹. Из всех стран, которые знал Зейер, он предпочитал Россию, о чем свидетельствует тот факт, что перед самой смертью он посетил именно ее. Поскольку он совершил четыре большие поездки в Российскую империю и постоянно интересовался событиями в ней, Юлиус Зейер достиг относительно трезвого и критического ее понимания, хотя, будучи человеком «аристократической» природы, он действовал как радикальный демократ и социальный анархист, сочувствующий русскому революционному движению, ярый противник Габсбургской монархии и сторонник славянской федерации во главе с Россией².

Сын крестьянина, представитель деревенской прозы, страстный славянофил Иосиф Голечек (1853–1929), оказался противоположностью Зейера. В своей жизни Голечек был скорее ближе к южнославянским народам, особенно к маленькой и доблестной Черногории, которую воспринимал как образец для чехов³. Российская империя для него была славянским гегемоном, дамбой против «сверхтехнологичного», морально испорченного и катящегося к упадку западного общества⁴. Однако Россия интересовала Голечека больше с политической точки зрения. Несмотря на то, что страна принесла ему много личных разочарований и, видимо, он не был так сильно связан с ней, как Зейер, Россия была для него самой важной славянской державой; он субъективно воспринимал империю как мощное государство со своими слабыми сторонами.

Хотя чрезмерное расхождение в направлении творческой деятельности разделило Зейера с Голечек, некоторые из общих черт их отношения к России сблизили писателей. Оба были сторонниками славянофильства, поскольку верили в прямое противоречие между морально падающим обществом Запада и духовно богатым и сильным обществом Востока. Зейер был более критичен в своем подходе к России, чем Голечек.

Это можно объяснить тем, что он чаще и продолжительнее бывал здесь. Так же, как и Голечек, он мечтал о славянской федерации, но из-за более демократичных взглядов Зейер был скорее сторонником конца самодержавия, в то время как его литературный коллега не мог представить себе славянскую взаимность без самодержавия. Оба читали произведения русских славянофилов, в том числе книгу Николая Яковлевича Данилевского «Россия и Европа»⁵. Они также активно участвовали в интенсификации контактов с Россией у себя на родине⁶. Зейер и Голечек были известны в определенных кругах русского общества, и в России у них было много чешских и местных друзей или, по крайней мере, корреспондентов. Они посетили одни и те же места в своих путешествиях. И Зейер, и Голечек в великой славянской державе видели чрезмерную, даже варварскую роскошь и ненужное подражание европейским модным тенденциям, особенно критиковал это Зейер⁷; Голечек отмечал необразованность крестьянства и неидеальные отношения России с другими славянскими народами⁸. Однако отношение обоих писателей к России было не совсем реалистичным. В размышлениях Зейера о некоторых событиях, таких как убийство Александра II⁹, можно узреть его антипатию к Германии¹⁰, основанную на трезвой оценке всей ситуации с политической точки зрения. Подобное утилитарное отношение, с учетом пользы для реализации собственных панславистских целей, в интерпретации России характерно и для Голечка¹¹. Учитывая, что оба писателя были коренными чехами и не жили в России долго, они не могли объективно оценивать местную политическую и социальную специфику и им можно простить субъективность суждений. Будучи журналистом, Йозеф Голечек, который был более политически ангажирован, чем Юлиус Зейер, воспринимал Россию более прагматично, утилитарно и, таким образом, сумел освободиться от излишней эмоциональности при изображении «Восточной империи», как показывает жанровое своеобразие его работ. Для него Россия с политической и национальной точки зрения была ключевой страной, а темами, на которые он писал чаще всего, было его сочувствие

к армии и крестьянам¹². Духовный, а не политический вопрос сыграл важную роль для Юлиуса Зейера. Россия стала для него своеобразным оазисом в моменты скорби из-за тяжелого положения чешского общества и в моменты собственных душевных поисков¹³. Юлиус Зейер, как и Россия, был склонен к крайностям, внутренней нерешительности и до сих пор остается не полностью понятым.

Таким образом, для чешских интеллектуалов – и для Юлиуса Зейера, и для Иосифа Голечека – Российская империя являлась важной по разным причинам. Но оба они видели в ней страну, где можно было реализовать то, о чем они мечтали. Обращение к данной проблематике не только свидетельствует о стремлении изучить культурное богатство России, но является своеобразным способом самовыражения исследователей.

Примечания

¹ *Viskovataja J. Ruské motivy v tvorbě Julia Zeyera. Praha, 1932. S. 17–46; Paměti carevny Kateřiny II. Praha, 1993. S. 44–45.*

² См., напр.: *Korespondence Julia Zeyera s polskými spisovateli / Ed. J. Slizinski. Praha, 1980. S. 216.*

³ *Holeček J. Pero, Román-Paměti. Praha, 1922. S. 430–439.*

⁴ См., напр.: *Письма Й. Голечека Ю. Грегру от 14. или 15.09.1889 г. // Arhiv Národního muzea (далее – ANM). F. Grégr Julius. K. 4. Složka 4/1.*

⁵ *Holeček J. Ruskočeské kapitoly. Praha, 1891. S. 34.*

⁶ Например, Зейер подружился здесь с государственным деятелем Петром Александровичем Валуевым (1815–1890). См.: *Jurčinová E. Julius Zeyer. Život českého básníka. Praha, 1941. S. 31.*

⁷ *Voborník J. Listy třem přátelům. Praha, 1938. S. 63.*

⁸ Письмо Й. Голечка З. Голечковой от 18.07.1911 г. // *Památník národního písemnictví. F. Josef Holeček.*

⁹ *Voborník J. Julius Zeyer. Listy třem přátelům. S. 62.*

¹⁰ *Kašpar A. Z korespondence Julia Zeyera. 23.06.1874 // Časopis Musea Království Českého. 1902. S. 252.*

¹¹ См., напр.: *Письмо Й. Голечка Ю. Грегру от 23.07.1887 г. см.: ANM. F. Grégr Julius. K. 4. Složka 4/1.*

¹² См., напр.: *Письма Й. Голечка Ю. Грегру от 19.07; 01.08; 27.08; 03.09.1887 г. см.: Ibid.*

¹³ См. напр.: *Письмо Ю. Зейера Й. Кайзеру от 05.08.1873 г. см.: Památník národního písemnictví. F. Zeyer Julius.*

Разработка Романом Дмовским понятия нации на страницах журнала *Przegląd Wszechpolski* в 1895–1897 гг.

Ключевые слова: Роман Дмовский, публицистика, идеология, нация, национальные меньшинства.

К концу XIX в. наметилась тенденция к политическому обособлению отдельных польских земель. Традиционные политические партии и их клиентела – шляхта – уже не имели достаточного потенциала для мобилизации всех поляков на борьбу за независимость всей Польши, а новые политические силы еще только формировались. Их лидерам предстояла непростая задача поиска социальной базы и разработки адекватной ей идеологии. Одной из таких сил была национальная демократия (эндеки). 1 января 1895 г. выходивший во Львове журнал «Пшеглэнд эмиграционный» (*Przegląd emigracyjny*) был переименован в «Пшеглэнд вшехпольски» (*Przegląd Wszechpolski*). Тем самым издатели продемонстрировали намерение сделать своей аудиторией поляков из всех трех частей разделенной родины. В июле 1895 г. журнал возглавил перебравшийся из Варшавы во Львов Р. Дмовский, один из ведущих деятелей тайной Национальной лиги, объединявшей представителей всех трех частей Польши.

До приезда во Львов Р. Дмовский практически не обращался к материалам из других польских земель. Например, в статье «Наш патриотизм» (1893 г.) он, хотя и отмечал, что в других частях Польши ситуация далеко не «платоническая»¹, охарактеризовал положение дел только в Царстве Польском. Конечно, молодому политику из Варшавы легче было писать об известных ему вещах. Да и цензура Российской империи тщательно следила за тем, чтобы информация из других польских земель не попадала в Привислинский край². Поэтому,

возглавив «Пшеглёнд вшехпольски», Р. Дмовский изначально поставил перед собой задачу сделать его средством информирования читателей о жизни во всех частях Польши и развития национальной мысли.

Он сразу же взял курс на превращение «Пшеглёнда» в политическую трибуну эндеков. На страницах журнала их лидеры, в том числе Р. Дмовский, активно обсуждали и теоретические вопросы. В числе таких вопросов было определение содержания понятия нации. Одним из первых шагов в этом направлении стал цикл публицистических статей Р. Дмовского «Народное единство». В них получили дальнейшее развитие идеи, ранее уже озвученные в «Нашем патриотизме»: поляки едины вне зависимости от их места проживания и подданства, Варшава остается «интеллектуальной и моральной столицей всей Польши»³. Связующим поляков фактором и оружием борьбы с гонениями на религию, культуру и язык является сильный польский патриотизм⁴.

Важной проблемой, волновавшей в тот период Р. Дмовского, было определение роли национального самосознания для жизни нации⁵. Существование самостоятельной польской нации он объяснял не столько общностью литературного языка (как это делали германские идеологи в XIX в.), сколько наличием «национальной души» и врожденного чувства польскости. Правда, признавал он, у простых людей оно выражено слабо, но его можно пробудить с помощью их просвещения.

Р. Дмовскому было ближе французское понимание нации. Вслед за французскими идеологами, одним из главнейших условий существования нации он называл общее прошлое в рамках одного государства⁶: «Есть люди, говорящие на бретонском, провансальском, баскском языках, и все же никто не будет говорить о существовании нации бретонцев, провансальцев или басков. Использование одного [...] языка пруссами, австрийцами и жителями немецкой Швейцарии не делает их одним немецким народом»⁷. В связи с этим, одной из главных угроз польскости он считал требование, «чтобы поляки [...] в каждом из государств, владеющих польскими землями, были верными подданными своего правительства,

чтобы они признавали [...] свою принадлежность к той стране»⁸. Если бы правительствам Пруссии и России удалось добиться такой степени лояльности, то поляки «перестали бы существовать как одна нация и превратились в пару народов, не имеющих ничего общего, кроме языка и культур»⁹.

Это же понимание нации Дмовский развил в статье «Литовский вопрос», в которой он отрицал национальные устремления литовцев. Свою позицию он обосновывал тем, что родина у поляков и литовцев одна, латиница «вместе с польской культурой пришла в Литву», новая литовская интеллигенция – это польская интеллигенция, порывающая с польскостью, старающаяся использовать в семейных и дружеских кругах литовский язык и т.д. Литовское национальное возрождение Р. Дмовский не считал естественным процессом, «ибо [молодая] интеллигенция стала расти при определенной помощи извне» (например, в двух школах вместо уроков польского были введены уроки литовского). При этом он обратил внимание на то, что у литовцев возрос интерес к чтению и они учатся читать на литовском по нелегальным журналам. Решение литовского вопроса Р. Дмовский видел в признании равенства польского и литовского языков как языков одной общей родины двух народов: «Нет двух патриотизмов, польского и литовского, но есть один общий, как есть одна, общая для всех родина»¹⁰.

Ключевая для Дмовского проблема национального самосознания была затронута им и в цикле статей «Из результатов изучения российских школ в Польше». Самым опасным последствием русификации школьного образования в Царстве Польском он считал уничтожение польского духа через влияние на польское самосознание учеников (давление на католицизм, навязывание православия, неуважение к ученикам, отсутствие уроков польского языка и др.), конфликт национальностей при столкновении русского учителя (более грубого и аморального) и польского ученика¹¹.

Из других национальностей, веками проживавших рядом с поляками, внимание Р. Дмовского привлекали также евреи и русины. Но он нигде не рассматривает их как отдельные

нации. Например, в статье «Политическое развитие Галиции» он писал о евреях лишь то, что «еврейская масса», заселяющая преимущественно города, политически индифферентна и мешает образованию политических сил в городах¹². А в цикле статей «Письма варшавянина из Галиции», печатавшемся в 1896–1897 гг., есть только возмущение Р. Дмовского громкой речью евреев-попутчиков в поезде во время поездки в Галицию¹³. Русинов же он назвал более низкими в культурном и расовом отношении, и не считал возможным признавать их в качестве отдельной национальности¹⁴.

Примечания

¹ *Dmowski R. Nasz Patryotyzm // Dmowski R. Pisma. T. 3. Dziesięć lat walki (Zbiór prac i artykułów, publikowanych do 1905 r.). Częstochwa, 1938. S. 248.*

² *Stosunki prasowe na kresach wschodnich // Przegląd Wszechpolski: dwutygodnik polityczny, społeczny i ekonomiczny. 1895. N 5. S. 65–67; (Skr). Jedność narodowa // Przegląd Wszechpolski. 1895. N 7. S. 98–99.*

³ *Ibid. S. 98.*

⁴ *(Skr). Jedność narodowa // Przegląd Wszechpolski. 1895. N 6. S. 81–83.*

⁵ *Wapiński R. Roman Dmowski. Lublin, 1989. S. 73.*

⁶ *Ibid. S. 73–74.*

⁷ *(Skr). Jedność narodowa // Przegląd Wszechpolski. 1895. N 6. S. 82.*

⁸ *(Skr). Jedność narodowa // Przegląd Wszechpolski. 1895. N 8. S. 113–114.*

⁹ *Ibid. S. 114.*

¹⁰ *Kwestia Litewska // Przegląd Wszechpolski: dwutygodnik polityczny i społeczny. 1895. N 19. S. 204–205.*

¹¹ *[R. Skrzycki]. Ze studiów nad szkołą rosyjską w Polsce // Przegląd Wszechpolski. 1895. № 14, 15, 17–22. См. также: Gomoła A. Dmowski – Żeromski – Witort, czyli dyskusja o rosyjskiej szkole // Alfabet Paszka: Berent, stylistyka (i okolice), Żeromski. Katowice, 2010. S. 272–300.*

¹² *Rozwój polityczny Galicji // Przegląd Wszechpolski. 1895. N 18. S. 278.*

¹³ *Skrzycki R. [R. Dmowski]. Listy Warszawiaka z Galicji // Przegląd Wszechpolski. 1896. № 21. S. 488.*

¹⁴ *Skrzycki R. [R. Dmowski]. Listy Warszawiaka z Galicji // Przegląd Wszechpolski. 1897. N 1. S. 5.*

НОВОЕ ВРЕМЯ. МЕЖСЛАВЯНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.1.15

С. А. Орешин

Славянская колонизация Терско-Дагестанского края (XVI – начало XX в.)

Ключевые слова: Северный Кавказ, славяне, миграция, Терская область, Дагестанская область, гребенские казаки, Кавказское линейное казачье войско, Азово-Моздокская линия, Сунженская линия, Терское казачье войско.

Впервые славяне появились на Северо-Восточном Кавказе в IX–XI вв., однако это были эпизодические военные походы и торговые экспедиции, не преследовавшие целью создание постоянных поселений¹. Славянские мигранты появляются в Терском регионе во второй четверти – середине XVI в. Первыми славянскими колонистами были гребенские казаки, расселявшиеся на правобережье Терека и в Терско-Сунженском междуречье. Ученые до сих пор ведут дискуссии, откуда они были родом и что их вынудило переселиться в эти края. Контактурюя с автохтонными кочевыми и горскими народами, казаки включали в свой состав представителей различных этнических групп. Тем не менее основу этнического компонента гребенцов (и, позднее, терцев) всегда составляли восточные славяне. Основными занятиями казаков в тот период времени были охота, рыбная ловля, военные набеги на соседей, в меньшей степени – скотоводство².

Одновременно на Тереке начинают появляться русские военные городки, служившие опорными пунктами российского государства на пограничной территории. Их население было полиэтничным, но основу составляли русские служилые люди, переселявшиеся из Астрахани и других южных городов.

В начале XVIII в. под давлением горцев гребенские казаки переселяются на левобережье Терека, где возникает ряд их станиц. С 1721 г. они оказываются в ведении Военной коллегии. Со времен правления Петра I российские власти начинают уделять внимание колонизации Северо-Восточного Кавказа, стремясь укрепить там свои позиции. В 1735 г. был построен Кизляр, в 1765 г. – Моздок, ставшие главными форпостами Российской империи на Тереке. В 1770-е гг. начинается возведение Азово-Моздокской линии, сопровождавшееся хозяйственным освоением региона и увеличением миграционных потоков славянского населения, при этом выделялись казачья колонизация, дворянская и т.н. «вольная».

Российское правительство в 1724–1735 гг. организует переселение на Терек части донских казаков, а в 1771–1778 гг. – волжских, которые основывают ряд станиц и хуторов³. Одновременно правительство Екатерины II начинает раздавать большие массивы земель российской аристократии при условии заселения их крепостными крестьянами. Несмотря на попытку некоторых помещиков организовать масштабное хозяйственное освоение полученных земель, дворянская колонизация существенной роли не сыграла, и количество крепостных крестьян было незначительным.

Гораздо большие масштабы приобретает свободная крестьянская колонизация, начавшаяся в середине XVIII в. Она проходила как организованно (правительство переселяло государственных крестьян), так и стихийно, когда на Тереке и его притоках селились беглые из центральной России. К концу XVIII в. на Терек переселилось 39 тыс. человек, из них 32 тыс. составляли государственные крестьяне⁴. Русские переселенцы, а затем и казаки начинают заниматься земледелием и распахивать целинные земли. В городах русское население занималось ремеслами и, в меньшей степени, торговлей.

В первой половине XIX в. славянская колонизация Терского края продолжалась, затронув и Дагестан. В 1831 г. российское правительство переселяет сюда часть малороссийских казаков вместе с семьями. В 1840-х гг. начинается освоение казаками Сунженской укрепленной линии. Из переселенных

на Северный Кавказ казаков формируется Кавказское линейное казачье войско. Активизируется строительство крепостей, городов и слобод в Предкавказье и на побережье Каспийского моря. В тот период времени возникают такие населенные пункты, как Пятигорск, Кисловодск, Железноводск, Владикавказ, Нальчик, Грозная (совр. Грозный), Темир-Хан-Шура (совр. Буйнакск), Порт-Петровск (совр. Махачкала) и др. Продолжается переселение на Терек крестьян из центральных и южных губерний России. Среди переселенцев высокой была доля малороссов, которые в 1858 г. составляли 31,2% населения Терской области⁵. Однако переселение тормозилось беспокойной обстановкой в связи с затяжной Кавказской войной и частыми набегами горцев на возникавшие поселения. Вплоть до второй половины XIX в. увеличение численности славянского населения достигалось за счет механического прироста, который преобладал над естественным.

Славянская колонизация приобретает большие масштабы после окончания Кавказской войны и окончательного вхождения Чечни и Дагестана в состав Российской империи. Главной причиной переселения было аграрное перенаселение в центральных и центрально-черноземных губерниях, крестьянское малоземелье и безземелье, сохранявшиеся полукрепостнические пережитки. В начале XX в. 38% всех переселенцев на Кавказ направлялось в Терскую область, в основном в степные и в меньшей степени предгорные районы, где сохранялся значительный фонд целинных земель. Кроме того, часть экспроприированных у горцев и кочевников земель также передавалась колонистам царским правительством. Многие переселенцы оседали в городах, где начинает развиваться промышленное производство (особенно в Грозном, превратившимся к 1917 г. в один из крупнейших центров нефтедобычи), возникавших рабочих и железнодорожных поселках. В то же время миграционный поток славян в Дагестан был незначителен по причине высокой плотности населения и отсутствия значительного фонда свободных плодородных земель. Переселенцы селились почти исключительно в городах⁶.

По данным Всероссийской переписи населения 1897 г., великороссы составляли 29% населения Терской области и 2,3% Дагестанской; малороссы – 4,5 и около 1% соответственно. Кроме того, во Владикавказском и Темир-Хан-Шуринском округах проживали небольшие группы поляков⁷.

Среди славянского населения Терско-Дагестанского региона в начале XX в. можно выделить несколько локальных групп: терское казачество, составлявшее около 20% населения Терской области и представлявшее замкнутою сословно-субэтническую группу; сельские обыватели невойскового сословия (т.н. «иногородние»); городские обыватели гражданского ведомства, занятые в промышленности, сфере услуг и управлении; военнослужащие расквартированных в крепостях воинских частей.

Таким образом, славянская колонизация стала важным фактором истории Северо-Восточного Кавказа и сыграла большую роль в экономическом развитии Терско-Дагестанского края. Переселенцы освоили значительное количество целинных земель, построили города, содействовали развитию промышленности, путей сообщения, способствовали знакомству горцев и кочевников с русской культурой. В то же время славяне перенимали многие полезные хозяйственные навыки у своих соседей, а их материальная и духовная культура обогатилась вследствие длительных контактов с представителями различных этнических групп.

Примечания

¹ *Гасанов М. Р.* Из истории взаимоотношений народов Кавказа со славянами (русами) в раннем средневековье // Русско-кавказские отношения: от первых контактов до современного единства. Материалы III международного форума историков-кавказедов 16 ноября 2015 г. / отв. ред. В. В. Черноус. Ростов-на-Дону, 2015. С. 32.

² *Савков С.* Северный Кавказ как зона славянской колонизации в средние века и раннее новое время // Проблемы отечественной и зарубежной истории: мнения, оценки, размышления. Ученые записки кафедры отечественной и зарубежной истории. Выпуск X. Пятигорск, 2008. С. 144.

³ *Гранкин Ю. Ю., Землянский А. В.* Северный Кавказ и его колонизация Россией в 30–90 годы XVIII века. Пятигорск, 2006. С. 109.

⁴ Там же. С. 137.

⁵ Немшакалов П. Г. Колонизация Северного Кавказа в XIX – начале XX вв.: этапы, тенденции и последствия. Ставрополь, 2013. С. 25.

⁶ Заседателева Л. Б. Восточные славяне на Северном Кавказе в середине XVI – начале XX века (динамика этнокультурных процессов). Дис... д. и. н. в форме научного доклада: 07.00.07. М., 1996. С. 19.

⁷ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 62. Дагестанская область. СПб., 1905; Т. 68, Терская область. СПб., 1905.

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.1.16 *Н.Г. Струнина-Бородина*

К вопросу о финансовой помощи России в пользу Черногории: от истоков русско-черногорских связей к началу XX в.

Ключевые слова: Российская империя, Черногорское княжество, русские субсидии, Никола Петрович-Негош.

Основываясь на архивных материалах, часть которых вводится в научный оборот впервые, а также на базе уже опубликованных документов и исследований отечественных и зарубежных специалистов, мы рассмотрим вопрос о финансовой помощи России в пользу Черногории до начала XX в.

Основоположником русско-черногорских отношений был царь Петр I, который 3 марта 1711 г. обратился к черногорцам с воззванием вступить в совместную борьбу против турок¹. Откликнувшись на призыв и оттянув на себя часть турецких войск, черногорцы помогли русской армии, однако сами впоследствии подверглись карательному походу Порты. На восстановление сожженного турками монастыря в г. Цетине*

* Монастырь Рождества пресвятой Богородицы был построен в 1484 г. Иваном Црнбевичем (Черноевичем), или Иван-бегом, в недоступном для врагов Цетинском поле, поэтому вскоре Цетине стало столицей черногорских земель (называемых Зетой) вместо Риэки Црнбевича. Монастырь первый раз был сожжен турками в 1692 г., затем восстановлен и снова сожжен в 1714 г. в ходе карательного похода османских войск на территорию Черногории, которая де-юре

и на уплату долгов Петр I выделил черногорскому владыке в 1715 г. 5 тыс. руб., подарил церковную утварь и книги, а особо пострадавшим повелел раздать 160 золотых портретов царя и 5 тыс. руб. на всех. Тогда же была учреждена постоянная субсидия в 500 руб. Цетинскому монастырю, которая выплачивалась раз в три года². В документах фигурирует и другая субсидия – 700 червонных золотых монет (около 2 тыс. руб.) в пользу черногорского народа³.

Важно отметить, что русская денежная помощь, как с самого начала ее установления, так и в дальнейшем, была разносторонней: постоянная дотация Цетинскому монастырю, поступавшая в безотчетное распоряжение митрополита; и государственная субсидия для внутреннего благоустройства страны – эта сумма с годами постоянно росла. Также в случае неурожая в Черногории российское правительство выделяло единовременные субсидии на покупку хлеба, эта помощь не носила постоянного характера и направлялась по запросу черногорской стороны.

В 1799 г. император Павел I повелел, помимо помощи Цетинскому монастырю, ежегодно выплачивать 1 тыс. червонных монет** (3 тыс. руб.) «для общенародных надобностей»⁴.

С 1830-х гг. правительство Николая I стало уделять

считалась турецким вайлайетом, а де-факто никогда Порте не подчинялась и постоянно вела боевые действия против нее, также отказывалась от уплаты дани. В такой ситуации единственной возможной формой правления в Черногории была теократия (1516–1852), митрополит в полном смысле этого слова был вождем черногорского народа. С 1697 г. митрополитами назначались представители рода Петровичей-Негошей, наследование происходило от дяди к племяннику по духовному завещанию митрополита. В 1852 г. Данило Петрович-Негош нарушил эту традицию и с разрешения Петербурга провозгласил себя светским правителем Черногории. Международное признание Черногория получила после Берлинского конгресса 1878 г. при Николе Петровиче-Негоше, провозгласившего себя в 1910 г. с одобрения России королем, а Черногорию – королевством. В Цетинском монастыре по сей день хранится десница Иоанна Крестителя, частицы Святого Креста, мощи черногорского митрополита Петра I Петровича-Негоша и другие реликвии.

** 1 тыс. червонцев = 3 тыс. руб. = 1 тыс. цекинов = 4 тыс. австрийских флоринов. См.: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984. С. 386. Как уже отмечалось выше, ранее эта субсидия составляла 700 червонных и не носила ежегодного характера.

черногорским землям все большее внимание как российской опорной базе в западной части Балканского полуострова⁵. Это также отразилось на денежной субсидии, которая в 1837 г. выросла до 22 тыс. 857 руб. серебром⁶.

В период правления в Черногории первого светского правителя из рода Петровичей-Негошей – князя Данилы (1851–1860) денежные выплаты из России не высылались «вследствие размолвки с князем Даниилом и субсидию Черногории давала Франция»⁷. Его преемник и племянник Никола (1860–1918) продемонстрировал прорусскую ориентацию, что способствовало возобновлению субсидии, а также возмещения невыплаченной за время правления Данилы суммы⁸.

После поездки князя Николы в Петербург в 1868 г. в русско-черногорских отношениях наступил новый виток, что отразилось на финансовых отношениях двух стран: по высочайшему повелению были выделены субсидии на открывшиеся в 1869 г. в Цетине учебные заведения – 8 тыс. руб. на Богословскую мужскую семинарию⁹ и 5,5 тыс. руб. на Женский институт имени императрицы Марии Александровны^{*10}. В 1872 г. государственная субсидия возросла до 46 тыс. руб.¹¹

Следующим этапом увеличения русских денежных дотаций стал период Восточного кризиса 1875–1878 гг. С началом восстания в Герцеговине летом 1875 г. на территорию Черногории хлынул поток беженцев и повстанцев, которые искали здесь приют и поддержку – лишь по официальным черногорским данным к 23 октября 1875 г. их было свыше 32 тыс. человек¹². По просьбе Николы Петровича Петербургский кабинет взял на себя все расходы по беженцам¹³, число которых к началу 1878 г. достигло 78 тыс. человек¹⁴. Для решения вопроса о возвращении герцеговинцев в родные земли в Черногорию был командирован чиновник МИД, барон Врангель. По результатам двух его миссий с марта 1878 г. по февраль 1879 г. в Герцеговину было возвращено около 96 тыс. человек¹⁵.

С началом сербско-черногорско-турецкой войны в июне

* Императрица Мария Александровна (1824–1880) – жена императора Александра II (1855–1881).

1876 г. российское правительство сразу же поддержало Сербию и Черногорию, выделив каждой по 1 млн. руб.¹⁶ В апреле 1877 г. Россия вступилась за братские славянские страны и объявила Турции войну. В военные годы Петербург продолжал оказывать Цетиню финансирование на различные нужды¹⁷. После подписания прелиминарного мирного договора в Сан-Стефано с Османской империей, Петербург подсчитал расходы, их сумма «по Черногории с Герцеговиной» составила 4 млн. 829 тыс. 639 руб. 48 коп.¹⁸ (например, по Болгарии – 4 млн. 334 тыс. 12 руб., по Сербии – всего 1 млн. 665 тыс. 260 руб.¹⁹).

С 1879 г. к общей сумме постоянной российской субсидии добавился еще один пункт – расходы на Цетинский госпиталь в размере 2,5 тыс. руб.²⁰

По результатам Берлинского конгресса 1878 г., пересмотревшего итоги Сан-Стефанского договора, Черногория получила как признание независимости, так и новые территории. На их закрепление ушли непростые пять лет, в течение которых происходили вооруженные столкновения черногорцев с местным албанским населением²¹. На снабжение княжеской армии и помощь голодающему из-за неурожая народу в 1879 г. Петербург предоставил Цетиню ссуду в 900 тыс. руб., 600 тыс. из которых были позже прощены²². В 1886 г. Цетине вновь обратилось с просьбой помочь с вооружением своей армии. Петербург удовлетворил эту просьбу, выделив 1 млн. руб. на покупку всего необходимого²³.

1889 год явился важной вехой в истории Черногории: в этот год черногорская династия Петровичей-Негошей породнилась с Домом Романовых, были заключены два брачных союза. В связи с этим, по указу императора Александра III, Россия выплатила за Черногорию все ее государственные долги перед иностранными государствами (Австрийскому банку *Landerbank* 771 тыс. австрийских гульденов и Константинопольскому частному банку 600 тыс. франков) и простила их Черногории²⁴. Также была увеличена государственная субсидия в пользу княжества с 46 до 100 тыс. руб. и из ее суммы было решено удерживать 80 тыс. руб. на погашение долга

в 1 млн. руб. Российскому государственному банку, а на руки черногорскому правительству выдавать 20 тыс. руб., чтобы через 20 лет Черногория избавилась от долга даже Российской империи²⁵.

Черногорский князь Никола часто ездил в Петербург и имел личные аудиенции у императора, в результате которых увеличивались денежные дотации. Так, в 1895 г. император Николай II учредил специальную ежегодную субсидию на содержание одного батальона черногорской регулярной армии в размере 82 тыс. руб.²⁶ В конце 1900 г. Николе Петровичу была дана ссуда Российского Государственного банка в 750 тыс. руб.²⁷, а через два года по указу императора ее погашение взяло на себя императорское казначейство²⁸. Тогда же, в 1902 г. Николай II повелел выплачивать 249 тыс. руб. ежегодно на второй батальон черногорской армии, затраты на которую составили 331 тыс. руб., а общая сумма субсидии была доведена до 500 тыс. руб.²⁹

Возможно, именно установление родственных связей между правящими домами России и Черногории способствовало такому неудержимому росту денежной помощи³⁰, которая к началу Балканских войн была близка к 1 млн. руб. в год. Так, основанные на единой вере и этнической близости русско-черногорские отношения в XIX в. безусловно базировались на политических интересах и прагматизме обеих сторон: Петербург занимался финансированием и обучением черногорских войск, чтобы в случае возможной войны с Австро-Венгрией российский император мог, не перебрасывая русские войска, воспользоваться этой армией (закреплено Военной конвенцией России и Черногории, подписанной в 1910 г. Численность народного войска Черногории составляла около 36 тыс. человек³¹); также княжество представляло собой барьер проникновению Габсбургской монархии вглубь Балкан – Ново-Пазарский санджак, Старую Сербию, Македонию³²; Цетине решало проблему – необходимость иметь сильного покровителя и заступника, а также современная хорошо обученная армия для расширения территории страны³³.

Примечания

- ¹ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы / отв. ред. А. Л. Нарочницкий, Н. Петрович. М., 1984. С. 29–33, 37–42; Црногорско-руски односи, 1711–1918. Књ. 1: Руски извори о Црној, Гори од краја XVII до средине XIX вијека / одг. уред. Ј. Р. Бојовић, И. С. Достјан. Подгорица; М., 1992. С. 43–47.
- ² Об установлении денежной субсидии Черногории. Извлечение из рукописи П. А. Ровинского. 1908 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее – АВП РИ). Ф. 146. Славянский стол. Д. 9152. (Черногория. Пособие от Русского правительства). Л. 169–173; Политические и культурные отношения. С. 51–53, 64–66, 378–379; Црногорско-руски односи. С. 44.
- ³ Политические и культурные отношения. С. 64–66.
- ⁴ Грамота Павла I черногорскому народу о защите русскими дипломатическими представителями интересов Черногории перед Портой и австрийским двором и о назначении ежегодной денежной субсидии для общенародных надобностей. 11 января 1799 г. // Политические и культурные отношения. С. 385–386; Рескрипт Павла I государственному казначею Васильеву о назначении Черногории ежегодной субсидии. 11 января 1799 г. // Там же. С. 386; АВП РИ. Ф. 146. Д. 9152. Л. 170.
- ⁵ Црногорско-руски односи. С. 25.
- ⁶ Политические и культурные отношения. С. 386.
- ⁷ АВП РИ. Ф. 146. Д. 9152. Л. 172.
- ⁸ Там же. Л. 172 об.
- ⁹ Секретная записка Департамента государственного казначейства в Первый департамент Министерства иностранных дел от 19 февраля 1903 г. № 60 // Там же. Л. 109–113.
- ¹⁰ *Вульфсон Э. С.* Черногория и черногорцы. М., 1909. С. 152.
- ¹¹ Политические и культурные отношения. С. 386.
- ¹² Донесение А. С. Ионина А. А. Мельникову о тяжелом положении герцеговинских беженцев в Черногории и с просьбой об оказании им помощи. 23 сентября (5 октября) 1875 г. Рагуза // Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875–1878 / ред. коллегия: А. Д. Нарочницкий (отв. ред.) и др. М., 1978.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Годишњи извештаји министарства иностраних дела Руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878–1903) / приред. Л. В. Кузмичова, ред. Ч. Попов. Књ. 1. Нови Сад, 1996. С. 168.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. С. 203–205.
- ¹⁷ Там же. С. 364–366, 368–373, 397–413.
- ¹⁸ Из ведомости о чрезвычайных кредитах, открытых во время последней турецкой войны для надобностей союзных княжеств и для Турции. Не ранее 17 мая 1879 г. // Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. С. 401–411.
- ¹⁹ Там же.

²⁰ Общая сумма субсидии складывалась из следующих пунктов: государственная субсидия в размере 46 тыс. руб., Учительско-богословской семинарии отчислялось 8 тыс. руб., Женскому институту – 5,5 тыс. руб., на нужды церкви – 3 тыс. руб., и новая статья – на больницы в Цетине – 2,5 тыс. руб. Итого 64 тыс. руб., или 80 тыс. флоринов. См.: *Хитрова Н. И.* Россия и Черногория в 1878–1908 годах. Ч. 1. М., 1993. С. 41.

²¹ *Хитрова Н. И.* Русско-черногорские политические отношения после Берлинского конгресса 1878 г. // Россия и Восточная Европа. Кишинев, 1984. С. 149–150; *Искендеров П. А.* Пробуждение «албанского фактора» (1878–1908 гг.) // История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.). Ред. коллегия: К. В. Никифоров (отв. ред.), С. И. Данченко, М. М. Фролова. М., 2017. С. 138–156.

²² *Хитрова Н. И.* Россия и Черногория... С. 42.

²³ Н. К. Гирс – П. С. Ванновскому, 25 февраля 1886 г. // АВП РИ. Ф. ПА. Д. 3332. Л. 4–5 об. Цит. по: *Хитрова Н. И.* Россия и Черногория... С. 116.

²⁴ АВП РИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9152. Л. 1–4, 8–9.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 109.

²⁷ Там же. Л. 99–99 об.

²⁸ Там же. Л. 109 об.

²⁹ Там же. Л. 172 об.

³⁰ *Хлебникова В. Б.* К вопросу о месте династических связей России и Черногории во внутренней и внешней политике на рубеже XIX–XX вв. // Императорский Дом Романовых и Балканы / ред. коллегия: С. И. Данченко, В. Б. Каширин (отв. ред.), Н. Г. Струнина-Бородина, М. М. Фролова. М., 2014. С. 281–302.

³¹ *Хитрова Н. И.* Предисловие // *Потапов Н. М.* Русский военный агент в Черногории. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. Т. I. Подгорица; М., 2003. Т. 1. С. 22.

³² Там же. С. 15–21.

³³ Там же. С. 23.

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.1.17

П. К. Кирчу

«Польский вопрос» становится внутренней чешской дискуссией

Ключевые слова: польско-чешские отношения, общественная мысль XIX в., Весна народов, Ноябрьское восстание, Январское восстание.

При изучении рефлексии и переинтерпретации польского опыта в чешской общественной мысли XIX в. наиболее

практичным представляется обращение к событиям, которые Йозеф Йирасек назвал «камнями преткновения» чешского общественного мнения¹, а именно: Ноябрьскому восстанию 1830 г., многочисленным перипетиям 1848 г., и Январскому восстанию 1863 г. Отклик, который эти события нашли в чешских землях, интересен уже сам по себе, однако еще более интересно его развитие и влияние на чешское общество.

Чехи и до 1830 г. имели представления о поляках, знали польскую литературу и интересовались польской культурой в целом. Однако именно события Ноябрьского восстания послужили катализатором возникновения в чешском обществе определенных клише, которыми чешские общественные деятели и представители культуры пользовались для того, чтобы говорить о Польше. И скорее о Польше как об идеологеме, а не о политической реальности.

Чешская интеллигенция пристально следила за событиями восстания². Многие уважаемые представители чешской общественности заняли позицию, если говорить словами сатирика, сторонников «умеренного прогресса в рамках законности», которая еще долго бытовала в чешском обществе, но именно в тот момент была впервые приложена к польскому вопросу. В их числе оказались Вацлав Ганка, наиболее эмоциональный противник революции, историк Якуб Малый и даже Йозеф Юнгман. Они указывали на то, что польская революция изначально была обречена, а ее лидеры, не сыскав поддержки народа, призывали поляков к культурной работе, для которой они имели все возможности, получив в 1815 г. конституцию. Кроме того, в их позиции были и специфические точки зрения, характерные для раннего Национального возрождения, такие как литературоцентризм и пессимистичный взгляд на будущее славян. Так, в поражении Польши они видели потенциал для некоей «общеславянской литературы»³.

С другой стороны, Павел Шафарик и Ф.Л. Челаковский, знаменитый ученый и поэт, в 1830 г. занимали пропольские позиции. Первый называл поляков рыцарским, шляхетским и героическим народом, и, более того, славянским идеалом,

рядом с которым «и панующие, и порабощенные» славяне, выглядели не очень хорошо. Второй также отмечал польский героизм; особенно восхищаясь их вдохновенной и обреченной борьбой против превосходящего противника. При этом сторонники польской борьбы понимали романтизм своей позиции и основывались не только на нем. Так, Шафарик уже в то время спорил с основными аргументами «любителей» исключать поляков из числа славян, а Челаковский высказал очень важную идею «святости» права поляков на свою землю и борьбу за нее.

В 1848 г., когда франкфуртские делегаты грозили чехам «мечом Великой Германии»⁴, в Праге был созван славянский съезд. Наиболее уважаемые из чешских общественных деятелей претендовали на то, чтобы его возглавить; они стремились, используя свой полуофициальный статус и заигрывая с императорским двором, не только к усилению роли славян в австрийской монархии, но и к преобладанию между ними чехов⁵. Более того, Людовит Штур верил в эти стремления и именно в них видел корень идеи австрославизма, идеи «образованного и рассудочного» Франтишека Палацкого⁶. Он еще в 1830 г. занимал антипольские позиции «из врожденно-го неприятия анархической демократии» и изначально был убежден, что не только решения съезда, но даже дискуссии не должны были выходить за рамки австрославизма. С этим были категорически не согласны поляки. Более того, они не принимали чешского дискурса легальной борьбы и требовали не постепенных изменений в Австрии, а воссоздания исторической Польши. Между тем, позиции Палацкого и его единомышленников день ото дня слабели и более радикальные польские делегаты съезда куда больше импонировали чешским радикалам⁷. Все это не способствовало взаимопониманию.

Поведение поляков на съезде было неоднозначным: они стремились найти среди его участников опору для своих национальных предприятий, однако вели себя несколько высокомерно; когда же они пытались вмешаться во внутренние дела малых славянских народов, встречали непонимание.

Они радостно примыкали к общим вспышкам германофобии, но при этом выражали сочувствие венгерской революции и предприятиям Дембинского и Бёма. Такая непоследовательность и «метания» происходили из того, что польское общество в широком смысле накануне 1848 г. было раздираемо противоречиями, наблюдалась несогласованность в действиях, неодинаковость в ориентирах, непоследовательность в политике и непримиримость в идейной сфере⁸.

Все это привело к тому, что у чешских «отцов отечества», унаследовавших рационалистическое и отчасти легистское направление в чешской мысли, сложилось не лучшее мнение о поляках. Последние, по их мнению, ставили свою собственную повестку выше общеславянского дела и примыкали к любым неблагонадежным элементам и безрассудным авантюрам. Таким образом у чехов сложился «психологический стереотип “тотальной революционности”» поляков⁹.

Эту позицию Франтишек Палацкий, Ф.Л. Ригер и еще ряд уважаемых чешских политиков продолжили транслировать в связи с польским восстанием 1863 г. Они вновь указывали на безразличие польских революционеров к судьбам крестьян, открыто критиковали их стремление восстановить историческую Польшу и в итоге призывали к национальному возрождению, образованию и культурной работе¹⁰.

Оппоненты выступили с острой критикой, которую можно было принять за стремление ниспровергнуть авторитеты. Представителями второй стороны конфликта, так резко ведущей полемику, были не радикалы, вроде Йозефа Вацлава Фрича, а уважаемые и вполне конвенциональные общественные деятели, вроде братьев Грегров и Йозефа Барака. Кроме того, часть прессы поддерживалась меценатами из числа шляхты, один из них был граф Турн-и-Таксис, который также был полонофилом. В 1863 г. Э. Грегр открыто высказал сожаление о том, что в первой половине 1863 г. опубликовал статьи Палацкого¹¹. Газета «Болеславан» и вовсе обвинила Палацкого в сотрудничестве с российским правительством, а во враждебной традиционным лидерам

прессе распространялись слухи о том, что Палацкий и Ригер получали из Петербурга деньги, на которые последним и был куплен замок Малеч¹². Таким образом, спор о польском восстании 1863 г. стал уже не «вещью в себе», а катализатором дифференциации в самом чешском обществе. В ходе полемики под сомнение был поставлен не только авторитет старых лидеров, но и начался пересмотр того, чем же являлась «чешскость» как таковая.

Примечания

¹ *Jirásek J.* Rusko a my. Praha, 1929. S. 137.

² *Tobolka Z.* Politické dějiny Československého národa od r. 1848 až do dnešní doby. Díl I. Praha, 1932. S. 17.

³ *Jirásek J.* Rusko a my. S. 138–139.

⁴ *Любавский М. К.* История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). М., 1917. С. 216.

⁵ *Бакунин М. А.* Исповедь и письмо Александру II. М., 1921. С. 77.

⁶ *Рокина Г. В.* Развитие идеи славянской взаимности на славянском съезде в Праге 1848 года // Актуальные проблемы всеобщей истории / под ред. Г. Ф. Горбашовой. Йошкар-Ола, 2007. С. 75.

⁷ *Дьяков В. А.* Поляки на Славянском съезде 1848 г. // Славянское движение XIX–XX веков: Съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения / под ред. М. Ю. Досталь. М., 1998. С. 49–57.

⁸ Там же.

⁹ *Борисёнок Ю. А.* Михаил Бакунин и «польская интрига»: 1840-е годы. М., 2001. С. 247.

¹⁰ *Шевченко К.* Польское восстание 1863 г. в чешском общественном мнении // Русский сборник / под ред. К. В. Шевченко. М., 2013. С. 364–365.

¹¹ *Žaček V.* Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. Praha, 1935. S. 53.

¹² *Morava J.* Palacký. Čech, Rakušan, Evropan. Praha, 1998. S. 197.

Отношение австрийских сербов к иллиризму на рубеже 1830–1840-х гг. (по материалам газеты «Сербскій народный листъ»)*

Ключевые слова: иллиризм, сербские «родолюбцы», Австрийская империя, Хорватия, Сербия.

После быстрого распространения в 1830-е гг. идей иллиризма (культурно-политического движения в рамках хорватского национального возрождения) среди южных славян Габсбургской монархии иллиры столкнулись с двумя проблемами: с одной стороны – с непониманием необходимости в, по сути, искусственно созданном иллиризме со стороны имевших свою историческую государственность южнославянских народов, с другой – с непониманием иллиризма в среде самого хорватского населения, когда противники иллиров в начале 1840-х гг. создали Хорватско-венгерскую партию с ориентацией на Венгрию. Рассмотрим, что конкретно не нравилось части сербских интеллектуалов в иллиризме, а также – как хорватские лидеры иллиризма отвечали на критику сербов.

На рубеже 1830–1840-х гг. сербские «родолюбцы» (деятели сербского национального движения), группировавшиеся вокруг главного культурного центра австрийских сербов – Матицы сербской, всё более скептически относились к перспективам иллиризма. В сербских газетах, в частности «Сербском народном листе» возросло число критических заметок от сербов, в том числе и с Военной границы, об иллиризме. Критику можно разделить, во-первых, на дискуссии и полемику сербских сторонников иллиризма с хорватскими иллирскими периодическими изданиями и, во-вторых, на статьи о вреде иллиризма от подписчиков газеты.

* Статья подготовлена в рамках работы над проектом РФФИ «Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники о Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе Нового времени: от наблюдений к знаниям» № 18-09-00346 а.

В первом случае сербские «родолюбцы» пытались «одернать» особо рьяных сторонников иллиризма из представителей сербской интеллигенции (многие из которых печатались в хорватских газетах), отчего иронизировали над ними и пытались «вразумить»¹. Полемика могла принимать даже стихотворные формы, что вполне соответствует духу литературного возрождения.

Во втором случае авторы статей видели угрозу в иллиризме для сербского самосознания, и это являлось центральным местом любой критической статьи. Высказывавшиеся в адрес иллиризма претензии можно разделить на несколько групп².

Во-первых, критики пытались разобраться, что такое «иллирский»: географическое это понятие или национальное³? Ответ на этот вопрос уже содержался в трудах лидера иллиров Л. Гая: «Да хранит Бог конституцию венгерскую, королевство Хорватию и национальность иллирскую!»⁴. Следовательно, он определял иллиров как национально-территориальную общность.

Во-вторых, сербы задавали вопрос: кто же является иллиром? И почему вообще нужно помимо собственного самоназвания («сербь») именовать себя еще и «иллирами», если, например, чехи не стали называться «богемцами» для объединения с мораванами или словаками⁵? Л. Гай был настроен на сотрудничество с сербами и не считал иллиризм угрозой их самосознанию: «Пусть, будучи иллиром, брат-хорват сохранит не только свое имя, но и все хорватское; пусть, будучи иллиром, брат-славонец сохранит не только свое имя, но и все славонское; пусть, будучи иллиром, брат-серб сохранит не только свое имя, но и все сербское»⁶. В «Малом катехизисе» (1842) один из идеологов иллиризма Д. Раковец спрашивал, какое бы слово могло стать заменой названию «иллир», и сам предлагал в качестве нейтрального: «юго-западные славяне». Однако приоритет он отдавал все же термину «иллир», хотя его и упрекали в том, что исторические иллиры не были предками славян. У автора катехизиса есть другой пример (в противовес чешскому), что и этноним «русские» якобы немецкого происхождения, но он помог объединить «северных славян»⁷.

Сербы, однако, справедливо возражали: «иллиры» – это бывшее иноназвание именно для сербов, а не для хорватов или словенцев⁸. Действительно, в XVIII в. в Вене существовали особые ведомства по делам сербов монархии: Иллирская придворная комиссия, повышавшаяся в статусе затем до Иллирской дворцовой канцелярии. Также и Сербская православная церковь в монархии Габсбургов под началом карловицкого митрополита даже в официальных документах именовалась «иллирской»⁹. Кроме того, серб-граничар с Военной границы в качестве недостатка иллирского обозначения приводил такой пример: черногорцы одержат победу над турками, а себе эту победу будут приписывать хорваты и словенцы, не имеющие к ней отношения, лишь на основании того, что они, как и черногорцы, «тоже иллиры»¹⁰. В своих литературных произведениях иллиры как раз пытались объединить героев хорватского и сербского исторического мифов, чтобы сделать историю общей, а следовательно, также и настоящих и будущих героев общими¹¹. Но сербские критики иллиризма противопоставляли «всесербство» не только иллиризму, но и панславизму («всеславянству») в целом, ставя интересы сербского народа на первое место¹².

В-третьих, «родолюбцев» интересовало, что такое «иллирский язык». И почему иллиры, чтобы никого не обидеть, используют название «нашки» для языка («наш язык») ¹³, а не называют язык сербским? Д. Раковец на основе географических описаний региона в XVIII в. утверждал, что язык населения определяется как «иллирский», что значит «славянский»¹⁴. В основу иллирского языка деятелями хорватского возрождения было положено штокавское наречие, на котором говорят и сербы. Определение языка «нашим» можно интерпретировать не только как проявление отрешенности от своего народа, но и как маркер регионализма, где у населения нет еще четкой национальной идентификации, люди себя считают «тутошними».

В-четвертых, аргументом противников иллиризма было утверждение, что «никакой “Великой Иллирии” нет и не было в истории»¹⁵. В «Диссертации, или Разговоре» (1832) один

из идеологов иллиризма граф Я. Драшкович будущее большое хорватское королевство представлял в виде «Великой Иллирии», в которую помимо Хорватии, Славонии, Военной границы, Далмации, Боснии и Истрии включил даже словенские земли¹⁶. Таким образом, Иллирия в качестве будущего большого государства являлась чисто хорватским проектом. Причем, западную часть большой Иллирии должны были составить территории существовавшего на тот момент в составе Австрийской империи Иллирийского королевства (1816–1849)¹⁷. Кроме того, Д. Раковец писал, что в средневековых книгах сами венгры, «говоря о Далмации, Хорватии и Славонии вместе, давали этим королевствам название Иллирия»¹⁸.

В-пятых, сербских читателей интересовало, почему загребские газеты когда-то назывались «хорватскими», а теперь именуются «иллирскими».¹⁹ Такое решение иллиров объяснялось тем, что лингвисты первой половины XIX в. все штокавское наречие считали сербским языком. Так, далматинцев, славонцев и боснийцев чешский лингвист П. Й. Шафарик включал в «католических славяносербов»²⁰. Поэтому для выхода из границ маленького народа с кайкавским наречием Л. Гай предпринял попытку через название «иллиры» и переход на распространенное на Военной границе, в Славонии, Далмации и в интересовавшей деятелей хорватского национального возрождения Боснии («исторических хорватских земель») штокавское наречие выйти на более высокий уровень национальной интеграции.

В-шестых, сербов пугало, что под видом иллиризма хорваты (а возможно, и стоящие за ними австрийские власти) хотят склонить православных сербов к униатству и даже католичеству²¹. Со стороны хорватов к идеям Л. Гая было ответное подозрительное отношение: некоторые католики не желали поддерживать иллирское движение, так как боялись, что иллиры склоняют «римо-католиков» к принятию «греческой веры» (православия. – А. Д.)²².

Таким образом, можно заключить, что критика иллиризма со стороны части австрийских сербов происходила, главным

образом, из опасения потерять свою сербскую идентичность²³ (самоназвание и язык), а также религию (православное христианство), растворившись в некой иллирской общности, как равно и во «всеславянстве». Выступая на страницах главной сербской газеты Габсбургской монархии, сербские «родолюбцы» пытались повлиять на своих товарищей, чтобы те не слишком увлекались иллиризмом и не доверяли хорватским политическим и культурным проектам. При этом сами сербские критики плохо знали позиции лидеров иллиризма, которые могли бы им ответить на существенную часть вопросов.

Примечания

¹ Сербский народный листь. 1840. 7. III.

² Там же. 1839. 17. VI; 24. VI; 28. VI; 1840. 28. V; 30. V; 6. VI.

³ Там же. 24. VI.

⁴ Švoger V., Tvrtković T. Između ugrofilije i ugrofobije. Slika Mađara u Hrvatskoj od 16. do 19. stoljeća // Á horvát-magyar együttélés fordulópontjai. Prekretnice u suživotu Hrvata i Mađara. Budimpešta, 2015. S. 729.

⁵ Сербский народный листь. 1839. 17. VI.

⁶ Ilirske narodne novine. 1842. 7. XII.

⁷ Ibidem.

⁸ Сербский народный листь. 1840. 7. III.

⁹ Fine J. When ethnicity did not matter in the Balkans: a study of identity in pre-nationalist Croatia, Dalmatia, and Slavonia in the medieval and early-modern periods. Ann Arbor (MI), 2006. P. 542.

¹⁰ Сербский народный листь. 1840. 14. I.

¹¹ Например, в «Песне молодецкой» («*Pěsma junačka*», 1837) выходец с Военной границы иллир С. Марянович объединяет сербского королевича Марко (легендарного героя Косовского цикла) и венгерского аристократа и этнического хорвата Миклоша Зрини (Никола Зринский), прославившегося героической обороной Сигетвара от турок-осман в 1566 г.:

Upotrěbi sile svoje, lave,
Na bojištu traži věnac slave,
Gdě su dusi Marka velikoga,
I junaka Zrina Sigetskoga.

¹² Сербский народный листь. 1840. 30. V.

¹³ Там же. 1839. 17. VI.

¹⁴ Ilirske narodne novine. 1842. 10. IX.

¹⁵ Сербский народный листь. 1840. 14. I.

¹⁶ *Drašković J.* Disertacija iliti razgovor, darovan gospodi poklisarom zakonskim i budućem zakonotvorcem kraljevinah naših, za buduću dietu ungarsku odaslanem, držan po jednom starom domorodcu kraljevinah ovih. U Karlovcu, pritiskano slovima Joana Nep. Prettnera 1832 // *Građa za povijest književnosti hrvatske*. Knj. 12. Zagreb, 1933. S. 301.

¹⁷ Иллирийское королевство было создано в 1816 г. на части территорий, отторгнутых в 1809 г. Наполеоном от Австрийской империи и существовавших в составе Первой Французской империи до 1813 г. под названием Иллирийские провинции. В состав Иллирийского королевства со столицей в Лайбахе (Любляна, Словения) входили Каринтия, Крайна, Истрия и Кварнерские острова.

¹⁸ *Ilirske narodne novine*. 1842. 10. IX.

¹⁹ Сербский народный листь. 1840. 30. V.

²⁰ *Šafařík P. J.* Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Prag, 1869. S. 226.

²¹ Сербский народный листь. 1840. 14. I.

²² Ankündigung und Einladung zur Pränumeration für das erste Semester 1843 des neunten Jahrganges "Ilirske Narodne Novine" (Illirische Nationalzeitung) und der "Danica ilirska" (Illirischer Morgenstern) // *Wachsmuth W.* Geschichte des Illyrismus oder des süd-slavischen Antagonismus gegen die Magyaren. Leipzig, 1849. S. 185.

²³ «Будем сербами и только сербами» (Сербский народный листь. 1839. 17. VI).

DOI: 10.31168/2619–0869.2019.1.19

Л. К. Новосельцева

Восточный вопрос во взглядах воеводинских либералов. Концепция М. Полита-Десанчича и С. Милетича в 1860-е гг.*

Ключевые слова: национально-освободительные движения, Балканская конфедерация, Габсбургская монархия, Сербское княжество.

Идея национальной независимости и возрождения государственности в сербской политической мысли тесно связана с Восточным вопросом. По обе стороны Дуная и Савы

* Статья подготовлена в рамках работы над проектом РФФИ «Монархия Габсбургов: новые направления в изучении экономического, социально-политического и национального развития композитарного государства Центральной Европы», № 19-59-23005 РЯИК_а.

появлялись проекты его урегулирования. Внешнеполитическая обстановка 1840–1850-х гг. затрудняла реализацию проекта «Начертание», разработанного в Белграде¹, который был призван решить сербский вопрос как часть глобального конфликта. Определенные взгляды на решение Восточного вопроса формировались и в среде воеводинских сербов^{**}, подданных Австрийской монархии. Наиболее разработанные программы появились в 1860-е гг. Первопроходцем стал молодой политик-либерал, выпускник Венского университета Михаил Полит-Десанчич (1833–1920).

Его концепция была отражена в статьях цикла «Восточный вопрос и его органичное решение», опубликованного в венском журнале *Ost und West* («Восток и Запад»). В введении к своему проекту Полит обозначил, что существует два принципиально различных взгляда на Восточный вопрос. Цивилизованная Европа рассматривала эту коллизию, имея те политические институты и культурные ценности, которые были утрачены в связи с османским нашествием и исламизацией населения, а потому не разделяла стремлений балканских народов к независимости и воссозданию государственности. По этой причине решение Восточного вопроса нельзя оставлять за великими державами, ведь прежняя их деятельность в этом отношении давала слабую надежду на успешный и значимый результат. Полит полагал, что задача европейской дипломатии состояла в препятствовании естественному развитию событий, чтобы сохранить возможность повлиять на ситуацию². Поэтому он предлагал абстрагироваться от интересов внешних сил и сосредоточиться на положении самих народов Османской империи.

Органичное решение Восточного вопроса, согласно рассуждениям Полита, заключалось в превращении нескольких подвластных Порте регионов, населенных христианами,

^{**} Воеводина – область, включавшая южные комитаты Венгерского королевства – Бачка и Банат, часть австрийской Военной Границы и Срем, населенная преимущественно сербами. В ходе преобразований, последовавших за подавлением революции 1848–1849 гг., на этих территориях была образована провинция – Сербская Воеводина и Темешской банат, просуществовавшая до 1860 г.

в самостоятельные государства, основой которых стала бы историческая память, культура и имеющиеся «ростки государственности»³. В таком случае спорная территория переставала бы быть объектом внешнеполитических интересов великих держав, которым оставалось бы либо оказать поддержку балканским народам, либо предоставить их самим себе⁴.

Основываясь на современных ему статистических данных, главную роль в процессе национального освобождения Полит отводил сербам и болгарам как наиболее многочисленным народам, населявшим европейские владения Османской империи. Несмотря на малочисленность греков, автор видел в них значительный потенциал, так как они могли повлиять «на решение Восточного вопроса не столько из-за своего культурного превосходства, сколько благодаря практичному торгашескому духу»⁵. Он также оспаривал расхожее мнение о лидирующем положении Валахии и Молдавии на Балканах, поскольку не наблюдал во внешней политике княжества сопоставимого с южными славянами стремления к обретению независимости, поэтому воспринимал румын как вспомогательную силу в борьбе с Турцией.

Оптимальной формой объединения сербов, болгар и греков Полит называл конфедерацию, к которой молодые государства пришли бы после установления «провизориума»*. Он подчеркивал, что, согласно лозунгу «Балканы – балканским народам», такое государственное образование должно быть независимым⁶. Нейтралитет конфедерации мог бы гарантировать баланс сил и стабильное развитие торговых связей, что удовлетворило бы не только политические и национальные, но и культурные и экономические интересы народов Европы в целом⁷. Полит развивал гипотезу, что будущая Балканская конфедерация должна стать «восточной Швейцарией». Приводя другую аналогию и сравнивая процессы объединения, он назвал Сербское княжество балканским Пьемонтом. Однако современная Политу внешнеполитическая обстановка не давала возможности предсказать, в какой

* У Полита «провизориум» (нем. *Provisorium*) – временные меры.

последовательности будет осуществлено соби́рание земель. Высока́ была вероятность, что территории Боснии и Герцеговины, Черногории и Старой Сербии в силу ряда причин присоединятся к княжеству позже, чем оно войдет в состав Балканской конфедерации⁸.

Концепция Михаила Полита-Десанчича оказала существенное влияние на формирование идей и национальные ориентиры целого ряда политиков в Сербии, Хорватии и Болгарии. Дальнейшее развитие она получила и в либеральной среде воеводинских сербов. Опираясь на положения Полита, свои основные взгляды на Восточный вопрос представил Светозар Милетич (1826–1901) в одноименной серии статей, опубликованных в газете «Србски дневник» («Сербский ежедневник») в 1863 г. В них он выделил три ключевых этапа, связанных с постепенным вовлечением великих держав в разрешение конфликта. Первая стадия продлилась с начала XVIII в. по 1829 г., пик ее пришелся на правление Екатерины II и успешные русско-турецкие войны. Этот этап завершился «экстренным торможением» России в продвижении на Балканы, связанным с вмешательством Великобритании и Франции – главных игроков второго раунда, развязкой которого стала Крымская война (1853–1856). Основной характеристикой третьей фазы, начавшейся после Парижского мирного договора 1856 г. Милетич считал отказ великих держав от интервенции в случае восстаний христианских народов против Османской империи, что позволило бы разрешить многовековой конфликт⁹.

Особое внимание политик уделял взаимосвязанным «движущим силам», как он называл ключевые факторы эволюции Восточного вопроса: во-первых, интересы государств, имеющих с Османской империей общие морские и сухопутные границы, во-вторых, российскую внешнюю политику, стремившуюся восстановить стабильный выход к черноморским проливам; в-третьих, Австрию, ожидавшую упадка Турции, с целью захвата ее территорий и установления новых границ – от Албании до Балканского хребта. Следовало также учитывать позицию Валахии и Молдавии, которые при условии значительного

ослабления сюзерена получили бы контроль над нижним течением Дуная. Однако намерения соседей Османской империи так или иначе сдерживали великие державы, для которых основным мотивом участия в Восточном вопросе было сохранение стабильных торговых отношений и баланса сил в регионе. В любом случае, речь шла лишь о коллективном и пассивном воздействии на ситуацию, поскольку ни Великобритания, ни Франция не обладали достаточными силами для установления гегемонии. Милетич отмечал, что последствия такого равнодушия были трагичны: «Европа спокойно смотрела на избиение христиан при подавлении восстания в Боснии и Черногории». Тем не менее бездействие великих держав стимулировало национально-освободительные движения народов Балканского полуострова. Их интересы Милетич считал главной «движущей силой», поскольку именно появление независимых государств позволило бы покончить с «османским варварством», провоцировавшим конфликты на юго-востоке Европы¹⁰.

Подобной мотивацией обладали четыре народа – сербы, болгары, румыны и греки. Милетич рекомендовал им объединять усилия, а не ожидать помощи от европейских покровителей. Рассуждая об их национальных стремлениях, он, в то же время ставил ряд вопросов. Имеют ли эти народы право на самостоятельное освобождение? Способны ли они удержать независимость? Есть ли перспектива объединения этих народов и какие условия для этого должны быть выполнены? И наконец – когда произойдет восстание? Оставив некоторые вопросы риторическими, Милетич предлагал варианты политической консолидации балканских народов. Логичным ему представлялось возникновение федеративного государства сербов и болгар, в котором будут гарантированы независимое законодательство и самоуправление каждого народа. Между сербами, болгарами и греками может быть создана конфедерация с общей оборонительной системой, внешней политикой и совещанием для решения междоусобных конфликтов¹¹. В состав сербского государства, которое объединится с Болгарией, в представлениях Милетича должны

входить Сербское княжество, Босния и Герцеговина, Зета, Старая Сербия и часть Македонии, включая Салоники.

Концепция Милетича о путях решения национального вопроса как части Восточного нашла отражение в Бечкерекской программе 1869 г. сербской Либеральной партии в Австро-Венгрии. Краеугольная идея о создании Балканской конфедерации или Балканского союза получила широкое распространение не только среди южных славян, но и в западноевропейской политической мысли, в частности, ее поддержали деятели Лиги мира и свободы¹².

Примечания

¹ См. подробнее: *Никифоров К. В.* «Начертание» Или Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015.

² *Polit M.* Die orientalische Frage und ihre organische Lösung // Ost und West. 1862. 23 VIII. N 18.

³ *Idem.* Die orientalische Frage und ihre organische Lösung // Ost und West. 1862. 30 VIII. N 17.

⁴ *Милутиновић К.* Михаило Полит-Десанчић као историчар. Нови Сад, 1936. С. 62–63.

⁵ *Polit M.* Die orientalische Frage und ihre organische Lösung // Ost und West. 1862. 6 IX. N 19.

⁶ При разработке своей концепции Полит опирался на известный план венгерского политика Л. Кошута о создании Дунайской конфедерации в составе Венгрии, Румынии и Сербии. Однако в своих работах, будущий лидер сербских либералов подчеркивал принципиальное различие между двумя программами – это независимость объединенного государства от покровительства великих держав. О плане Кошута см.: *Исламов Т. М.* Неоабсолютизм и квазиконституциональные эксперименты // Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней / отв. ред. Т. М. Исламов. М., 1991. С. 203–218.

⁷ *Polit M.* Die orientalische Frage und ihre organische Lösung // Ost und West. 1862. 13 IX. N 20.

⁸ *Микавица Д.* Михаило Полит-Десанчић – вођа српских либерала у Аустроугарској. Нови Сад, 2007. С. 132–134.

⁹ Источно питање // Србски дневник. 1863. 18 VIII. N 176.

¹⁰ *Марковић М.* Милетићева национална политика и балканско питање // Актуелност мисли Светозара Милетића о ослобођењу и уједињењу српског народа. Београд, 1997. С. 13–14.

¹¹ Источно питање // Изабрани чланци Светозара Милетића. Нови Сад, 1939. С. 72.

¹² *Марковић М.* Милетићева национална политика. С. 16.

Железнодорожное строительство в Сербии на рубеже XIX–XX вв.: планы и их реализация

Ключевые слова: транспортная система Сербии, модернизация, напредняки, радикалы, сербско-австрийские отношения.

Последняя четверть XIX в. стала для народов Балканского полуострова не только периодом освобождения, но и ознаменовалась началом модернизации молодых государств в политической, социальной и экономической сферах. Вторая половина XIX в. связана с бумом железнодорожного строительства по всей Европе, и Балканы не были исключением. Первые линии в этом регионе были заложены, когда он находился под владычеством Османской империи. После обретения независимости балканские государства самостоятельно взялись за разработку и реализацию железнодорожных проектов, так как это было экономически выгодным.

Начало масштабного железнодорожного строительства в Сербии принято связывать с Напредняцкой (прогрессивной) партией, члены которой называли своей главной задачей модернизацию страны, то есть превращение их «патриархальной родины» в современное европейское государство¹. Сербия вплоть до 1884 г. «оставалась единственным (наряду с Черногорией) государством в Европе, где не было железных дорог»². Попытки создать развитую железнодорожную сеть предпринимались в Сербии, начиная с 50-х годов XIX в., однако иностранные проекты не встречали поддержки у местных сербских властей (в особенности у сторонников «радикализма», которые не хотели проникновения иностранного капитала и вместе с ним западных ценностей³), и лишь к середине 1880-х годов железнодорожное строительство было по-настоящему начато.

Оказавшись у власти в 1878 г., напредняки принялись за модернизацию, в том числе за обеспечение Сербии сетью железных дорог, которая бы связала Сербию с Европой,

и прежде всего с ее главным рынком сбыта – Австро-Венгрией. На заседании Совета министров 14 июля 1879 г. было решено, что по приглашению австро-венгерского правительства Сербия отправит в Вену министра строительства Р. Алимпиевича и независимого инженера Фр. Вшетечка для обсуждения железнодорожного вопроса. На том же заседании Алимпиевич представил отчет о своей работе в Вене, а также австро-венгерский проект железнодорожного соединения двух государств. Совет министров решил, что этот отчет с приложениями следует передать министерству строительства, который бы образовал экспертную комиссию для его изучения с последующим представлением результатов министру Алимпиевичу⁴. Спустя полгода железнодорожный вопрос сдвинулся с мертвой точки, и на заседании 2 января 1880 г. Совет министров решил отправить в Вену сербского представителя для ведения переговоров с Австро-Венгрией по планируемой железнодорожной конвенции, с тем чтобы в будущем можно было соединить сербскую и австро-венгерскую железные дороги⁵.

Противниками напредняков в железнодорожном вопросе выступали радикалы, которые во время обсуждения строительства линии Белград – Ниш в 1881 г. неодобрительно высказывались на ее счет, хотя их лидер Никола Пашич отмечал, что он, будучи инженером по образованию, в целом не был против таких технических новшеств, но все же не видел пользы в железной дороге в Сербии на тот момент, так как она замыкала Сербию на Вену и Будапешт и тем самым лишала ее независимого развития⁶. Пашич также считал, что промышленность Сербии не настолько развита, «чтобы требовать быстрого и дешевого выхода на мировые рынки», а ее торговля и сельское хозяйство не были столь «масштабными», чтобы нуждаться в железной дороге. Кроме того, политик считал, что будущая железная дорога будет лишь средством вывоза сырья в Австро-Венгрию, что также было нежелательно⁷.

Железные дороги в Сербии, несмотря на мнение радикалов, стали активно возводиться. Их строительство

не ограничивалось международными, «сербо-австрийскими» линиями, также планировалось развивать железнодорожное сообщение внутри страны. На заседании 22 сентября 1881 г. Совет министров одобрил эксплуатацию земли для строительства временной железнодорожной ветки Смедерево – Плана⁸.

Кроме того, правительствами обсуждались другие железнодорожные проекты, например, строительство линии, которая бы соединила сербскую ветку с румынской, а далее и с российской дорогой⁹.

Масштабное железнодорожное строительство было не по карману Сербии, но несмотря на финансовые трудности, которые преодолевались посредством иностранных займов, проекты успешно реализовались, и к 1889 г. Сербия располагала «железнодорожными линиями протяженностью 532,3 км, 51 железнодорожной станцией, 27 локомотивами, 127 пассажирскими вагонами и 702 товарными вагонами»¹⁰.

Как отмечалось выше, сербская партия радикалов отрицательно относилась к «замыканию» сербских железных дорог на Австро-Венгрию, так как это, по словам Н. Пашича, «угрожает самостоятельному развитию страны», в то время как дорога на Салоники, по их мнению, могла бы развязать руки Сербии и ее торговле¹¹. Помимо железнодорожной линии, соединявшей сербскую столицу с Салониками, в конце XIX в. заговорили о соединении внутренних регионов Сербии с Адриатическим морем. Так, сербский историк и географ Йован Цвиич считал путь к Адриатическому морю более предпочтительным, так как, по его подсчетам, «транспортировка скота из Белграда в Салоники по железной дороге, а затем по морю в Неаполь или Геную обычно занимала от 20 до 27 дней», тогда как через «албанский порт Сан Джованни ди Медуа (до которого и планировалось построить железнодорожную линию. – *Е.К.*) или черногорский порт Бар, и затем по железной дороге, товар мог бы быть доставлен в Геную и Неаполь за пять или шесть дней»¹².

С наступлением XX в., а также восхождением на трон представителя династии Карагеоргиевичей в 1903 г., в Сербии не отказались от железнодорожных проектов. Толчком

послужил экономический конфликт между Сербией и Австро-Венгрией – таможенная, или «свиная» война 1906 г. Именно в этот период сербское правительство, давно искавшее «обходной» путь для экспорта, начало работать над тем, чтобы «получить свободную железнодорожную линию, которая бы связывала Сербию со Старой Сербией и Черногорией и в то же время стала бы барьером на пути Австро-Венгрии»¹³. Следовательно, география железнодорожных проектов в начале XX в. расширилась.

На рубеже XIX–XX вв. Сербия активно развивалась как в политическом, так и в экономическом плане. Последнего нельзя было достичь без модернизации транспортной системы, которая в последней четверти XIX в. находилась в зачаточном состоянии. Развитая система железных дорог могла позволить Сербии не только получить доступ к европейским и мировым рынкам, но и дать ей возможность преодолеть экономическую изоляцию, на которую Сербия была обречена, не имея выхода к морю. Понимая это, многочисленные сербские правительства конца XIX – начала XX вв., серьезно относившиеся к железнодорожному вопросу, стремились подготовить и реализовать железнодорожные проекты, направленные на строительство новых веток в Сербии и их дальнейшее соединение с иностранными железными дорогами.

Примечания

¹ *Шемякин А. Л.* Сербия на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации (1880-е годы) // Славянские народы: общность истории и культуры. К 70-летию члена-корреспондента Российской академии наук Владимира Константиновича Волкова / отв. ред. Б.В. Носов. М., 2000. С. 230.

² *Шемякин А. Л.* Идеология Николы Пашича: Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998. С. 18.

³ Там же. С. 175.

⁴ Записници седница Министарског савета Србије, 1862–1898. Књ. II. Београд, 1952. С. 366.

⁵ Там же. С. 369.

⁶ *Шемякин А. Л.* Сербия на переломе. Обретение независимости... С. 239–241.

⁷ Там же. С. 241.

- ⁸ Записници седница Министарског савета Србије... С. 397.
- ⁹ *Хитрова Н. И.* Россия и Черногория. Русско-черногорские отношения и общественно-политическое развитие Черногории в 1878–1908 годах. М., 1993. С. 193.
- ¹⁰ *Stoianovich T.* The “rationalization” of small space-economy: Serbia and the Great powers, 1881–1914 // Велике силе и Србија пред Први светски рат. Београд, 1976. С. 387–388, 174–175.
- ¹¹ *Шемякин А. Л.* Идеологија Николы Пашича... С. 176.
- ¹² *Stoianovich T.* The “rationalization” of small space-economy... S. 182.
- ¹³ *Поповић В.* Европа и српско питање у периоду ослобођења (1804–1918). Београд, 1940. (Српски народ у XIX веку. 19. књ.). См.: URL: http://www.rastko.rs/istorija/delo/12286#_Toc192517322 (дата обраћања: 14.02.2015).

ОТ ПЕРВОЙ КО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.1.21

Н. С. Гусев

«Болгарин – ты! Ты – гордость наша! Ты – славный русский генерал!»: генерал Радко Димитриев в зеркале русской прессы во время Первой мировой войны

Ключевые слова: Радко Димитриев, Радко-Дмитриев, Первая мировая война, Болгария, Россия, военные традиции.

В 1859 г. в Болгарии близ Сливена в семье учителя родился будущий прославленный генерал Р. Димитриев. В 16 лет он принял участие в восстании против османской власти, а в последовавшей русско-турецкой войне 1877–1878 гг. служил переводчиком в русской армии. После нее окончил Военное училище в Софии и поступил в Николаевскую академию Генштаба в Петербурге. В сербско-болгарской войне 1885 г. он успешно командовал авангардным отрядом в битве при Сливнице, однако из-за участия в свержении князя Александра Баттенберга был вынужден покинуть родину и отправиться в Россию. Здесь Димитриев женился, поступил на военную службу. Когда политическая ситуация в Болгарии изменилась, он вернулся на родину и в болгарскую армию.

В 1912 г. началась Первая балканская война. Димитриеву доверили командование армией, а затем и группой армий. Его победы «гремели» со страниц русской прессы, его именовали «будущим светилом европейской стратегии» и ставили в один ряд с А. В. Суворовым и М. Д. Скобелевым, восхищались его демократичностью и подчеркивали, что он «ярый русофил». В итоге даже Вторая балканская (Межсоюзническая) война 1913 г. не повлияла на отношение прессы к нему¹. После войны

для нейтрализации неформального влияния Димитриева правительство направило генерала в Петербург в статусе посланника².

Тем временем в Сараеве был убит Франц Фердинанд, и Европа начала свое движение к Первой мировой войне. 25 июля 1914 г. Димитриев покинул не только дипломатическую, но и военную службу в болгарской армии. Уже на следующий день он получил назначение командиром 8 корпуса 8-й армии. За бои на р. Гнилой Липе, при г. Николаеве и Львова в ходе Галицийской битвы он был награжден орденами Св. Георгия 4-й и 3-й степеней, произведен в чин генерала от инфантерии и назначен командующим 3-й армией Юго-Западного фронта³.

На Димитриева обрушилась слава. Был опубликован текст песни, в которой описывалось, как «славный русский генерал» – болгарин по происхождению – находился «среди своих дружин» и «как часовой стоял на страже» Львова⁴. В серии почтовых марок «Деятели Великой войны 1914 года» появилась марка и с его портретом⁵, в нескольких газетах вышли статьи про подвиги генерала, а затем на их основе – ряд брошюр с громкими названиями. И содержанием, и даже заголовками публикации указывали на то, что Димитриев – преемник традиций А.В. Суворова и М.Д. Скобелева⁶.

Для официальной пропаганды Димитриев стал поистине находкой. Российская империя давно не вела успешных войн, и на начальном этапе войны, весьма скудном в плане триумфов, практически не было военачальников, способных стать символом победы. За этим же генералом тянулся шлейф его викторий над Османской армией.

Возникает вопрос: воплощением каких традиций русского военачальника являлся болгарин Димитриев?

Во-первых, он был если не слугой царю, то отцом солдатам. Рассказывали, что Димитриев с вестовым беседует о его деревне, раненому ординарцу посылает табак⁷ и подчиненные «любят его потому, что он всегда с ними, ведет их трудную, непосильную жизнь, знает и понимает их». Вдобавок, как не раз утверждала печать, он бережет солдат, сводя потери

к минимуму, за что «солдаты все до одного обожают своего “Радку”»⁸.

Во-вторых, генерал Дмитриев неоднократно «подавал лично пример мужества и беззаветной отваги»⁹. Он оказывался «всегда впереди со своими полками»¹⁰, «повсюду, где опасность, где нужен его свет и указание»¹¹. И на лубочной литографии 1915 г. он был изображен верхом на коне и с саблей¹², подобно воинам прошлого, а не военачальникам начала XX в.

Нельзя не признать, что эти характерные черты, традиционно приписываемые любимым в народе Суворову и Скобелеву, в Первой мировой войне уступили в своей значимости иным качествам военачальников. А Дмитриев, сложившийся как профессионал, командуя крупными соединениями в болгарской армии, оставался в рамках устаревшей парадигмы поведения военачальника. Но его геройство, часто похожее на фанфаронство, было именно тем, в чем нуждался русский солдат для поддержания воинского духа.

Однако этого для победы было мало. В апреле 1915 г. его армия не смогла устоять перед численно превосходящими германо-австрийскими войсками, что привело к отступлению по всему фронту и потере Галиции. Вину за произошедшую катастрофу начальство возложило на Дмитриева, которого сняли с должности¹³. Болгарский военачальник действительно допустил промахи. Один из них – «ручное» командование всеми частями вверенной армии, что привело к потере управляемости войсками¹⁴. Подвела Дмитриева та самая привычка, которая воспевалась прессой.

Час славы болгарского генерала минул, в русской армии появились свои герои, но Дмитриева не долго держали в резерве и назначили командующим 12-й армией, с которой в декабре 1916 г. он начал наступление в Прибалтике. Добившись определенных успехов, он вынужденно остановил продвижение, поскольку два полка вышли из повиновения. В ходе следствия был расстрелян 61 человек¹⁵.

Затем последовала Февральская революция с Приказом № 1 Петроградского совета. Дмитриев принял «демократизацию армии», и поддерживал солдатские комитеты, даже

в тех случаях, когда они арестовывали офицеров¹⁶. Однако его пресловутая близость к солдатам, воспевавшаяся в 1914 г., в условиях революции привела к фатальным результатам. Теряя авторитет, командарм вынужденно делал новые уступки солдатским комитетам. В конечном счете, в июле 1917 г. он констатировал, что «армия неспособна к выполнению активных боевых задач», подал в отставку¹⁷ и отправился с семьей в Ессентуки на лечение.

Трагедия Димитриева заключалась в том, что, хотя и будучи воспитанником русской военной школы, он оставался болгаринном – представителем общества, где не произошло серьезного социального расслоения, где очень многое покоилось на неформальном авторитете и была высока значимость харизматичного лидера. В России времен Первой мировой войны и революционных потрясений требовалась уже иная модель поведения военачальника.

Испытывая благородные чувства к России, генерал отказался принять участие в Гражданской войне, заявив, что не может сражаться против русских. В конечном счете Димитриев продолжил жить в Ессентуках, пока вместе с несколькими офицерами не был взят в заложники и переведен в Кисловодск, где ночью 18 октября (1 ноября) 1918 г. царские офицеры были убиты¹⁸. Добровольческая армия, заняв Кисловодск, начала расследование произошедшего и провела эксгумацию тел. Р. Димитриев и Н.В. Рузский были перезахоронены, и до сих пор в Пятигорском некрополе можно увидеть их отдельно расположенные скромные могилы.

Примечания

¹ Гусев Н. С. Болгарское военное руководство в оценках русских журналистов в период Балканских войн // Российско-болгарские научные дискуссии. Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия. XIX–XXI вв. М., 2014. С. 127–137.

² Дренски И. Генерал Радко Димитриев. Биографичен очерк. София, 1962. С. 147.

³ Потрашков С. В. Генерал Радко Димитриев на фронтах Первой мировой войны (1914–1917) // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Харків; София, 2007. Т. I. С. 181–182.

- ⁴ Новые военные песни. Герой Радко Дмитриев. М., 1914. С. 3.
- ⁵ *Цачевски В.* Радко Димитриев. Пълководецът. София, 2018. С. 314.
- ⁶ Герой настоящей Великой войны Радко-Димитриев. С портретом и собственноручной подписью. Пг., 1914. С. 4–5.
- ⁷ Современный Скобелев доблестный герой Радко Димитриев и его геройские подвиги в битве с немцами. М., 1914. С. 4.
- ⁸ Герой настоящей Великой войны... С. 7.
- ⁹ Болгарин с душою Скобелева. Доблестный герой, генерал Радко Димитриев и другие. М., 1914. С. 6.
- ¹⁰ Герой настоящей Великой войны... С. 7–9.
- ¹¹ Современный Скобелев... С. 4.
- ¹² *Цачевски В.* Радко Димитриев. Пълководецът. С. 316.
- ¹³ *Потрашков С. В.* Генерал Радко Димитриев на фронтах Первой мировой войны... С. 186.
- ¹⁴ *Брусилев А. А.* Мои воспоминания. М., 2013. С. 149–150.
- ¹⁵ *Потрашков С. В.* Февральская революция 1917 г. и судьба генерала Радко Дмитриева // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Харків; София, 2017. Т. X. С. 322.
- ¹⁶ *Дренски И.* Генерал Радко Димитриев. С. 175.
- ¹⁷ *Потрашков С. В.* Февральская революция... С. 324–325.
- ¹⁸ Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. London, 1992. С. 26, 50–51.

DOI: 10.31168/2619–0869.2019.1.22

Д. С. Парфирьев

Украинские политики Австро-Венгрии в борьбе за университет (1914–1918)

Ключевые слова: Галиция, украинцы, Первая мировая война.

К 1914 г. целью украинских политиков империи Габсбургов было создание украинской провинции с центром во Львове. Важной задачей, которую им предстояло решить на пути к ней, было открытие отдельного украинского

университета. Этому благоприятствовали как позитивный пример чехов¹, так и наличие базы для будущего учебного заведения – на трех факультетах польского Львовского университета действовали кафедры с украинским (русинским) языком преподавания².

В 1912 г. власти Цислейтании пообещали украинцам основать университет, но ограничились увеличением финансирования украинских культурных организаций³. В том же году право украинцев на собственный университет признало польское коло в Рейхсрате, правда, при условии, что появится он не в «исключительно польском» Львове, а, например, в Станиславове⁴. В конце ноября 1912 г. в беседе с главой МИД Австро-Венгрии Л. фон Берхтольдом влиятельный украинский политик Е. Олесницкий сказал, что создание университета укрепит антиросийские настроения украинцев в случае войны⁵. Министр учел это – в переписке с главой правительства Цислейтании К. Штюргком он рекомендовал ему провести с украинскими лидерами соответствующие переговоры⁶.

Украинцы-преподаватели Львовского университета играли заметную роль в политике. Так, профессора А. Колесса и С. Днистрянский с 1907 г. были депутатами Рейхсрата – лидеры партии УНДП уговорили их баллотироваться, чтобы показать, что среди украинцев есть выдающиеся ученые⁷. В парламенте оба активно высказывались за создание украинского университета⁸. Заметной фигурой в украинской политической жизни был и историк С. Томашевский⁹.

Вопрос об университете носил первостепенный характер до самой войны – за считанные дни до ее начала он активно обсуждался на заседании украинского парламентского клуба¹⁰. Но в военных условиях эта проблема отошла на второй план – теперь требованию открыть университет всегда сопутствовало что-то еще. Так, в октябре 1915 г. Всеобщий украинский совет (ВУС) предложил Вене в рамках подготовки к разделу Галиции, помимо создания университета, повысить процент украинцев в местной администрации и придать украинскому языку официальный статус¹¹. Некоторые политики, как

Ю. Бачинский, вовсе считали, что украинцам пока не следует раздражать поляков требованием изменений в свою пользу, отложив это на послевоенное время¹².

Всплеск внимания к вопросу об украинском высшем учебном заведении произошел в ноябре 1915 г., когда в оккупированной германскими войсками Варшаве открылся польский университет. В газете «Украинское слово» политик Л. Цегельский сетовал, что у 16-миллионного польского народа теперь есть целых три университета, а у 36-миллионного украинского – ни одного¹³. Тогда же ВУС направил властям очередной меморандум с просьбой учредить во Львове украинский университет как «важнейшую культурную потребность украинской нации». Политики подчеркивали, что его открытия давно ждут и российские украинцы, и этот шаг окончательно склонит их симпатии в пользу Центральных держав. В меморандуме отмечалось, что местом расположения университета может быть только Львов¹⁴. «Украинское слово» называло будущий университет «щитом против российского империализма», который своим существованием дезавуирует российские претензии на Галицию¹⁵.

Правительство избегало конкретики по проблеме университета, ограничиваясь увещеваниями, что оно «всерьез думает» о его учреждении¹⁶. В марте 1916 г. в письме политику В. Старосольскому профессор С. Днистрянский жаловался, что Вена одобряет создание учебного заведения лишь на словах: «Это то – к сожалению, до сих пор еще не можем дожидаться “черным по белому” – чего мы все с нетерпением ждем, не зная замыслов, которые наши противники в этом деле против нас вынашивают»¹⁷. С просьбами основать университет к министру просвещения Цислейтании М. Гуссареку ходили украинские студенты и представители научного общества имени Т. Шевченко, и он заверял их, что правительство принимает меры в этом направлении¹⁸. Днистрянский относился к этому скептически: «Все это не имеет устойчивых последствий, пока мы не увидим их собственными глазами»¹⁹.

Революция в России повысила планку ожиданий австрийских украинцев. Теперь собственного университета им было уже недостаточно – как выразился в апреле 1917 г. один из западноукраинских политиков: «Австрия уже просто не успевает за событиями»²⁰. В начале мая того же года украинские политики принципиально отказались встречаться с императором Карлом I, потому что во главе делегации, куда им предлагалось войти, должен был встать поляк М. Бобжиньский. При этом украинцы знали, что монарх хочет взять создание украинского университета под личный контроль²¹. Это говорит об их готовности поступиться университетом ради более далеко идущих целей.

После долгого периода неопределенности, в октябре 1917 г., на аудиенции у очередного министра-президента Цислейтании Э. Зайдлера лидеры украинцев, наконец, услышали, что правительство считает основание украинского университета несвоевременным²². Впрочем, произошедшие вскоре Октябрьская революция и провозглашение независимости УНР отвлекли их внимание от университетского вопроса. Западноукраинские политики сфокусировались на событиях в Киеве, где к тому же появился свой украинский университет.

Осенью 1918 г., накануне распада Австро-Венгрии, М. Гусарек, к тому времени уже министр-президент Цислейтании, на переговорах с лидерами австрийских украинцев выразил готовность пойти им на ряд уступок, включая университет, но те отказались²³. Теперь не университет, а раздел Галиции и создание украинской провинции на базе ее восточной части были их минимальным требованием.

Примечания

¹ В 1882 г. Пражский университет был разделен на два – чешский и немецкий.

² *Пахолків С.* Українська інтелігенція у Габсбурзькій Галичині: освічена верства й емансипація нації. Львів, 2014. С. 261–262.

³ *Leslie J.* The Antecedents of Austria-Hungary's War Aims. Policies and Policy-Makers in Vienna and Budapest before and during 1914 // Archiv und Forschung. Das

Haus-, Hof- und Staatsarchiv in seiner Bedeutung für die Geschichte Österreichs und Europas. Munich; Vienna, 1993. P. 350–351.

⁴ Михальський Ю. В. Польські політичні партії та українське питання в Галичині на початку ХХ століття (1902–1914). Львів, 2002. С. 138, 142.

⁵ Gruchała J. Polityka zagraniczna Austro-Węgier a stosunki polsko-ukraińskie (1908–1914) // Studia z Dziejów ZSRR i Europy Środkowej. Wrocław, 1988. T. XXIV. S. 48.

⁶ Leslie J. The Antecedents of Austria-Hungary's War Aims... P. 351–352.

⁷ Левицький К. Д-р Станіслав Дністрянський (посмертний спомин) // Життя і право. Львів, 1935. Р. VIII. Ч. 2 (33). С. 3.

⁸ Пахолків С. Українська інтелігенція у Габсбурзькій Галичині... С. 475.

⁹ Например, в ноябре 1913 г. С. Томашевский, владевший венгерским языком, готовил для К. Левицкого материалы по вопросу о венгерской Руси для выступления в комиссии парламента. См.: Центральний державний історичний архів України, м. Львів (далее – ЦДІАУЛ). Ф. 368. Оп. 1. Спр. 155. Арк. 3.

¹⁰ Левицький К. Історія політичної думки галицьких українців 1848–1914. Львів, 1926. С. 718.

¹¹ Левицький К. Історія визвольних змагань галицьких українців з часу світової війни 1914–1918. Львів, 1928. С. 245–246.

¹² ЦДІАУЛ. Ф. 440. Оп. 1. Спр. 2. Арк. 16–18.

¹³ Цегельський Л. Забороло проти російського імперіялізму // Українське слово. 4 грудня 1915. Ч. 145. С. 1.

¹⁴ Левицький К. Історія визвольних... С. 259–262.

¹⁵ На мертвій точці // Українське слово. 7 жовтня 1915. Ч. 87. С. 1.

¹⁶ Левицький К. Історія визвольних... С. 291–292.

¹⁷ ЦДІАУЛ. Ф. 360. Оп. 1. Спр. 504. Арк. 16–16зв.

¹⁸ Левицький К. Історія визвольних... С. 342–344.

¹⁹ ЦДІАУЛ. Ф. 360. Оп. 1. Спр. 504. Арк. 27.

²⁰ Письмо Н. Василько В. Габсбургу, 24 апреля 1917 г. Опубл.: Осташко Т., Терещенко Ю. Український патріот із династії Габсбургів. К., 2011. С. 219.

²¹ Письмо Н. Василько В. Габсбургу, не ранее 2 мая 1917 г. Опубл.: Там же. С. 223–224.

²² Левицький К. Історія визвольних... С. 605–607.

²³ Левицький К. Перший Державний Секретаріат у Львові // Украинская Галицкая армия. Вінніпег, 1966. Т. III. С. 11.

Концепция «угнетенных народностей» Т.Г. Масарика как способ реорганизации русской армии во второй половине 1917 – начале 1918 г.

Ключевые слова: Первая мировая война, Россия, Франция, Чешско-Словацкий национальный совет, русская армия, Чешско-Словацкий корпус, французская военная миссия в Яссах.

Происходившие в России после Февральской революции события стали объектом пристального наблюдения со стороны правительств Великобритании и Франции. Провал предпринятого в июне 1917 г. наступления русской армии, возможность заключения российской стороной сепаратного мирного договора с Центральными державами вызывали серьезные опасения у их ведущих государственных деятелей, а также дипломатических и военных представителей. На первый план стала выходить идея о необходимости предотвратить дезорганизацию русской армии, стабилизировать положение на Восточном фронте¹. В качестве одного из возможных вариантов выхода из сложившейся ситуации стал вопрос о восстановлении ее боеспособности за счет привлечения к участию в данном проекте расквартированных на территории страны национальных войсковых формирований².

Инициатором активных действий в этом направлении выступил писатель Уильям Сомерсет Моэм, в годы Первой мировой войны служивший агентом британской разведки. В конце августа – начале сентября 1917 г. он прибыл в Россию вместе с миссией, состоявшей из четырех чешско-словацких активистов во главе с Э. Воской. Их внимание привлекло на территории бывшей Российской империи значительное количество военнопленных Центральными державами чешского и словацкого происхождения. Они рассматривали их в качестве людского потенциала, могущего

стать основой для формирования новой боеспособной русской армии. С целью реализовать свой план на практике Моэм вступил в переговоры с находившимся на тот момент в России председателем Чешско-Словацкого национального совета Т.Г. Масариком. Разработанный британской разведкой план поддержали французские военные и дипломаты³, а также последний военный министр Временного правительства генерал-майор Александр Иванович Верховский, занявший этот пост 30 августа 1917 г.

Параллельно был разработан проект использования данных подразделений на Восточном фронте. Он предусматривал присоединение украинских войсковых единиц к румынской армии, в то время как польским частям и Чешско-Словацкому корпусу предстояло вести совместные боевые действия с организовывавшимися на юге России казачьими формированиями⁴. Идея Моэма была одобрена британской стороной. В конце ноября – начале декабря 1917 г. она начала активно настаивать на претворении в жизнь плана сотрудничества частей Чешско-Словацкого корпуса и иных национальных подразделений с Добровольческой армией генералов М.В. Алексеева, Л.Г. Корнилова и А.М. Каледина и частями румынской армии.

К предложенному британскими военными и дипломатами проекту был близок план, разработанный начальником французской военной миссии в Яссах генералом А.М. Бертело. Его суть заключалась в освобождении чешско-словацких и сербских добровольческих частей из-под юрисдикции командования русской армии и их использования для стабилизации обстановки на Украине и защиты подходов к Южной России⁵.

Масарик не согласился с проведением в жизнь подобных планов, осознав их утопичность⁶. Вместо этого он предложил так называемую «концепцию угнетенных народностей», фактически являвшуюся видоизмененным вариантом плана Моэма. Его ключевой составляющей был тезис о необходимости присутствия на территории Украинской Народной Республики войсковых единиц, формируемых из представителей народов – подданных монархии Габсбургов. По мнению Масарика, чешско-словацкие части и иные сформированные

на территории Украины национальные войсковые единицы могли взаимодействовать с частями румынской армии и казаками, но при этом не заключать с ними каких-либо серьезных договоренностей⁷.

Следует отметить, что именно этот проект положил начало сотрудничеству между действовавшими на тот момент на территории Украины национальными организациями народов Австро-Венгерской монархии – Польским советом межпартийного объединения, Румынской вербовочной комиссией в Киеве, Чешско-Словацким национальным советом и Центральным Югославянским комитетом. 13 декабря 1917 г. их членами была образована так называемая Совецательная комиссия народов, угнетенных немецким и австро-венгерским империализмом⁸. Чешско-словацкой и польской сторонами была предпринята попытка проведения совместной пропаганды и организации общего набора добровольцев⁹.

Проект Т.Г. Масарика получил одобрение со стороны союзников, которые настаивали на его скорейшей реализации. Поддержка ими инициированного Масариком и его коллегами по Отделению Чешско-Словацкого национального совета для России (ОЧСНС) сближения «угнетенных народностей» стала кульминацией их стремлений возобновить военные действия на Восточном фронте. Однако после неудачных попыток французского и британского представителей на Украине, генерала Ж. Табуи и капитана Дж. Фицвильямса, привлечь правительство УНР на сторону Антанты, проект потерял свою значимость. Одобрение Центральной Радой IV Универсала и признание Германией и Австро-Венгрией Украины независимым государством стали последними событиями, обозначившими несостоятельность планов союзников и Масарика по реорганизации русской армии¹⁰.

Примечания

¹ *Swain G.* The origins of the Russian Civil War. London; New York, 1996. P. 102; *Nissel H. A.* Le triomphe des bolchéviks et la paix de Brest-Litovsk. Souvenirs. 1917–1918. Paris, 1940. P. I–II.

² *Swain G.* The origins... P. 103–104.

³ *Niessel H. A.* Le triomphe des bolchéviks... P. VIII.

⁴ *Swain G.* The origins... P. 107.

⁵ *Fic V. M.* Revolutionary War for Independence and the Russian Question. Czechoslovak army in Russia (1914–1918). New Delhi, 1977. P. 183–184; *Tabouis G.* Comment je devins commissaire de la République Française en Ukraine. Quelques notes et souvenirs // Праці українського наукового інституту. Варшава, 1932. Т. 8. С. 149.

⁶ № 481. Директива Т. Г. Масарика Чешско-Словацкому корпусу на период нынешнего кризиса // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. М., 2013. Т. 1. С. 878–879; *Масарик Т. Г.* Мировая революция. Прага, 1926. Т. 1. С. 210–211.

⁷ *Swain G.* The origins... P. 113; *Projev na schůzi o česko-polské spolupráci // Masaryk T. G.* Válka a revoluce: Články – memoranda – přednášky – rozhovory. Praha, 2008. Díl 2. S. 311–313.

⁸ *Fic V. M.* Revolutionary War... P. 193; *Za svobodu: obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi, 1914–1920 / vyd. a obr. část řídí Otakar Vaněk za vrchní red. Rudolfa Medka.* Praha, 1926. Kn. 2. Díl III. S. 646.

⁹ *Kudela J.* Československé a polské vojsko v Rusku // *Slovanský přehled.* 1927. Roč. XIX. Č. 7. S. 504–505.

¹⁰ *Fic V. M.* Revolutionary War... P. 195.

DOI: 10.31168/2619–0869.2019.1.24

Н. И. Нечаева

Словацкие автономисты: «людацкая» партия священника Андрея Глинки

Ключевые слова: словацкий вопрос, «первая республика», чехословакизм, Чехословацкая Республика, национальное меньшинство, автономистское движение, политический католицизм, католическая церковь.

С возникновения «первой» Чехословацкой Республики многие словацкие политические деятели не оставляли надежд на то, что в будущем Словакии будет предоставлена автономия в рамках государства. Являясь «государствообразующей» нацией, словаки ощущали себя на правах «национального меньшинства», причем даже не самого крупного¹.

Одним из основных пунктов словацкого движения за автономию стало невыполнение обязательств Питтсбургского соглашения (май 1918 г.), под которым стоит подпись Томаша Гаррига Масарика². На момент его подписания Масарик еще не был президентом Чехословакии, поскольку сама республика существовала де-факто, но не де-юре, что в дальнейшем позволило Масарику опровергать значимость своей подписи и самого документа.

Ведущим лидером движения за автономию, наряду с евангелическим священником М. Разусом, был римо-католический священник и словацкий политик, глава Словацкой народной (людовой/людацкой) партии (ГСНП – Глинкова словацкая народная партия) Андрей Глинка³.

В январе 1919 г. католический священник П. Шишка – заместитель председателя Словацкой лиги в Америке⁴, подписавший со стороны Лиги Питтсбургское соглашение, отослал его фотокопии депутату партии Ф. Томанеку. Именно от Томанека Глинка впервые узнал об этом документе. В том же месяце он в качестве члена революционного Национального собрания в Праге приехал на аудиенцию к Масарику. Глинка говорил с ним о словацком вопросе и автономии, упомянув Питтсбург. Уходя от президента, лидер СНП был уверен в том, что Словакии будет дарована автономия. Но, как показало время, это не входило в планы Масарика и его ближайшего окружения.

В связи с этим партия Глинки встала в оппозицию к официальной власти. Уже в 1919 г. Глинка совершил несанкционированную поездку в Париж на мирную конференцию (через Польшу по поддельному паспорту). Он желал рассказать мировой общественности, как обстоят дела в «демократической» Чехословацкой Республике, что могло дискредитировать ее правительство⁵.

Словакия переживала не лучшие времена: тяжелой была экономическая ситуация в стране, а католическое духовенство было недовольно ростом «прогрессивных» влияний⁶. Новая идеология давила на католическую церковь, антиклерикализм стал рядовым явлением⁷. Глинка писал в своих мемуарах⁸, что «католицизм (в Словакии. – Н. Н.) преследуется, монастыри

у католиков отбираются и монашествующие выгоняются из них, а гуситам и протестантам передаются их земли. Против этого ничто, кроме автономии, нам не поможет. Нас проклинают за нашу веру и хотят отобрать ее у нас [...] Сегодня нам необходима не столько национальная и экономическая свобода, сколько свобода вероисповедания»⁹. В этой цитате заключается основная мысль автономистской программы Глинки, которую он отстаивал и за которую боролся на протяжении двадцати последующих лет.

Поездка в Париж ни к чему не привела, Глинка был брошен в тюрьму за государственную измену. Но партия не отказалась от своих позиций¹⁰.

В 1921 г. «людаки» отделились от чешской католической партии, а в 1922 г. внесли в парламент первое предложение об автономии Словакии. Это требование станет «символом веры» для «глинковцев». Будет еще два проекта автономии, каждый из которых все громче заявит о правах Словакии на национальное самоопределение. Но эти проекты так и останутся не услышанными Прагой вплоть до Мюнхенского соглашения. То, что «глинковцы» акцентировали внимание своего электората на национальном вопросе, разжигало в словаках не только автономистские, но и сепаратистские тенденции. Впрочем, последнее было скорее исключением из правил, нежели нормой: словацкие «негативисты» (оппозиция) были не против Чехословацкого государства, но против чехословакизма¹¹.

Говоря о «словацком вопросе» можно прийти к выводу, что он заключался в незавершенной национально-освободительной борьбе словаков за независимость, следствием чего стала актуализация экономических, социальных, культурных проблем, национального, государственно-правового и геополитического вопросов¹².

Примечания

¹ Letz R. a kol. Slováci pri budovanii základov Československej republiky. Prámene k dejinám Slovenska a Slovákov. XIIa. Bratislava, 2013; Бобраков-Тимошкин А. Проект «Чехословакия»: конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1938). М., 2008.

- ² *Arpáš R.* Autonomia: vítažstvo alebo prehla? Bratislava: Veda, 2011; *Kramer J.* Slovenské autonomistické hnutie v rokoch 1918–1938. Bratislava, 1962.
- ³ *Sidor K.* Andrej Hlinka. Bratislava, 1934; *Daniš V.* Začiatky Slovenskej ľudovej strany. Nitra, 2007; *Letz R.* Andrej Hlinka vo svetle dokumentov. Bratislava, 2014; Slovenska ľudova strana v dejinách 1905–1945 / R. Letz, Mulfk P., Bartlová A. Martin, 2006.
- ⁴ *Čulen K.* Dejiny slovákov v Amerike. Sv. II. Bratislava: Nakladaťstvo Slovenskej Lígy, 1942; *Kučák S.* Podiel amerických Slovákov na autonomistickom hnutí na Slovensku (1918–1938). Martin, 2011.
- ⁵ Версальский мирный договор. М., 1925; Československo na parížske mirové konferenci 1918–1920. Dokumenty československé zahraniční politiky. Sv. 1. (listopad 1918 – červen 1919). Praha, 2001; *Ibid.* Sv. 2. (červenec 1919 – červen 1920). Praha, 2011; *Janšák Š.* Vstup slovákov medzi slobodné národy. Bratislava, 2006.
- ⁶ См.: Slovenský národný archív v Bratislave. Minister ČSR s plnou mocou pre správu Slovenska, 1918–1928. Bratislava, 1963.
- ⁷ *Hrabovec E.* Andrej Hlinka a slovenskí katolíci očami Svätej stolice 1918–1927. Bratislava, 2014; *Eadem.* Slovensko a Sväta stolica 1918–1927 vo svetle vatikanských pramenov. Bratislava, 2012.
- ⁸ *Holák M.* Listy Andreja Hlinku z rokov 1918–1921 // Historický časopis. 2004. N 52. č. 3. S. 546–547; *Sidor K.* Andrej Hlinka.
- ⁹ *Bartlová A.* Andrej Hlinka. Bratislava, 1991.
- ¹⁰ *Letz R.* Slovenské dejiny IV. 1914–1938. Bratislava, 2010.
- ¹¹ *Нечаева Н. И.* Словацкий вопрос в межвоенной Чехословакии // Славянский альманах. 2016. Вып. 3–4. С. 152–159.
- ¹² *Хмел Р.* Словацкий вопрос в XX в. // Опыт демократических преобразований в Словакии. Братислава, 2007. С. 9–24.

DOI: 10.31168/2619–0869.2019.1.25

А. С. Шишкова

Исторические образы немцев в прессе Второй Речи Посполитой и их влияние на развитие польской идентичности

Ключевые слова: Польша, межвоенный период, граница, немцы, пропаганда, СМИ, идентичность, Ю. Пилсудский, Ю. Бек, эндеки.

Польская Республика, известная также как Вторая Речь Посполитая, возникла в 1918 г., после завершения Первой мировой войны.

После возрождения государства польские власти решали ряд задач, важнейшей из которых была консолидация польского населения¹. Для этого активно привлекались средства массовой информации в качестве основного орудия пропаганды.

Одним из ключевых вопросов возрождаемого государства было установление границ. В связи с этим был актуализирован образ «иных» для поляков. В роли «иных» выступали соседние народы. Было необходимо разъяснить, кто из них является союзником, а кто врагом. На протяжении межвоенного периода характеристика «иных» неоднократно менялась, в зависимости от политической ситуации в мире.

Возродившись в гораздо меньших границах, Вторая Речь Посполитая обрела мощных соседей не только на Востоке, но и на Западе. В первую очередь, противоречия по проблеме размежевания границ возникли с Германией и Австрией. Образ немецких соседей в правительственных газетах негативен. Германию польские издания называют «страной бандитов»², обвиняя в давней поддержке масонства. Австрия, которая также являлась участником раздела польских территорий, приравнивалась поляками к Германии. «Злодеи»-австрийцы особенно отрицательно изображались на страницах краковских изданий. В возрождении Германского государства виделась прямая угроза польской государственности: «Польша была бы небольшим герцогством от Варшавы до Люблина»³.

Образ немцев – «пруссаков» и «крестоносцев», посягающих на польские земли⁴, ассоциируется с протестантизмом и приравнивается к пангерманизму. То есть любая попытка посягательства на единство католической веры расценивалась как разрушение польской идентичности. Для эндеков же образ немцев – «бесконкурентные предприниматели» и «беспринципные колониалисты»⁵.

Образ «немецких злодеев» противопоставляется павшим во время Первой мировой войны «польским богатырям»⁶, призванным в немецко-австрийскую армию, останки которых австрийцы отказались захоронить. Негативные ассоциации от образа немецких военных подкрепляются отсылками

к «гусарам смерти»⁷, существовавшим с XVIII в. и отличившимся в Первой мировой войне, – специальным полкам в прусской армии, славившимся своей беспощадностью к врагам.

Говоря о многочисленных притязаниях немецких властей на соседние территории, оппозиционные издания считают, что военные действия ничуть не снизили стремления «заполучить чужое»⁸. Так, несмотря на проведенные в Силезии плебисциты, противоречия в регионе не исчезли, принадлежность территорий полякам объясняется «силой польской государственности и культуры»⁹, которую немцы попросту «испугались».

Польско-германские отношения постепенно изменялись в лучшую сторону в 1930-х гг. Юзеф Бек не скрывал скептицизма по отношению к Советскому Союзу¹⁰. Так, нашлись общие причины оппозиции официальной власти. Теперь и проправительственные издания изредка критиковали политиков¹¹. Однако и Пилсудский, и его преемник Бек продолжали сближение с Гитлером.

К концу 1930-х гг., когда польско-чешский спор перерос в «ультиматум со стороны правительства Юзефа Бека»¹², редакции правительственных газет заменяют негативный образ немцев образом чехов, «предателей и провокаторов»¹³, угнетающих поляков в Тешинской Силезии. Данная позиция объясняет первоначальное одобрение польскими властями результатов Мюнхенских соглашений¹⁴. Национал-демократы, напротив, продолжали акцентировать внимание на образе нацистов как «угнетателей чехов, поляков и словаков»¹⁵. Так или иначе, после аннексии Чехословакии в 1938 г. Польша оказалась окончательно изолирована, и давление со стороны Германии обрушилось на нее с новой силой.

Таким образом, отношение к немцам и австрийцам было тождественным: ни одна из редакций различных взглядов не различала их по национальности, именуя «крестоносцами», «бандитами», обвиняя в пангерманизме. Для социалистов немцы и австрийцы – нарушители спокойствия, угроза польской государственности, эндеки видят в этих нациях еще и первостепенных экономических соперников. К середине

1930-х гг. правительственные газеты, тем не менее, изменили курс повествования. Апогея нейтрализация немецкого образа достигла накануне Мюнхенских соглашений в 1938 г., в то время как оппозиция продолжала активную критику действия властей.

Примечания

- ¹ *Наленч Д., Наленч Т.* Юзеф Пилсудский: легенды и факты. М., 1990. С. 250.
- ² Niemcy stają się kraiem bandytów // *Ilustrowany Kurjer Codzienny*. 1922. 8 I. N 8. S. 2; Działalność masonów w Niemczech // *Ilustrowany Kurjer Codzienny*. 1922. 4 II. N 35. S. 4.
- ³ Łajdactwa Austryaków nie ustają – zwracam znów oczy na Polskę. Prof. Delbruck przygwaźdża kłamstwa Ludendorffa // *Ilustrowany Kurjer Codzienny*. 1922. 23 II. N 54. S. 4.
- ⁴ Kraków wobec krzyżackich zakusów // *Ilustrowany Kurjer Codzienny*. 1927. 3 II. N 33. S. 7.
- ⁵ Ekspansja ekonomiczna Niemiec przed I powojnie // *Słowo Pomorskie*. 1922. 5 II. N 30. S. 1.
- ⁶ Przewiezenie zwłok Bohaterów z pod Rarańczy // *Ilustrowany Kurjer Codzienny*. 1927. 11 II. N 41. S. 3–4.
- ⁷ “Husar śmierci” – Nungesser // *Ilustrowany Kurjer Codzienny*. 1927. 13 V. N 130. S. 4–5.
- ⁸ Ekspansja ekonomiczna Niemiec przed I powojnie // *Słowo Pomorskie*. 1922. 5 II. N 30. S. 1.
- ⁹ Niemcy zaczynają uznawać siłę gospodarczą i kulturalną Polski // *Ilustrowany Kurjer Codzienny*. 1922. 3 IV. N 92. S. 8.
- ¹⁰ *Михутина И. В.* Советско-польские отношения в период переговоров о Восточном пакте (апрель – сентябрь 1934 г.) // *Очерки истории советско-польских отношений 1917–1977 гг.* / отв. ред. И. И. Костюшко. М., 1979. С. 126.
- ¹¹ *Łojek J.* Dzieje prasy polskiej / J. Łojek, J. Myśliński, W. Władyka. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1988. S. 138.
- ¹² *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (Документы, факты, суждения). М., 2000. С. 70.
- ¹³ Wspomnienia walk: Śląsk Cieszyński // *Ilustrowany Kurjer Codzienny*. 1938. 1 X. N 271. S. 2–3.
- ¹⁴ Pokój świata uratowany – sprawa czechosłowacka nie skończona // *Ilustrowany Kurjer Codzienny*. Kraków. 1938, 2 października. Nr. 272. S. 2.
- ¹⁵ Niemcy rozsadzają Czecho-Słowację // *Słowo Pomorskie*. 1939. 21 II. N 42. S. 2.

ДИАСПОРЫ, ЗАРУБЕЖЬЕ, ЭМИГРАЦИЯ

DOI: 10.31168/2619–0869.2019.1.26

Л. Гоптова

Ключевые фигуры белорусской эмиграции в Чехословакии

Ключевые слова: Беларусь, эмиграция, Чехословацкая Республика.

Белорусское население, покинувшее родину в результате напряженного внутривосточного развития (провозглашение Белорусской Народной Республики в 1918 г., Белорусской ССР в 1919 г., создание Литовско-Белорусской ССР в 1919 г., советско-польская война в 1919–1921 гг. и последующее разделение Беларуси на две части согласно Рижскому мирному договору), нашло свой новый дом в Чехословацкой Республике. Межвоенная Чехословакия была для белорусских мигрантов очень привлекательной. Во-первых, Чехословацкая Республика была славянским государством. Во-вторых, чехословацко-белорусские контакты начали складываться за много десятилетий до начала Первой мировой войны. В июне 1921 г. чехословацкое правительство приступило к осуществлению проекта «Русская акция помощи», целью которого являлось не только оказание моральной и материальной поддержки и помощи эмигрантам из бывшей Российской империи, но и предоставление им возможности получить образование¹.

В едином государстве двух братских народов чехов и словаков, которое было образовано 28 октября 1918 г., белорусское население представляло после русских и украинцев третью самую многочисленную группу, приезжавшую из бывшей Российской империи. Центром белорусской

эмиграции стала столица Чехословацкой Республики – Прага. Значительную часть белорусской эмиграции составляли студенты.

Помимо того, что Чехословакия предоставляла белорусским студентам возможность получить высшее специальное образование, как одна из демократических стран Европы, она также предоставляла им хорошую практическую и политическую «школу» и помогала им сохранить национальное белорусское богатство. Результатом этой деятельности стало не только обеспечение приюта Рады Белорусской Народной Республики (1923–1943 гг.), но прежде всего создание в 1928 г. Белорусского зарубежного архива.

Единое государство чехов и словаков оказывало финансовую и моральную поддержку белорусской эмиграции в осуществлении ее культурной деятельности, а также деятельности сообществ. К важнейшим сообществам, сформированным на территории Чехословацкой Республики, можно отнести: «Белорусскую Громаду в Праге», «Белорусскую Раду в Праге», «Объединение Белорусских Студенческих Организаций», «Союз студентов – граждан БССР». Белорусская эмиграция в развитии своей национальной жизни работала в тесном контакте и с украинскими эмигрантами. Это сотрудничество привело в конце 20-х гг. XX века к созданию нескольких совместных организаций: «Фонда поддержки украинских и белорусских студентов в Праге», «Центрального бюро работы украинской и белорусской академической эмиграции в Чехословакии», «Громады украинских и белорусских студентов лесного хозяйства в Праге» и др.²

Основной целью сообществ, а также других белорусских организаций, созданных в 1920-х гг., была материальная и моральная поддержка соотечественников и развитие белорусской культуры.

Представители отдельных белорусских сообществ пытались распространять свою белорусскую культуру и просвещение также посредством печатного издания собственных журналов. К ним можно отнести «Перавясла», «Беларускі студэнт», «Iskry Skaryny», «Прамень» и др.³

Однако следующее десятилетие принесло ряд изменений, вследствие чего активность белорусских сообществ и организаций начала уменьшаться. Такая ситуация сложилась, в первую очередь, после отъезда выпускников высших учебных заведений из Чехословакии, окончанием «Русской акции помощи», а также фрагментацией и несогласованностью белорусской эмиграции, которая была вынуждена во время Второй Белорусской конференции в Берлине в 1925 г. признать Минск единственным политическим и культурным центром белорусской нации. Эти и другие аспекты способствовали тому, что белорусская национальная жизнь в Чехословакии в третьем десятилетии прошлого века пришла в упадок. Ситуация не изменилась и в годы Второй мировой войны, когда Чехословакия была оккупирована нацистской Германией.

Хотя большая часть белорусской эмиграции покинула Чехословакию в 1930-х гг., исторические документы фиксируют, что часть ее осталась на территории Республики в годы оккупации, некоторые даже переселились туда в тот период.

К ключевым фигурам белорусской эмиграции, которые своей активной деятельностью оказали непосредственное влияние не только на чехословацкую историю, но и политику, культуру, и науку, можно отнести:

- археолога Людмилу Красковскую (1904–1999) – первую женщину, получившую в Чехословацкой Республике научную степень кандидата исторических наук⁴;

- белорусского поэта Ларису Гениуш (1910–1983), раскрывшую свой литературный талант во время оккупации Чехословакии нацистской Германией⁵;

- Василия Захарка (1877–1943) – ведущего представителя Белорусской Народной Республики в изгнании, члена нескольких белорусских сообществ, основанных в Праге. В. Захарко в начале Второй мировой войны тесно сотрудничал с нацистской Германией. Позже, однако, прекратил взаимодействие с нацистами⁶;

- оперного певца Михаила Забейду-Сумицкого (1900–1981), который со своим репертуаром белорусских, русских, чешских, словацких и польских песен выступал в разных

странах – в Чехословакии, Италии и Польше. М. Забейда-Сумицкий был в годы Второй мировой войны обвинен в коллаборационизме с нацистской Германией, а после войны – в сотрудничестве с Советским Союзом⁷;

• Алексея Омельяновича (1898–1974) – православного священника и народного целителя, который жил и работал в восточной части Чехословацкой Республики. А. Омельянович составил не только православный «Молитвенник», но и является автором книги «Библейские истории», которые были изданы на русском языке⁸.

Примечания

¹ Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие / Бабка Л.; Золотарев И. (сост.). Прага, 2012.

² Подробнее: Národní archiv, Praha (далее – NA Praha). Fond: Ministerstvo zahraničních věcí – Ruská pomocná akce; NA Praha. Fond: Ruské a ukrajinské emigrantské spolky a organizace v ČSR (RUESO); Hoptová L. Bieloruská emigrácia na území Československa (1918–1945). Prešov, 2017; Kolenovská D., Plavec M. Běloruská emigrace v meziválečném Československu. Studie a dokumenty. Sociopolitický aspekt. Praha, 2017.

³ Чмарова М. І. Шляхі ўзаємнага пазнання: беларуская літаратура ў Чэхаславакіі (1920–1945). Магілёў, 2004.

⁴ Подробнее: Красковска Л. З давніх часів. Пряшів, 1999; Tomčíková K. Ľudmila Kraskovská. Bratislava, 1999.

⁵ Подробнее см.: NA Praha. Fond: Policejní ředitelství Praha II – všeobecná spisovna – 1941–1950, kar. 2475, sig. G 310/8; Гениуш Л. Сповідзь. Мінск, 1993; Bystrov V. Únosy československých občanů do Sovětského svazu v letech 1945–1955. Praha, 2003.

⁶ Подробнее см.: NA Praha. Fond: Policejní ředitelství Praha II – evidence obyvательства, sig. Zacharko Vasil.; Прэзідэнты Рады Беларускае Народнае Рэспублікі // Спадчына. 1997. № 4. С. 3–14; Hlaváček P., Kotau P. Bělorusko mimo Bělorusko. Běloruští intelektuálové v meziválečném Československu. Praha, 2016.

⁷ Подробнее: NA Praha. Fond: Policejní ředitelství Praha II – všeobecná spisovna – 1941–1950, kar. 12877, sig. Z 1/2; NA Praha. Fond: Ukrajinské muzeum, kar. 27, sig. Bělorusové; Станкевич А. Міхал Забэйдэ-Суміцкі і беларуская народная песня. Вільня, 1938; Вакач Р., Лисец J. Běloruský zpěvák. Michal Zabejda-Sumický a jeho domov. Praha, 1940; Горбач А. Песняй даваў людзям радасць: Міхась Забэйдэ-Суміцкі. Мінск, 2007.

⁸ Подробнее: R. F. Posmrtná spomienka // Odkaz sv. Cyrila a Metoda. 1974. N 3. С. 68; Župina M. Z histórie pravoslávnej cirkevnej obce Becherov // Odkaz sv. Cyrila a Metoda. 2003. N 11. С. 7–13.

Польско-советские культурные контакты в 1930–1932 гг. (по материалам ВОКС)

Ключевые слова: польско-советские отношения, творческая интеллигенция, советская пропаганда, ВОКС, культура.

Межвоенный период – далеко не самый простой в отношениях между Польшей и Советским Союзом, плодотворному сотрудничеству мешала масса взаимных упреков и обид. Разумеется, политическая обстановка не могла не повлиять на контакты интеллигенции, которые по-прежнему связывали два государства. В среде польских интеллигентов наблюдался заметный интерес к строительству нового государства в СССР. В свою очередь, Советский Союз стремился к пропаганде своих достижений за границей, в том числе в Польше, как в одной из наиболее важных стран в стратегическом отношении. Интересно, что, если в Польше инициатива к сотрудничеству исходила в основном от частных лиц и организаций, то в СССР все это было поставлено под государственный контроль. Так, в 1925 г. была создана Всесоюзная организация культурного сотрудничества с заграницей (ВОКС), целью которой являлось укрепление связей с представителями заграничной интеллигенции, а также пропаганда просоветских настроений.

Культурные контакты между Польшей и СССР продолжались в сфере литературы, журналистики, музыки, кино, театра, изобразительного искусства. Изучая ранее не опубликованные архивные материалы фонда ВОКС, мы предприняли попытку рассмотреть сотрудничество интеллигенции во всех этих областях, определить его характер и проследить некоторые общие закономерности. Прежде всего нужно отметить специфику документов, с которыми мы работали: поскольку речь в большинстве случаев идет о переписке советских чиновников, то необходимо учитывать некоторую тенденциозность

источника. Уполномоченные ВОКС в Варшаве старались больше внимания уделять успехам советской пропаганды и зачастую игнорировали существовавшие проблемы.

Рассматривая польско-советские отношения в разных областях культурного творчества, скажем о литературе. Здесь – на официальном уровне – все складывалось далеко не самым лучшим образом. В переписке уполномоченного ВОКС с центральным аппаратом сохранились свидетельства того, что велись переговоры о поездке в Польшу ряда советских писателей (например, Б. Пастернака), не приведшие, впрочем, к видимому культурному сближению. Среди польских литераторов, посещавших СССР, можно отметить А. Слонимского, побывавшего в Москве весной 1932 г.¹ Отдельно стоит сказать о переводах советских произведений на польский язык: их было крайне мало и они отличались не самым высоким качеством. Кроме того, исследуемый период отмечен в Польше рядом кампаний по дискредитации в прессе литературной жизни в Советском Союзе.

Что касается музыки, то она, будучи наименее политизированной областью культуры, традиционно оставалась одним из самых прочных каналов связи между двумя государствами. Разумеется, прежде всего здесь стоит сказать о Втором конкурсе пианистов имени Шопена, прошедшем в Варшаве весной 1932 г. – выступление на нем советских исполнителей получилось довольно неоднозначным. С одной стороны, нельзя не отметить то, насколько доброжелательно была настроена польская публика по отношению к нашим пианистам: для простых зрителей был важен уровень мастерства, а не политическая обстановка. С этой точки зрения советская делегация выполнила свою задачу: успех достижений советского музыкального искусства стал совершенно очевиден широкой общественности. С другой стороны, советские пианисты не получили на конкурсе первых премий. Чиновники ВОКС склонны объяснять это явной необъективностью жюри, заранее настроенного враждебно по отношению к участникам из СССР². В то же время официальная польская пресса (например, «Газета Польска») отметились рядом откровенно

антисоветских статей³. И все же важно, что решение жюри вызвало недовольство публики, а многие газеты были вынуждены поместить положительные отзывы о выступлении советской делегации.

30-е гг. XX в. – период активного развития кинематографа, который также мог использоваться в целях пропаганды и расширения культурного влияния. Речь здесь идет преимущественно о показе советских фильмов в Польше как посредством показов в Полпредстве, так и через частных кинопрокатчиков. Ситуация в этой сфере осложнялась постоянным вмешательством польской цензуры, зачастую полностью искажавшей смысл фильмов⁴. Что же касается показа польских кинокартин в СССР, то это было бы, по мнению ВОКС, нецелесообразно по идеологическим соображениям⁵.

Говоря о сотрудничестве в театральной сфере, следует также отметить довольно низкую активность контактов на официальном уровне. Польская пресса помещала статьи о слабости театра как искусства в СССР⁶, советская сторона в свою очередь решила не приглашать Польшу на Международную театральную олимпиаду в Москву⁷. Конечно, советские пьесы в небольших количествах проникали в Польшу, но явление это не носило массового характера, и можно сказать, что театральная жизнь в двух странах развивалась без влияния соседнего государства.

Сфера изобразительного искусства, которая могла бы наглядно показывать польскую и советскую действительность, также не изобиловала большими достижениями. Приведем один характерный пример. Летом 1931 г. Институт пропаганды польского искусства выступил с инициативой проведения совместной выставки советской графики в Варшаве и польской графики в Москве⁸. Переговоры по устройству такой выставки велись довольно долго, но в итоге не увенчались успехом. Для советской пропаганды такая выставка могла бы стать серьезным успехом, поскольку, как отмечает референт ВОКС по Польше, «ни ВОКС, ни другим советским организациям не удавалось организовать какие-либо культурные показы в Польше»⁹.

Таким образом, ситуация в польско-советских отношениях оставалась напряженной не только в сфере политики, но и в области культуры, несмотря на ее видимую независимость от идеологического курса. У Польши и СССР были разные причины сотрудничать: для первой это была возможность больше узнать о происходящем в соседнем государстве, понять принципы, на которых основано советское общество; а для второго – это в первую очередь поле для пропаганды. Но при этом нужно помнить, что, наряду с официальными контактами интеллигенции, осуществлявшимися посредством ВОКС, многие представители творческих кругов поддерживали между собой связь, несмотря на политику.

Летом 1932 г. Польша и Советский Союз подписали Договор о ненападении, предполагавший потепление отношений, что, конечно, не могло не отразиться на духовной сфере жизни общества. И действительно, область культурного сотрудничества – так же, как политического или экономического – остро нуждалась в обновлении и совершенствовании.

Примечания

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р5283. Оп. 1а. Д. 193. Л. 129.

² Там же. Л. 111.

³ Там же. Л. 105.

⁴ Там же. Д. 194. Л. 26.

⁵ Там же. Л. 39.

⁶ Там же. Д. 193. Л. 139.

⁷ Там же. Л. 146.

⁸ Там же. Д. 174. Л. 24.

⁹ Там же. Л. 28.

Украинская диаспора в ФРГ и советские организации по культурным связям с соотечественниками за рубежом (1960–1980-е гг.)

Ключевые слова: эмиграция, диаспора, украинцы, культурная коммуникация, национализм, советская идеология.

Холодная война актуализировала проблему сотрудничества Советского Союза с соотечественниками за рубежом. Особенно острым оказался вопрос взаимодействия с украинской диаспорой в ФРГ, которая значительно разрослась в результате миграций, связанных с событиями Второй мировой войны и послевоенной репатриации. Перед советским руководством встала задача не допустить массового перехода членов диаспоры в лагерь противников СССР. Так была развернута идеологическая война за души эмигрантов, главными действующими лицами в которой стали советские организации, отвечающие за культурное сотрудничество с соотечественниками за рубежом.

Первая такая организация была создана еще в 1955 г.: это был берлинский Комитет за возвращение на Родину¹. Однако нам не удалось выявить его контакты с украинской эмиграцией в ФРГ. Таким образом, можно предположить, что работа с ней началась не ранее середины 1960-х гг., когда Комитет за возвращение на Родину был преобразован в Советский комитет по культурным связям с соотечественниками за рубежом, а комитет в Берлине – в Представительство Советского комитета в ГДР (1963 г.)*. Согласно Уставу Комитета, он брал на себя установление контактов с «прогрессивными организациями эмигрантов национальностей Советского Союза»,

* В 1975 г. Комитет был снова реорганизован и, получив название Советского общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом (Общество «Родина»), просуществовал вплоть до 1991 г.

распространение среди них печатной продукции на русском и языках СССР, приглашение в Советский Союз делегаций «прогрессивных эмигрантских организаций» и отдельных эмигрантов с семьями, обучение их детей в советских средних и высших учебных заведениях и т.п. Комитет должен был «координировать работу Обществ культурной связи с соотечественниками за рубежом в союзных республиках»². В республиках сначала были сформированы секции Комитета, но уже в 1963–1964 гг. они трансформировались в самостоятельные организации. В УССР сотрудничеством с украинцами за рубежом ведало Общество «Украина» (1960 г.).

В ФРГ партнерами «Родины» и «Украины» стали «патриотические клубы» или «прогрессивные организации эмигрантов национальностей Советского союза»³ – общества, созданные этническими украинцами, которые оказались в Западной Германии в результате Великой Отечественной войны. Это были главным образом люди старше 40 лет, ностальгирующие по родине и пытающиеся легально установить связь с оставшимися там родственниками.

Методы работы с ними сводились в основном к частной переписке, реже – к посылке кино- и фотоматериалов. География и методы сотрудничества менялись очень медленно: в течение 1970-х гг. общество «Украина» установило связь только с тремя клубами соотечественников в ФРГ, к которым через 10 лет присоединились еще четыре⁴. Причем, поскольку для советской стороны принципиальное значение имела не национальность, а политические взгляды эмигрантов, число этнических украинцев в клубах могло быть незначительным.

Для «Родины» и «Украины» была характерна недостаточная осведомленность о реальной жизни украинской общины в Западной Германии. До 1980-х гг. ни один из сотрудников «Украины» не был в ФРГ, многие из них не знали немецкого языка⁵. Снижали эффективность их работы также косность и бюрократизм, присущие советской системе в целом, чрезмерная идеологизация внешней культурной деятельности⁶. Из года в год организациями по культурным связям

с соотечественниками за рубежом эксплуатировали идеологические концепты, которые воспринимались как анахронизм даже внутри СССР. Как отмечает С.И. Никонова, «старые формы и методы пропаганды, действовавшие на безграмотное крестьянство и рабочий класс, явно отжили свое [...] Революционная агитация, реклама и пропаганда, да и сама идеология должны были стать более глубокими, многомерными, изощренными, подходящими возросшим требованиям масс, которые уже перестали быть массами в строгом смысле слова [...] Однако любая коррекция в области идеологии в тоталитарном обществе невозможна, так как идеология является его основой, своеобразным материковым шельфом, невидимой частью, на которой держится вся конструкция»⁷. Так идеологический кризис внутри СССР невольно транслировался вовне: многие мероприятия, запланированные советской стороной, либо срывались, либо проводились, но оставались почти незамеченными.

Не лучше обстояли дела и с обратной связью. Посещения бывшими соотечественниками УССР, которые были налажены с середины 1976 г., включали небольшие экскурсии, встречи с родственниками (если родственники имелись), обязательным пунктом была беседа с сотрудниками «Украины»⁸. Эти беседы обычно сводились к тому, что советские работники сообщали общие сведения о работе и возможностях их организации, а приезжие делились наблюдениями за жизнью в Германии столь же общего характера⁹. Злополучный «формализм» оставался непреодолимым недостатком официальной советской культурной коммуникации.

Возможность изменить ситуацию к лучшему появилась с началом перестройки. Интерес к СССР среди эмигрантов возрос, отношения между советским государством и эмигрантским зарубежьем стали более теплыми. Делегации «Родины» и «Украины» начали выезжать в ФРГ, что позволило ближе узнать украинскую общину, а главное – оценить результаты своей работы с ней. Выводы делегатов были неутешительными: значительное число украинцев в ФРГ ничего не знают о советских организациях по культурным связям

с соотечественниками, не интересуются их деятельностью и в лучшем случае индифферентно относятся к СССР. «Родина» и «Украина» не могут соперничать с многочисленными институтами диаспоры, особенно с разветвленной сетью националистических организаций, предлагающей эмигрантам и их потомкам живую, драматичную, мобилизующую идеологию «народа-страстотерпца», «украинской нации, поработанной советским режимом».

Несмотря на очевидную необходимость обновления методов работы с эмигрантами, планы ее реорганизации так и не были реализованы. Дискуссия об этом шла на протяжении 1980-х гг. и закончилась сама собой с распадом СССР и прекращением деятельности советских союзных и республиканских организаций по культурным связям с соотечественниками.

Итак, деятельность «Родины» и «Украины» в 1960–1980-е гг. можно считать одной из немногих попыток советского государства начать сотрудничество с украинской диаспорой в ФРГ. Благодаря им был установлен контакт с частью западногерманской общины. Однако общая эффективность работы этих организаций оказалась низкой. Слабый финансовый и организационный потенциал советских учреждений, преобладание идеологических стереотипов в стратегии их деятельности не позволяли им расширить свою аудиторию. Сотрудники обеих организаций, очевидно, не были знакомы ни с особенностями формирования украинской диаспоры в Германии, ни с ее идеологией. Просоветская деятельность была недостаточно активной, не отвечала реальным потребностям большей части украинской диаспоры ФРГ и не могла составить конкуренцию многочисленным антисоветским проектам.

Примечания

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р-9651. Оп. 1. Л. 4.

² ГА РФ. Ф. Р-9651. Оп. 1. Л. 5–6.

³ Там же.

- ⁴ Центральный державний архів вищих органів влади та управління України (далеє – ЦДАВОУ). Ф. 4629. Оп. 1. Спр. 150. Арк. 19.
- ⁵ ГА РФ. Ф. Р-9651. Оп. 1. Д. 69. Л. 3.
- ⁶ ЦДАВОУ. Ф. 4629. Оп. 1. Спр. 350. Арк. 8.
- ⁷ *Никонова С. И.* Кризис идеологии и советское общество в 1970–80-е гг. // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. № 7. С. 376.
- ⁸ ЦДАВОУ. Ф. 4629. Оп. 1. Спр. 190. Арк. 17–19.
- ⁹ Там же. Спр. 111. Арк. 9–10.

ЭПОХА ВНЕШНЕБЛОКОВОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.1.29

Л.А. Завалишка

Визит Р. Никсона в Румынию в августе 1969 г. глазами дипломатов социалистических стран

Ключевые слова: внешняя политика, «особый курс», Н. Чаушеску, советский блок, посольство соцстран.

В 1969 г. в Бухаресте произошло необычайное событие в истории Социалистической Республики Румыния (СРР). 2–3 августа страну посетил с официальным двухдневным визитом президент США Р. Никсон. Беспрецедентный характер этого визита заключался в том, что это было первое посещение американским президентом страны с коммунистическим режимом (если не считать приезда Ф. Рузвельта в Ялту в условиях Второй мировой войны на конференцию лидеров государств антигитлеровской коалиции). Президенты США не удостоивали ранее своим посещением даже титовскую Югославию, проводившую активную внеблоковую политику и пользовавшуюся немалым международным авторитетом. Разумеется, президенты США никогда не посещали Румынию и до установления в ней коммунистического режима.

Необходимо подчеркнуть, что летом 1969 г. в глазах Запада Н. Чаушеску, несомненно, был самым «рейтинговым» из лидеров государств, относившихся к сообществу социалистических стран Европы. Такое представление о генеральном секретаре ЦК Румынской коммунистической партии (РКП) было тесно связано с проведением Румынией еще с первой половины 1960-х годов независимой внешней политики, апофеозом которой стало открытое осуждение военной интервенции

пяти стран-участниц Варшавского договора в Чехословакию 21 августа 1968 г. Ему предшествовали и другие проявления самостоятельного курса, расходившегося прямо или косвенно с официальной линией СССР и всего советского блока: особая позиция в условиях острого кризиса на Ближнем Востоке, так называемой «шестидневной войны» в июне 1967 г.; установление дипломатических контактов с ФРГ в январе того же года.

Визит Р. Никсона в Румынию явился выражением поддержки со стороны Запада этого особого курса СРР на международной арене. Нельзя забывать при этом, что сам Р. Никсон был убежденным антикоммунистом и соответственно не мог не принимать во внимание вопрос: в какой мере внешнеполитические действия румынского руководства направлены против коммунизма как мировой системы.

Новость о предстоящем визите американского президента держалась долгое время в большой тайне. СССР и остальные страны Восточного блока были проинформированы о приезде Никсона незадолго до того, как было сделано официальное заявление по радио. Конечно, это не могло не вызвать волну недовольства со стороны лидеров и официальных лиц этих стран.

В фондах Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) хранятся многочисленные документы¹, которые позволяют нам увидеть визит Р. Никсона в СРР глазами аккредитованных в Бухаресте дипломатических представителей социалистических стран. Практически все частные и официальные беседы и встречи между советскими дипломатами и представителями дипкорпуса из других социалистических стран касались предстоящего приезда президента США в Румынию.

Это событие обсуждалось активно в течение всего июля, дискуссии о нем продолжились и в августе, после завершения официального визита американской делегации. Ему придавало весомости еще и то, что на август 1969 г. был запланирован X съезд РКП. В связи с этим в кругах дипкорпуса и прежде всего среди дипломатов социалистических стран усиленно обсуждался вопрос: приедет ли официальная советская делегация

на X съезд РКП или проигнорирует его, как это было в случае с состоявшимся в марте 1969 г. съездом Союза коммунистов Югославии. А если приедет, то каков будет уровень советского представительства. Нельзя забывать и о том, что 23 августа Румыния должна была отмечать 25-летний юбилей разрыва с нацистской Германией, так что вопрос о приезде советской делегации на эти торжества также сохранял актуальность.

Проведенный анализ приводит к выводу о том, что в целом высказывания и мнения дипломатических представителей социалистических стран о предстоящем визите Никсона носили негативный характер. Практически все дипломаты, касавшиеся этой темы, были недовольны тем, что румынские товарищи не только не посоветовались с лидерами других стран-участниц Варшавского договора по столь принципиальному вопросу, но даже не проинформировали их заранее о предстоящем визите. Это обстоятельство расценивалось как очередное проявление «особого курса» во внешней политике руководства РКП. С другой стороны, все с нетерпением ожидали увидеть: как отреагирует руководство СССР на новый румынский демарш и какими будут последующие шаги Москвы.

Новость о визите американского президента в Румынию привела к тому, что руководство Народной Республики Албании, дистанцировавшейся от советского блока, но поддерживавшей отношения с СРР, заявило через свое посольство в Бухаресте, что в связи со сложившимися новыми обстоятельствами ее делегация не приедет на X съезд РКП². В свою очередь венгерские дипломаты распространили информацию о том, что Янош Кадар лично скорее всего не возглавит делегацию Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) на X съезде РКП³. Временный поверенный в делах СССР в СРР И. С. Ильин по итогам приема в венгерском посольстве, который состоялся 1 июля 1969 г. (сразу после получения новости о визите Никсона), записал в своем дипломатическом дневнике, что только югославские дипломаты в определенной степени считают данный визит нормальным явлением⁴.

Другой важный момент заключался в предположениях дипломатов социалистических стран о целях визита Р. Никсона,

как и о выгодах, которые хочет извлечь Н. Чаушеску для своей страны из приезда американского президента. Большинство из них высказывало предположение, что в результате этого визита румыны хотят получить от американского правительства заем для развития экономики, а также добиться права быть отнесенными к числу стран, которым США особо благоприятствуют в экономическом плане⁵. К тому времени даже югославы не пользовались этим правом, но, как утверждал И. Мариан, вице-консул посольства Венгерской Народной Республики в Бухаресте, румыны готовы были идти на всё, чтобы любой ценой обеспечить то «благоденствие», которое они неоднократно обещали своему народу на протяжении последних лет⁶.

Мы полагаем, что для получения полного представления о сути и значении этого события и его влиянии на дальнейшие отношения СРР с другими социалистическими странами существенное значение имеет внимательный критический анализ историками высказываний дипломатов соцстран как до, так и после самого визита. Такого рода исследование важно для всестороннего изучения той ситуации, которая существовала в 1969 г. в советском блоке и мировом коммунистическом движении вследствие подавления Пражской весны и разногласий, проявившихся на большом июньском совещании компартий в Москве в 1969 г.

Примечания

¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 61. Д. 405. Л. 243–464.

² Там же. Л. 247.

³ Там же. Л. 251.

⁴ Там же. Л. 247.

⁵ Там же. Л. 251.

⁶ Там же.

Югославия и И. Броз Тито в советской печати второй половины 1960-х – начала 1970-х гг.

Ключевые слова: Югославия, СССР, И. Броз Тито, информационная кампания, советская пресса, общественное мнение, внешняя политика СССР.

Вторая половина 1960-х – начало 1970-х гг. – период сложных противоречий внутри социалистического блока. Череда конфликтов, в том числе перешедших в вооруженную стадию, стали серьезным испытанием для всей системы. Важным элементом конфликта являлось его информационное освещение. Советские СМИ работали как для аудитории внутри страны, так и за ее пределами. Образы стран, политических деятелей, конкретных международных событий сигнализировали об уровне межгосударственных отношений и перспективах их развития.

Югославия, являясь частью социалистической системы, давно находилась в советской печати на «особом положении». После Второй мировой войны она занимала место в самом ближнем кругу друзей Советского Союза. Затем последовал разрыв отношений, что сразу вышло в информационное поле. Проблема образа Югославии и Иосипа Броз Тито в советских СМИ конца 1940-х – начала 1950-х гг., то есть в период наиболее острого конфликта между Москвой и Белградом, в разной степени затрагивается исследователями¹. В это время Югославия представляла как один из главных врагов СССР. В текстах и в визуальной пропаганде активно использовались ассоциации с фашизмом, империализмом и т.д.

После прихода к власти Н.С. Хрущева и смены внешнеполитического курса изменилась и информационная политика в отношении Югославии и И. Броз Тито. Из лагеря врагов Югославия снова переместилась в лагерь друзей. Новые изменения в советском руководстве в середине 1960-х гг. негативно

сказались на образе Югославии. В советской прессе Югославия отошла в тень; составить комплексное представление о происходящих в ней политических и социально-экономических процессах советским читателям было сложно.

При этом Югославия ко второй половине 1960-х гг. имела свой образ в картине мира советских граждан, который не всегда соответствовал тому, что писали в газетах или журналах. И. Тито был одним из политических лидеров, которого регулярно вспоминали, публично обращаясь к власти, например, на собраниях. С одной стороны, это была критика и недоверие². С другой стороны, несмотря на существовавшие разногласия между двумя странами, некоторые советские граждане в письмах выражали уважение к И.Б. Тито, упоминали его в качестве положительного примера³.

При освещении конфликтов внутри социалистической системы обойти Югославию было сложно. Во-первых, она занимала активную позицию. В частности, открыто критиковала действия СССР в отношении Чехословакии и ввод войск ОВД, вела переговоры с Китаем в условиях советско-китайских пограничных столкновений. Во-вторых, население СССР даже в условиях ограниченного информирования задавало много вопросов именно о роли Югославии в том или ином конфликте, о мнении Тито⁴.

Советская печать находилась в сложном положении. СССР и Югославия переживали очередной кризисный период, пусть и не равный по силе конфликту 1948–1949 гг. Однако развивать новую масштабную антиюгославскую кампанию – значит ухудшить и без того сложную ситуацию внутри социалистического лагеря. На страницах прессы Югославия, с одной стороны, представляла как «почти капиталистическое государство» – проблемы безработицы, спада экономического развития, активные отношения со странами Запада и Китаем⁵. Военные издания характеризовали ее как «промежуточную зону», чья позиция в условиях возможного мирового конфликта не определена⁶. С другой стороны, печать освещала советско-югославские контакты в сфере культуры, публиковала нейтральные материалы, касающиеся повседневной жизни

Югославии⁷. Таким образом, Югославия не выступала в образе врага социализма и СССР, но и не являлась его союзником. У населения возникали закономерные вопросы: так с кем же Югославия, и каков уровень советско-югославских отношений⁸. Противоречивый образ в советской прессе имело Движение неприсоединения, в котором Югославия занимала важное место. В условиях биполярной системы международных отношений читатели не всегда могли точно определить, к какому лагерю ближе неприсоединившиеся страны.

Рассматриваемый период ознаменовался кризисом в самой Югославии, в том числе связанным с национальными противоречиями. Советская печать не обошла вниманием внутриполитические проблемы в СФРЮ. Самым распространенным способом показа были речи И.Б. Тито, в которых упоминались «антагонизмы между республиками, между общинами»⁹. Вся политическая сфера Югославии была сконцентрирована в фигуре югославского лидера. В публикуемых фразах из его выступлений повторялась мысль о необходимости и способности жестко разрешить все существующие проблемы. Постоянно звучал призыв к коммунистам проявлять бдительность и революционную ответственность против «скрытой подрывной работы националистических элементов». Тито совмещал в себе и черты отступника от основной линии социалистического строительства и гаранта стабильности в Югославии.

Важным событием в советско-югославских отношениях стала встреча руководителей двух стран в сентябре 1971 г. Накануне этого события пресса стала заметно шире освещать жизнь в Югославии, особенно экономическую сферу¹⁰. Вновь вспомнились объединяющие СССР и СФРЮ исторические сюжеты. При показе международных событий среди откликов зарубежной печати фигурировали югославские издания¹¹. В ходе визита Л.И. Брежнева в Белград внутренние югославские проблемы, как и прежде, регулярно упоминались в высказываниях И.Б. Тито. Президент Югославии говорил о решительной борьбе с внутренней оппозицией, а также о наличии силы самостоятельно, без чьей-либо помощи, эту борьбу вести.

После 1971 г. внимание советской печати к Югославии было стабильным. Новости из этой страны регулярно появлялись на страницах газет. Прежние противоречия в образе страны и ее лидера отошли на второй план. Нормализация отношений с Югославией, давно воспринимавшейся самостоятельным игроком в социалистическом мире, стала серьезным успехом для Советского Союза на фоне проблем с Китаем, Чехословакией, Польшей и др.

Примечания

¹ *Быстров Н. П.* Газета «Правда» и закрепление идеологемы «фашизм» в массовом сознании (пропагандистская кампания против И. Броз Тито 1948–1953 гг.) // Вестник РГГУ. 2008. № 11. С. 150–159; *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории. М., 2002; *Костылев Ю. С.* Языковой портрет Иосипа Броз Тито в советской печати // Политическая лингвистика. 2011. № 1. С. 139–142; Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока, 1948–1953 гг. Очерки истории / отв. ред. А. С. Анিকেев. М., 2017; Югославия в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2011 и др.

² Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 72. Д. 93. Л. 38, 47, 120 и др.

³ Например, Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе 1953–1982 гг. рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР. М., 2005. С. 117, 249.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4 Оп. 72. Д. 93. Л. 13, 20, 30, 49, 88, 126 и др.; Там же. Оп. 73. Д. 103. Л. 29; Д. 106. Л. 36, 46, 72, 101 и др.

⁵ Литературная газета. 1969. 26 марта. С. 9; Правда. 1969. 16 февраля. С. 5; 20 марта. С. 5; Советская Россия. 1969. 16 февраля. С. 3 и др.

⁶ *Ерашов Ю.* Антисоветская истерия в НАТО // Коммунист Вооруженных Сил. 1969. № 6. С. 82.

⁷ Литературная газета. 1969. 5 февраля, 19 февраля.

⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 73. Д. 105. Л. 101, 121; Д. 106. Л. 54.

⁹ Правда. 1969. 13 сентября. С. 5.

¹⁰ Советская Россия. 1971. 24 августа. С. 3; 26 августа. С. 3; Труд. 1971. 22 августа. С. 1 и др.

¹¹ Труд. 1971. 22 сентября. С. 3 и др.

Внешняя политика Югославии и начало международного детанта (1970–1971 гг.)

Ключевые слова: дипломатия, разрядка, детант, Иосип Броз Тито, советско-югославские отношения, Движение неприсоединения, югославско-американские отношения.

В начале 1970-х гг. югославская внешняя политика окончательно заняла сбалансированное положение между сверхдержавами и их военно-политическими блоками, в котором она оставалась вплоть второй половины 1980-х гг. Отношения Югославии со сверхдержавами (особенно с Советским Союзом) перестали напоминать игрушку йо-йо, с которой их сравнивал дипломат и историк Лео Матес¹. Осень югославского патриарха – Иосипа Броза Тито – стала в ремени стабильности и успешности внешнеполитического курса. Этапными событиями на этом пути стали интервенция стран Варшавского договора в Чехословакию (1968 г.), визит в Белград президента США Ричарда Никсона (1970 г.) и поездка в Вашингтон Тито (1971 г.), а также конференция неприсоединившихся стран в Лусаке (1970 г.).

Однако, глобально, «золотой век» югославской дипломатии² стал возможен благодаря началу процесса «разрядки» напряженности в отношениях между сверхдержавами – детанту. Стремление Москвы и Вашингтона снизить накал идейно-политического противостояния, решать спорные вопросы путем диалога, развивать сотрудничество по вопросам международной безопасности и т.д., создавали благоприятные условия для Югославии – социалистической страны, не входившей в советский лагерь, зато бывшей одним из лидеров Движения неприсоединения. СФРЮ являлась настоящей «серой зоной», в которой влияние обеих сверхдержав компенсировалось возможностью экономического сотрудничества с Западом и Востоком одновременно.

Интервенция в Чехословакию стала причиной третьего по счету советско-югославского конфликта, впрочем, из всех самого непродолжительного и умеренного в формулировках. Визиты в Югославию советского министра иностранных дел А.А. Громыко в 1969 г. и Л.И. Брежнева в 1971 г., а также поездка в СССР Тито в 1972 г. способствовали нормализации двусторонних отношений³. Но при этом следствием конфликта закономерно стало дистанцирование Югославии от Советского Союза, с которым она поддерживала тесные отношения. Например, в 1967 г. она приняла участие в пяти совещаниях стран советского блока; в ООН позиции югославы чаще всего совпадали с советской; генералы Югославской народной армии (ЮНА) присутствовали на военных учениях стран ОВД⁴. Интервенция и появление доктрины Брежнева гарантировали строгое соблюдение югославами принципа равноудаленности от сверхдержав: сторонники национального понимания социализма, они решительно отдавали приоритет сохранению государственного суверенитета и невмешательству в свои внутренние дела. Советское руководство, ориентируясь на необходимость стабилизации отношений с Западом, волей-неволей должно было учитывать такую позицию Белграда.

6–14 сентября 1970 г. в городе Лусака (Замбия) состоялась Третья конференция руководителей неприсоединившихся стран. На ней были созданы постоянно действующие институты и выработаны алгоритмы развития их сотрудничества, важнейшим из которых стали регулярно проводимые конференции на высшем уровне. Ранее состоялось два подобных форума – в Белграде (1961 г.) и Каире (1964 г.), однако они воспринимались скорее как разовые акции, посвященные решению определенных вопросов.

Следует отметить, что, по мнению сербского историка Д. Богетича, в начале 1970-х гг. произошла определенная эволюция взглядов на внеблоковое движение в советском руководстве. Там были склонны признать «значительный вклад неприсоединения в дело мира» и принять его в качестве «активного самостоятельного фактора в международных отношениях». Подобные изменения сербский историк связывает

с усилением политико-идеологического воздействия на неприсоединившиеся страны США и Китая⁵.

В лучшую сторону изменились отношения между Югославией и США. 1970-е гг. стали временем достижения большего политического взаимопонимания с Вашингтоном. Иосип Броз Тито регулярно встречался с американскими президентами (в 1971 и 1972 гг. с Ричардом Никсоном, в 1975 г. с Джеральдом Фордом, в 1978 с Джимми Картером). Уровень сотрудничества двух стран в области экономики, культуры и науки оставался высоким⁶.

Точкой отсчета в развитии этой тенденции тоже следует признать интервенцию в Чехословакию (1968 г.), причем, сам Тито потом нередко повторял, что «Никсона привела в Югославию Лусака»⁷.

Так, в августе 1969 г. американский президент побывал в Румынии, оказав, таким образом, поддержку руководству этой страны, также выступившей с жесткой критикой ввода войск в Чехословакию и доктрины Брежнева, но уклонился от приглашения нанести заодно и визит в Белград. Югославы были разочарованы приоритетом, данным румынам. По их оценкам, это означало снижение интереса к Югославии и, как следствие, ее международного значения. Видимо, причиной выбора Румынии стала жесткая позиция Белграда в связи с ситуацией во Вьетнаме и на Ближнем Востоке, главным виновником которых югославы называли США⁸.

Год спустя, менее чем через месяц после лусакской конференции, Никсон посетил Югославию с четырехдневным визитом (30 сентября – 2 октября 1971 г.), побывав в Белграде и Загребе. В своем меморандуме накануне визита советник президента США по национальной безопасности Генри Киссинджер назвал эту конференцию «дорогой сердцу Тито, но не очень значимой». В то же время он высоко оценил международное значение Югославии, в том числе ее роль в американской политике на Ближнем Востоке, и фигуру югославского президента, «сумевшего сделать себя образцом для коммунистов других стран» и остававшегося в тот момент «единственным столпом неприсоединения»⁹.

За два дня до приезда Никсона в Белград печальные новости пришли из Египта – там скончался сподвижник Тито по Движению неприсоединения, некогда его большой единомышленник и друг Гамаль Абдель Насер. На похороны в Каир отправился Эдвард Кардель в ранге «личного посланника» югославского президента: так символично наступало новое десятилетие во внешней политике СФРЮ, в котором старые партнеры должны были поменяться на новых. Впрочем, в ходе трех раундов югославско-американских переговоров на высшем уровне темы разрешения кризиса на Ближнем Востоке, значение Югославии в качестве посредника и возможность повлиять на преемников Насера были ключевыми. Также Никсон в очередной раз отметил «уникальную роль, которую играет Югославия в преодолении разрыва между блоками»¹⁰.

Американцам в начальный период «разрядки» международной напряженности все еще были интересны медиаторские способности лидера СФРЮ. А самому Тито детант виделся жизненно важным и задававшим новое содержание политике европейских государств, так как он давал им возможность действовать в соответствии со своими специфическими интересами. По мнению историка Л. Димича, «разрядка» напряженности в Европе для Тито была составной частью его концепции неприсоединения¹¹. В то же время с развитием этого процесса усиливались и опасения, что сверхдержавы, по мере достижения между ними большего взаимопонимания, монополизируют решение важнейших международных вопросов, сведя до минимума не только роль малых и средних государств, но и значение крупных международных организаций – от Движения неприсоединения до Генеральной Ассамблеи ООН.

Таким образом, наступившие 1970-е гг., десятилетие детанта, для Югославии было связано не только с большими перспективами и надеждами, но и с известными тревогами и опасениями.

Примечания

- ¹ *Lorejn M. L. Održavanje Tita na površini. Sjedinjene Države, Jugoslavija i hladni rat. Beograd, 2003. S. 275.*
- ² Подобное определение использует, например, сербский историк Джоко Трипович. См.: *Tripković Đ. Jugoslavija – SSSR. 1956–1971. Beograd, 2013. S. 251.*
- ³ Подробнее см.: *Новосельцев Б. С. Советско-югославские отношения в конце 1968–1969 году // Славяноведение. 2018. № 3. С. 43–51; Он же. Советско-югославские отношения в конце 1960-х – начале 1970-х годов и визит Й. Броза Тито в Москву (5–10 июня 1972 г.) // Сборник Славяне и Россия: славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы / отв. ред. С.И. Данченко. М., 2018. С. 386–402.*
- ⁴ *Diplomatski arhiv saveznog ministarstva spoljnih poslova Republike Srbije (далее – DASMSP RS). PA. 1967. SAD. f-158. 423459. Telegram iz ambasade u Vašingtonu. 27.6.1967.*
- ⁵ *Bogetić D. Jugoslovensko-američki odnosi u vreme bipolarnog detanta 1972–1975. Beograd, 2015. S. 82–83.*
- ⁶ *Tripković Đ. Jugoslavija – SSSR. S. 251.*
- ⁷ *Bogetić D. Jugoslovensko-američki odnosi u vreme bipolarnog detanta. S. 10.*
- ⁸ *Idem. Jugoslovensko-američki odnosi 1961–1971. Beograd, 2012. S. 289.*
- ⁹ *Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Vol. XXIX. Eastern Europe. Eastern Mediterranean. 1969–1972. Yugoslavia. Document 220. Memorandum From the President’s Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon. См.: URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v29/d220>. (accessed: 11.04.2019).*
- ¹⁰ *Ibid. Document 221. Memorandum of Conversation. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v29/d221> (accessed: 11.04.2019).*
- ¹¹ *Dimić Lj. Godina 1968 – ishodište nove jugoslovenske spoljnopolitičke orientacije // 1968 – četrdeset godina posle. Zbornik radova, Beograd, 2008. S. 362–364.*

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.1.32

Д.О. Вакарчук

Роль государств Центрально-Восточной Европы в отношениях России и ЕС в энергетической сфере (2004–2009 гг.)

Ключевые слова: страны Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ), энергодиалог Россия – ЕС, энергетическая безопасность, Европейский союз.

Серьезная зависимость стран Центрально-Восточной Европы* (ЦВЕ) от внешних энергетических поставок, преимущественно из России, стала причиной перманентного лоббирования этими государствами с 2004 г. в институтах Евросоюза политики, основанной на важности обеспечения безопасности поставок энергетических ресурсов из России в государства – члены ЕС.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2004 по 2009 г. *Нижняя граница* обусловлена тем, что в мае 2004 г. официально завершился процесс вступления Польши, Венгрии, Чехии и Словакии в Евросоюз. В результате расширения ЕС государства ЦВЕ получили доступ к его институциональным механизмам, что позволило им с более сильных позиций выступать в контексте российско-европейского взаимодействия в энергетической сфере. *Верхняя граница* – в июне 2009 г. завершился срок председательства Чехии в Совете ЕС, на период которого пришелся второй российско-украинский

* В данном исследовании под государствами ЦВЕ понимаются Польша, Венгрия, Чехия и Словакия.

газовый кризис (2008–2009 гг.), окончательное свертывание переговоров между Россией и ЕС по ратификации Договора к Энергетической хартии, а также учреждение программы ЕС «Восточное партнерство» с постсоветскими государствами. Логическим итогом перечисленных событий стало осложнение российско-европейских отношений в общем и в энергетической сфере в частности.

Влияние государств ЦВЕ на энергетическую политику ЕС в отношении России можно разделить на два этапа.

Первый этап (2004–2007 гг.) охватывает становление концептуальных основ общей внешней энергетической политики (ОВЭП) ЕС и попытку государств ЦВЕ закрепить в качестве основного приоритета ОВЭП идею солидарной энергетической политики Союза в отношении России. Однако среди государств ЦВЕ существовали противоречия в интерпретации понятия «солидарность» в контексте энергетической политики ЕС. Если правительства Венгрии и Словакии выступали за солидарность государств – членов ЕС по техническим аспектам энергетической политики, то правительства Польши и Чехии, в свою очередь, настаивали на единой позиции государств-членов ЕС в переговорах с внешними поставщиками. Кроме того, разногласия между государствами ЦВЕ сложились в отношении развития энергетического партнерства с Россией: так, Венгрия и Словакия, в отличие от критической линии руководства Польши и впоследствии присоединившегося правительства Чехии, придерживались прагматичной позиции в отношении России и ориентировались на углубление сотрудничества в энергетической сфере.

Доминирование национальных интересов старых государств-членов во главе с ФРГ при формировании ОВЭП ЕС также осложняло ситуацию в рассматриваемый период. Это объясняет отсутствие взаимопонимания между старыми и новыми государствами – членами ЕС в видении внешней энергетической политики Союза по отношению к России.

По этим причинам результаты реализации идеи солидарности были незначительными и ограничивались амбициозными декларациями в юридически необязательных документах

Еврокомиссии, в которых упоминалась важность согласования коллективной позиции ЕС по проблемам энергетической политики в отношении третьих стран, в частности России.

На втором этапе (2007–2009 гг.) государства ЦВЕ были вынуждены прибегнуть к иным методам реализации интересов в области энергетической безопасности на уровне ЕС. Так, эти государства активизировали взаимодействие с Еврокомиссией, с одной стороны, в рамках Европейской политики соседства (ЕПС), с другой стороны, посредством реализации газотранспортного проекта «Набукко».

Сильными сторонами такой внешнеполитической тактики стран ЦВЕ были, во-первых, общая заинтересованность Польши, Чехии, Венгрии и Словакии в диверсификации внешних поставок энергоресурсов за счет постсоветских государств Каспийско-Черноморского региона. Во-вторых, отсутствие необходимости для Венгрии и Словакии отказываться от конструктивных отношений с Россией в энергетической сфере. В-третьих, равнодушие Еврокомиссии к энергетическим ресурсам Каспийско-Черноморского региона. Прямой доступ к ним в перспективе мог обеспечить создание действительно конкурентного энергетического рынка ЕС, а также в перспективе решить проблему энергетической зависимости Союза от России, которую руководство Еврокомиссии с 2006 г. перестало воспринимать гарантом энергетической безопасности ЕС. В-четвертых, заинтересованность старых государств – членов ЕС, в частности ФРГ, в реализации ЕПС на постсоветском пространстве из-за ее направленности, в том числе на политическую стабилизацию этого региона.

Несмотря на противодействие России и средиземноморских государств – членов ЕС, усилиями стран ЦВЕ в мае 2009 г. была запущена программа «Восточное партнерство», ставшая их дипломатической победой, так как наглядно продемонстрировала возможность солидарного лоббирования этими странами крупных проектов на уровне ЕС. Запуск инициативы «Восточное партнерство» заложил фундамент для закрепления интересов ЕС в энергетической сфере, в том

числе в Каспийско-Черноморском регионе, что негативным образом сказалось на российско-европейских отношениях в последующие годы.

Тем не менее, несмотря на успех в отношении концептуального оформления целей ОБЭП, в исследуемый период государства ЦВЕ столкнулись с проблемой практического воплощения обозначенных на концептуальном уровне целей. Во-первых, незначительный бюджет программы «Восточное партнерство» не позволял реализовывать серьезные проекты в энергетической сфере. Во-вторых, сохранение центробежных тенденций среди государств ЦВЕ стало причиной, с одной стороны, уменьшения перспектив реализации проекта «Набукко», а с другой стороны, провала посреднической миссии ЕС по урегулированию газового кризиса между Россией и Украиной 2008–2009 гг. В-третьих, нежелание правительств ФРГ, Италии и Франции вносить посильный вклад в диверсификацию энергетических поставок государств ЦВЕ привело к тупику в решении проблемы финансирования строительства «Набукко» за счет бюджета ЕС.

В результате диаметрально противоположность позиций старых и новых государств – членов ЕС в отношении концептуального оформления ОБЭП, их неспособность действовать согласованно для предотвращения транзитных кризисов на постсоветском пространстве, а также для реализации газотранспортного проекта «Набукко» привели Еврокомиссию к переосмыслению способов дальнейшего выстраивания равноправных отношений с Россией в условиях уязвимости системы газоснабжения ЕС через украинскую газотранспортную систему, на которую приходилось около 80% экспорта российского газа в страны Евросоюза. Негласной целью Еврокомиссии стала ликвидация монопольного доминирования России на газовом рынке Евросоюза.

Таким образом, следствием политики государств ЦВЕ в области энергетической безопасности в исследуемый период стало укрепление наднациональных полномочий Еврокомиссии в сфере энергетики, что в дальнейшем привело к ухудшению российско-европейских отношений.

От Университета Планеты к Славянской Федерации: трансформация образа славянства в мейнстримных видеоиграх

Ключевые слова: славяне, Россия, Польша, видеоигры, идентичность, стереотипы, мейнстрим.

Целью нашего исследования является определение набора характерных признаков «славянскости» в видеоиграх (далее – ВИ), их визуализация и процесс их трансформации, начиная с 1991 г. Массовая культура ВИ представляет большой интерес для исследователя, не столько из-за своей малоизученности, а в первую очередь из-за ее влияния на процессы формирования нацио- и этностереотипов, которые одновременно являются ее неотъемлемой частью. В рамках данной статьи мы остановимся на серии игр «Цивилизация», созданных американской фирмой *Firaxis Games, Inc.*¹

«Цивилизация» (*Sid Meier's Civilization*) была создана в 1991 г. Первая игра этой серии предлагала игроку «построить империю и выдержать испытание временем», начиная с 4000 г. до н.э. и заканчивая 2100 г.н.э.² Игрок выбирает мир, одну из 15 цивилизаций и должен привести ее к победе. Каждая цивилизация отличается цветом, музыкальной темой, названием городов и национальным лидером. Россию представляет И.В. Сталин, цвет – белый, первый город – Москва, а песня – «Эй, ухнем» М. Балакирева. Кроме того, каждый лидер и цивилизация, соответственно, имеют в игре заложенные характеристики и нормы поведения. Сталин является одним из самых опасных лидеров в игре: по уровню угрозы для игрока он сравним с Александром Македонским, уступает Чингисхану и превосходит всех остальных неигровых персонажей* (далее – NPC).

* Неигровой персонаж, или *Non-Player Character* (далее – NPC), – это «персонаж, управляемый не игроком». В компьютерных играх поведение таких персонажей определяется программой – заложенным алгоритмом.

Впоследствии серии игр-продолжателей цивилизации получили гораздо больше индивидуальности: начиная со спин-оффа «Альфа Центавра» (*Sid Meier's Alpha Centauri*), где у фракций, являющихся аналогом империй из Цивилизации, появляются игровые бонусы, которые значительно влияют на игру³. Славянская составляющая здесь представлена академиком Прохором Захаровым (*Academician Prokhor Zakharov*), который возглавляет Университет Планеты и имеет соответствующие бонусы на развитие науки. Помимо лидера, начиная с 6-й базы (аналог городов в игре) в названиях появляется «славянскость»: *Cosmograd, Budushii Dvor, Tsiolkovsky Institute, Mendeleev College, Nauk Science Center, Academgorodok* и т.д.

Начиная с третьей серии игры «Цивилизация»⁴, где славяне опять же представлены Россией, формируется окончательный концепт отличий каждой цивилизации – помимо цвета она получает еще и герб. Кроме того, добавляется краткий экскурс в историю той или иной страны. Россия, возглавляемая Екатериной II, с черным двуглавым орлом на золотом фоне (цвет цивилизации меняется на желтый), получает бонусы к науке и экспансии, а также уникальный отряд – казаков. Нововведением игры становятся еще и лидеры, получаемые игроком по мере побед над противником: среди них есть Иван Грозный и Г.К. Жуков. В четвертой версии игры появляется возможность выбирать лидеров, от этого зависят бонусы цивилизации: России предложены на выбор Петр I, Екатерина II и, в дополнении, Сталин⁵. Тем не менее уникальный отряд и здание сохраняются в любом случае – это уже знакомые нам казаки и научный институт. Кроме того, в четвертой цивилизации по итогам игры представляется возможность сопоставить свои достижения с 20 историческими лидерами (от Августа – максимальное количество очков, до Д. Куэйла – минимальное количество очков). Среди них Иван Грозный (12-й) и Лех Валенса (11-й). Также отметим, что среди чудес света появляется Кремль (изображен в игре в виде храма Василия Блаженного), дающий бонус к шпионажу, и малое чудо света – Эрмитаж, дающий бонус к культуре.

Отметим появление в игре гражданских моделей и встроенных предпочтений стран. В плане России – это «наследственное право» для Екатерины II (бонус к счастью населения, в случае размещения в городе гарнизона) и «бюрократия» для Петра Великого (бонус к производству и экономике в столице), а также «государственная собственность» для Сталина (бонус к производству, пище и снижению издержек при аннулировании эффекта корпораций). Интересно, что в плане установок искусственного интеллекта (далее – ИИ), лидеры, возглавляющие Россию, делают ставку на шпионаж, отчего с ними сложно договориться о мире. ИИ выставляет каждому лидеру разные приоритеты: у Петра I – это наука и расширение, у Екатерины II – культура и военная мощь, у Сталина – военная сила и производство.

В пятой части игры, помимо уникального бонуса – отряда и строения (или улучшения), каждая цивилизация получает (или не получает) «стартовое пристрастие» – участок суши, к которому цивилизация тяготеет своим изначальным расположением⁶. Россия, возглавляемая опять Екатериной II, получает бонус «богатства Сибири», казаков и уникальное здание – *Krepost*, а также «стартовое пристрастие» – тундру, и новую музыкальную тему – «Монтечки и Капулетти» (часть второй сюиты «Ромео и Джульетта» С. Прокофьева). Из достижений *Steam*, доступных при игре за Россию, можно выделить «Из России с любовью», получаемое за убийство английского шпиона.

Также, в пятой части, в дополнении «Прекрасный новый мир» появляется Польша, возглавляемая Казимиром III⁷. Она получает бонус «Солидарность», крылатых гусар, герцогские конюшни, «стартовое пристрастие» – равнины, музыкальную тему «Песня о рождении Господа» (*Pieśń o Narodzeniu Pańskim*) и герб – черного польского орла на красном фоне. Из достижений *Steam*, доступных при игре за Польшу, можно получить «Польша может в космос» за победу в космической гонке – это очевидный ответ на известный мем, связанный с запуском польского спутника в 2007 г., а также отметим «присоединение Польши к Европейскому космическому агентству» в 2012 г.⁸

Из чудес света здесь присутствуют Кремль, который теперь усиливает оборону городов, и Эрмитаж.

По установкам ИИ, Екатерина II является довольно сбалансированным противником, ориентированным на научную победу и быструю экспансию. С Россией в целом просто поддерживать хорошие отношения, но в случае войны или предательства их практически невозможно восстановить. Кроме того, возникает крайняя сложность заключения мира: Екатерина II предпочитает сражаться до полной победы или полного уничтожения; отмечается активное применение шпионов и ядерного оружия. Казимир Великий, по ИИ, не имеет четких ориентиров развития: основной упор делается на развитие имеющихся городов, покровительство городов-государств и производство. Предпочтительной победы нет, но поздняя экспансия может привести к военной победе.

В последнем спин-оффе серии Цивилизация – «За пределами Земли» (*Sid Meier's Civilization: Beyond Earth*) – славяне представлены Славянской федерацией, возглавляемой генералом Вадимом Козловым, со своей столицей в городе Храбрость (*Khrabrost*)⁹. Интересно, что во вступительном ролике игры явно показаны православные священники, освящающие ракету, что то ли отсылает к бонусу цивилизации (более длительное нахождение спутников на орбите), то ли ассоциирует славян с православием.

Резюмируя, мы можем сделать вывод, что основными представителями славянского мира являются Россия и Польша, их образы трансформируются в незначительной степени, отражая основные исторические стереотипы и модные актуальные тенденции, что является составным элементом современной культуры.

Примечания

¹ Firaxis Games [Электронный ресурс]. URL: <https://firaxis.com/> (дата обращения: 08.04.2019).

² Sid Meier's Civilization [Электронный ресурс]. URL: <https://civilization.com/civilization-1/> (дата обращения: 08.04.2019).

³ Sid Meier's Alpha Centauri / Internet Archive Wayback Machine [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20080526180336/http://www.firaxis.com/smac/> (дата обращения: 08.04.2019).

⁴ Sid Meier's Civilization III [Электронный ресурс]. URL: <https://civilization.com/civilization-3/> (дата обращения: 08.04.2019).

⁵ Sid Meier's Civilization IV [Электронный ресурс]. URL: <https://civilization.com/civilization-4/> (дата обращения: 08.04.2019).

⁶ Sid Meier's Civilization V [Электронный ресурс]. URL: <https://civilization.com/civilization-5/> (дата обращения: 08.04.2019).

⁷ Sid Meier's Civilization V: Brave New World / Дополнительный контент / Sid Meier's Civilization® V / Steam [Электронный ресурс]. (дата обращения: 08.04.2019). URL: https://store.steampowered.com/app/235580/Sid_Meiers_Civilization_V_Brave_New_World/ (дата обращения: 08.04.2019).

⁸ Polish flag raised at ESA / ESA [Электронный ресурс]. URL: http://www.esa.int/About_Us/Welcome_to_ESA/Polish_flag_raised_at_ESA (дата обращения: 08.04.2019).

⁹ Sid Meier's Civilization®: Beyond Earth [Электронный ресурс]. URL: <https://www.civilization.com/civilization-beyond-earth/> (дата обращения: 08.04.2019).

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.1.34

М.В. Ведерников

Особенности функционирования малых государств (на примере Чехии)

Ключевые слова: Чехия, ЕС, малые государства, Вишеградская группа, В4.

В политологической науке широко распространено понятие «малое государство» (*small state*). В этот разряд попадают такие центральноевропейские страны, как Венгрия, Чехия, Словакия, оказавшиеся перед выбором внешнеполитического курса в 90-е гг. прошлого столетия. Их очевидное нахождение в этой категории, как субъектов, лишенных возможности свободного маневра по ряду объективных факторов (отсутствие экономического ресурса при важном геополитическом положении), заставило национальные элиты государств извлечь возможные выгоды такого положения. История прошедших 30 лет показывает, что неблагоприятные исходные данные

при существовании продуманного курса политиков могли быть нивелированы. Понимание своего места в мировом раскладе сил благоприятно влияло на продвижение собственных интересов.

В Концепции внешней политики Чешской Республики 2015 г. представлен компромиссный взгляд относительно принадлежности страны к малым государствам¹. Там отмечено, что в глобальном контексте она таковой является, однако в масштабе Европы она принадлежит к средним. Там же подчеркивается, что ограниченные человеческие и финансовые ресурсы обосновывают необходимость сокращения числа приоритетных направлений деятельности и «мотивируют» участие в избранных программах различных интеграционных объединений – ЕС, НАТО, ООН, ОБСЕ и других структур, где продвижение выбранных тем упрощается. В рамках названных организаций Чехия постоянно подчеркивает важность соблюдения международного права, прибегает к морально-нравственной аргументации, в особенности на трибуне ООН. Особое место имеет правозащитная тема, сильный уклон в сторону которой наблюдался в 1990-х гг. ввиду демонстрируемых усилий страны по возвращению в Европу и необходимости апробации ключевых международных инструментов защиты прав человека и их имплементации во внутривластном пространстве ЧР.

Основной темой, которая проходит красной нитью через всю внешнеполитическую активность малых государств, является деятельность в сфере безопасности, обеспечение которой рассматривается как основная цель и высшая ценность, а остальные вопросы проистекают из области этой проблематики². Невозможность ее поддержания собственными силами и необходимость полагаться на другие государства и структуры зачастую рассматривается как главные определяющие характеристики малых государств. Между тем рост новых угроз в последнее время позволил им отказаться от пассивной роли и усилить свое влияние ввиду «переформатирования системы мировой политики»³. Прежде всего речь идет о глобализации (регионализации) и усилении взаимозависимости

стран; появлении угроз в новых областях – экономической, социальной, экологической; уменьшение их предсказуемости; конвергенция областей внутренней и внешней безопасности. Усиливается серьезность невоенных угроз (нарушение поставок стратегического сырья, нелегальная миграция, усиление имущественного неравенства, расширение экономических преступлений) и пролиферация угроз асимметричного характера, т.е. таких, которые имеют негосударственный или наднациональный характер (например, терроризм). Однако наряду с участием малых государств в миротворческих, военных и гуманитарных операциях, нацеленных на ликвидацию реальных опасностей в зонах напряженности (отряды чешских войск в Афганистане, Ираке), и их вовлечением в проекты, где разрабатываются планы предотвращения глобальных катаклизмов (например, сотрудничество чешской стороны с европейским Агентством по безопасности внешних границ), страны придают неоправданно большое значение мнимым угрозам, подчас создавая их сами или преувеличивая их.

Особенность поведения Чехии в качестве малого государства, несомненно, заключается в том, что она начала свободно осознавать возможности использования своего положения только после выхода из зоны советского влияния. До этого она была ограничена строгой иерархией подчинения в рамках социалистического блока. Получив свободу действия, ЧР стала искать сотрудничество с крупными государствами посредством включения в различные альянсы и усиление связей с крупными державами. Однако вскоре стали очевидны определенные пределы ведения самостоятельной политики, что выразилось в последовавшей достаточно критичной позиции национальных властей по отношению к Брюсселю. С одной стороны, участие в работе крупных межгосударственных организаций, предполагающих обсуждение любой законодательной инициативы, давало возможность выдвижения своей позиции, но с другой – острая критическая линия поведения страны, которая доходила до блокирования законодательных инициатив, затрудняло деятельность данных структур. Таким образом, Чехия (вместе с некоторыми другими

центральноевропейскими государствами, т.н. Вишеградской группы – Венгрия, Польша, Словакия, Чехия) стали основными критиками ЕС и требовали учета их предложений, заставив некоторых европейских политиков говорить, что евроинтеграция стран Восточной Европы была ошибкой.

Можно отметить, что возросшие возможности и расширение инструментария малых стран привели одновременно и к повышению их авторитета, и к росту напряженности между ними и их более влиятельными союзниками, которые не рассчитывали на их столь рьяную позицию по отдельным вопросам международной (в основном европейской) повестки. Н. Кавешников причины подобной деградации видит в том, что малые государства не обладают стратегическим видением и ответственностью, им свойственны потребительские настроения и низкое качество политической элиты⁴.

Примечания

¹ Koncepte zahraniční politiky ČR2015. URL: https://www.mzv.cz/jnp/cz/zahranicni_vztahy/analyzy_a_koncepce/koncepce_zahranicni_politiky_cr.html (accessed: 01.04.2019).

² Zemanová Š., Druláková R. Český zahraničnepolitický aktivismus. Možnost a meze. Praha, 2016. S. 54.

³ Смирнов В. А. К вопросу о теоретических аспектах изучения политических элит малых государств // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 2 (53). С. 256.

⁴ Кавешников Н. Ю. «Малые и вредные?» // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 3 (18). С. 89.

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.1.35

А.Р. Лагно

Украинский вопрос в «исторической политике» партии Ярослава Качиньского

Ключевые слова: Польша, Украина, ОУН-УПА, «Волынская резня», операция «Висла», партия «Право и справедливость», Я. Качиньский, историческая политика.

Официальная статистика, а также отчеты правозащитных организаций и польские СМИ обращают внимание, что в последнее время в Польше растет количество преступлений на почве расизма, антисемитизма и ксенофобии, причем отмечается более чем шестикратный рост преступлений против украинцев: если в 2014 г. было зафиксировано 29 таких случаев¹, то в 2017 г. – 190². Примечательно, что к 2017 г. несколько изменились объекты ненависти: если в 2014 г. основными жертвами были евреи, то в 2017 г. они переместились на третью позицию, а на первом и втором местах оказались мусульмане и украинцы соответственно³. Однако польские СМИ, освещая проблемы расовой дискриминации и ксенофобии, основное внимание по-прежнему уделяют проблеме антисемитизма.

Официальный Первый польский телеканал (*TVP1*) регулярно включает в новостные выпуски сюжеты, которые демонстрируют телезрителям относительно невысокий уровень антисемитизма в Польше по сравнению с другими европейскими странами, особенно с Германией (например, в 2016 г. в Германии было зафиксировано 1 468 инцидентов, а в Польше – 101)⁴. Такое внимание к еврейской проблеме легко объяснимо: именно обвинение поляков в антисемитизме вызывает острую реакцию со стороны правящей партии «Право и справедливость» (ПиС).

ПиС стремится защищать доброе имя польского народа, используя для этого разнообразные средства, в том числе иницируя разработку и введение правовых норм, которые могли бы юридически воздействовать на тех, кто распространяет ложные сведения и «приписывает польскому народу [...] ответственность или пособничество за совершенные Третьим рейхом нацистские преступления»⁵. Как раз по поводу попытки польского правительства установить наказание за подобные действия в прошлом году разгорелся скандал между Израилем и Польшей, к которому подключились США и другие страны.

Министерство юстиции подготовило поправки к закону об Институте национальной памяти (ИНП), которые можно свести к двум ключевым темам: 1) ответственность украинских

националистов за совершенные ими преступления по отношению к гражданам Польши и 2) наказание штрафом или заключением на срок до трех лет тех, кто обвиняет поляков в коллаборационизме с нацистами. Процесс принятия закона был очень быстрым⁶. Единственное, президент Анджей Дуда подписав законопроект, одновременно решил проверить его на соответствие конституции. Тем не менее 1 марта 2018 г. поправки к закону вступили в силу. Однако уже 22 марта министр юстиции и генеральный прокурор З. Зёбро счел их не соответствующими конституции. Ситуация стала анекдотичной, поскольку получилось, что Зёбро в качестве генерального прокурора признал неконституционными поправки к закону, которые подготовило руководимое им же министерство юстиции. Примечательно, что евреи в этом законопроекте упоминались только один раз, да и тот был связан с перечислением преступлений совершенных украинскими националистами. Украинцы же упоминаются в этом документе не менее семи раз. Киев тоже выразил протест по поводу поправок к закону об ИНП, однако он утонул в волнах полемики, разгоревшейся между Польшей, Израилем и США.

Украинская проблематика занимает важное место в «исторической политике» ПиС, однако тяжелая экономическая и внутривластная обстановка в стране, а также сложное международное положение, отсутствие твердой поддержки со стороны более сильных игроков на мировой арене не позволяют украинской стороне убедительно «доказывать» свою версию исторических событий. Наиболее часто обсуждаемыми сюжетами непростого украинско-польского прошлого являются: 1) деятельность Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии; 2) события на Волыни в 1943–1944 гг.; 3) «Операции “Висла”» 1947 г. В данном контексте нас интересуют не столько причины и последствия самих исторических событий, сколько их интерпретация, отраженная в общественно-политическом дискурсе, а также влияние этой интерпретации на польско-украинские отношения со времени прихода ПиС к власти в 2015 г. и до настоящего времени. То, как изображаются перечисленные исторические

сюжеты, я попробую показать на основе анализа новостных выпусков *TVP1*, высказываний ведущих политиков, а также некоторых других источников.

1. На тему деятельности **ОУН-УПА** имеется достаточно обширная литература как украинских, так и польских историков. Позицию польской правящей партии по этому вопросу очень емко демонстрирует фраза ее лидера: «Я четко сказал президенту Порошенко, что с Бандерой они в Европу не войдут»⁷.

2. Первые публичные заявления относительно официальной оценки **событий на Волыни в 1943–1944 гг.** прозвучали в 2003 г. Тогда президенты Л. Кучма и А. Квасньевский постановили не выдвигать взаимных обвинений, ориентироваться на будущее, а не на прошлое в выстраивании взаимных отношений. ПиС отказалась от этого взвешенного подхода, и 7 июля 2016 г. Сенат принял постановление «по вопросу увековечения памяти жертв **геноцида**», а через несколько дней Сейм проголосовал за резолюцию об установлении 11 июля «Национальным днем памяти жертв совершенного украинскими националистами **геноцида** граждан II Речи Посполитой».

3. **Операция «Висла»** должна была закрыть «украинский вопрос» в Польше: те украинцы, которые не выехали в СССР в рамках обмена населением, были принудительно переселены на некогда немецкие территории, которые после войны вошли в состав Польши. Операция сопровождалась насилием, убийствами и арестами. В 2007 г. В. Ющенко и Л. Качиньский выступили с совместным заявлением, осуждавшим эту операцию. Однако в 70-летнюю годовщину, в 2017 г., представители ПиС отказались присутствовать на официальных мероприятиях, организованных Объединением украинцев в Польше. С 2016 г. операция «Висла» ни разу не была упомянута в новостях на канале *TVP1*, который в принципе достаточно часто включает в свои выпуски исторические сюжеты по случаю тех или иных годовщин.

Примечания

¹ Sprawy prowadzone w 2014 r. w jednostkach organizacyjnych prokuratury z pobudek rasistowskich lub ksenofobicznych. 2015. 11 VI. URL: <https://pk.gov.pl/dzialalnosc/sprawozdania-i-statystyki/sprawy-prowadzone-2014-r-jednostkach-organizacyjnych-prokuratury-pobudek-rasistowskich-lub-ksenofobicznych/> (дата обращения: 30.03.2019).

² Wyciąg ze sprawozdania dot. spraw o przestępstwa popełnione z pobudek rasistowskich, antysemickich lub ksenofobicznych prowadzonych w 2017 roku w jednostkach organizacyjnych prokuratury. 2018. 25 VI. URL: <https://pk.gov.pl/dzialalnosc/sprawozdania-i-statystyki/wyciag-ze-sprawozdania-dot-spraw-o-przestepstwa-popolnione-z-pobudek-rasistowskich-antysemickich-lub-ksenofobicznych-prowadzonych-w-2017-roku-w-jednostkach-organizacyjnych-prokuratury/> (дата обращения: 30.03.2019).

³ Wyciąg ze sprawozdania dot. spraw o przestępstwa popełnione z pobudek rasistowskich, antysemickich lub ksenofobicznych prowadzonych w I półroczu 2017 roku w jednostkach organizacyjnych prokuratury. 2017. 20 XII. URL: <https://pk.gov.pl/wp-content/uploads/2017/12/8ffee219b2f4dd56387508008eee13a5.pdf> (дата обращения: 30.03.2019).

⁴ Wiadomości TVP1. 2018. 08 VIII. URL: <http://wiadomosci.tvp.pl> (дата обращения: 15.08.2018).

⁵ Ustawa z dnia 26 stycznia 2018 r. o zmianie ustawy o Instytucie Pamięci Narodowej Komisji Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, ustawy o grobach i cmentarzach wojennych, ustawy o muzeach oraz ustawy o odpowiedzialności podmiotów zbiorowych za czyny zabronione pod groźbą kary // Dziennik Ustaw. 2018. Poz. 369. URL: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20180000369> (дата обращения: 26.03.2019).

⁶ В частности, посол Израиля в Польше Анна Азарий была удивлена и датой принятия этого законопроекта в Сейме (канун Дня памяти жертв Холокоста) и быстротой принятия его Сенатом (см. ее интервью Радио Zet 5 февраля 2018 г.: <https://www.radiozet.pl/Radio/Programy/Gosc-Radia-ZET/Ambasador-Izraela-w-Polsce-Jesli-prezydent-podpisze-ustawe-o-IPN-to-Izrael-uzna-ze-wszystko-juz-skonczone> (дата обращения: 26.03.2019)).

⁷ Marzemy o większości konstytucyjnej (wywiad z J. Kaczyńskim) // Do rzeczy. 2017. N 6/208. S. 20.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.1.36

А.К. Александрова

Решение Международного Суда ООН по делу о юрисдикционных иммунитетах государства (Германия против Италии, при участии Греции): к вопросу о компенсации жертвам нацизма

Ключевые слова: резня в Дистомо, дело Дистомо, Вторая мировая война, дело Феррини, Вилла Вигони, Международный Суд ООН, репарации, компенсации жертвам нацизма, финансово-экономический кризис в Греции.

Греция сильно пострадала в ходе германской оккупации в период Второй мировой войны. По разным оценкам, 500–600 тыс. греков были убиты или умерли от голода, 70 тыс. евреев отправлены в концлагеря. Порядка 1 600 (из 6 500) населенных пунктов были сожжены дотла.

В послевоенные годы Греция получила часть положенных ей репараций, некоторые компенсации были выплачены греческим гражданам, пострадавшим от действий германских оккупационных сил. Окончательное решение этих вопросов было отложено до момента воссоединения Германии и заключения мирного договора. Однако по итогам заключенного в 1990 г. договора «2+4» Греция не могла претендовать на новые компенсации. Несмотря на усилия греческих дипломатов, Германия после воссоединения отказывалась рассматривать вопрос о репарациях, так и не полученных Грецией¹.

При этом Германия никогда не отрицала своей ответственности за совершенные во время Второй мировой войны нацистские преступления. Время от времени Германия

производит компенсационные выплаты родственникам жертв нацистских преступлений, создает фонды, поддерживающие память о событиях войны². Однако выплата компенсаций происходит, как правило, по инициативе Германии. Попытки частных лиц из других стран через суд добиться возмещения ущерба далеко не всегда бывают успешными. В настоящей статье рассмотрен один из таких случаев, касающийся выплат жертвам нацизма в Греции и Италии.

10 июня 1944 г. германские войска устроили расправу над мирными жителями в Дистомо, городке в номе Беотия³. В 1995 г. адвокат Г. Стамудис организовал массовую подачу исков к правительству Германии с требованием компенсации за человеческие жертвы и материальный ущерб, понесенный в годы войны. Родственники более 250 жертв резни в Дистомо требовали в общей сложности почти 9,5 млрд. драхм. Греческий суд первой инстанции Ливадии 25 сентября 1997 г. принял сторону заявителей. В ответ Германия возбудила разбирательство в Кассационном суде Греции, где заявила о своем иммунитете от юрисдикции греческих судов, но 4 мая 2000 г. Кассационный суд оставил решение суда Ливадии в силе. Однако оно не могло быть исполнено ввиду отсутствия со стороны министра юстиции Греции разрешения, необходимого для обеспечения исполнения судебного решения против иностранного государства⁴.

23 декабря 2008 г. Германия подала в Международный Суд в Гааге иск к Италии⁵. Германия заявила, что Италия не соблюдает юрисдикционный иммунитет, которым пользуется ФРГ в соответствии с международным правом. Во-первых, Италия допустила предъявление в своих судах гражданских исков к Германии «с требованием возмещения вреда, который был причинен нарушениями международного гуманитарного права, совершенными германским рейхом во время Второй мировой войны»⁶. Во-вторых, Италия применила принудительные меры в отношении здания «Вилла Вигони» – собственности Германии, расположенной на итальянской территории. 13 июня 2006 г. апелляционный суд Флоренции объявил подлежащим исполнению в Италии

решение греческого суда Ливадии по делу Дистомо. 7 июня 2007 г. греческие истцы зарегистрировали в земельном кадастре итальянской провинции Комо судебную закладную в отношении «Виллы Вигони». Несмотря на утверждения Германии, что данная принудительная мера в соответствии с международным правом нарушала ее иммунитет, Италия не стремилась обосновывать свои действия. В-третьих, Германия выступила против собственно объявления Италией подлежащими исполнению на ее территории решений греческих гражданских судов, вынесенных против Германии в разбирательствах по поводу массовых убийств в Дистомо.

13 января 2011 г. Греция подала в Международный Суд заявление о разрешении вступить в дело – ее интересовала возможность выплаты компенсации за резню в Дистомо⁷. Просьба Греции была удовлетворена, однако она не являлась стороной в деле, то есть не могла заявить о своих правах в ходе основного разбирательства между Германией и Италией.

Решение по делу о юрисдикционных иммунитетах государства было принято 3 февраля 2012 г.⁸ Суд постановил, что Италия нарушила свое обязательство по соблюдению иммунитета, которым пользуется ФРГ в соответствии с международным обычным правом, по всем трем пунктам.

Хотя действия германских оккупационных сил являлись серьезным нарушением международного права, задача Суда заключалась не в решении вопроса, были ли незаконными эти действия (что и так бесспорно). Дело касалось соблюдения юрисдикционного иммунитета Германии в итальянских судах, а не ее ответственности за военные преступления и обязательств по предоставлению компенсации за них. Суд отметил, что эти вопросы могут быть решены путем двусторонних переговоров, оставив тем самым их открытыми. Данное решение Международного Суда ООН поставило под сомнение целесообразность для национальных судов рассматривать индивидуальные иски частных лиц, пострадавших в результате военных действий, к государствам, причинившим им вред⁹.

Таким образом, Германия продолжила отстаивать свою позицию: вопрос репараций и компенсаций жертвам нацистских преступлений окончательно урегулирован на дипломатическом уровне и с точки зрения международного права, и дополнительные выплаты могут быть только добровольным решением Германии.

Вялотекущий многолетний конфликт неоднократно обострялся в Греции в последующие годы – годы финансово-экономического кризиса. Ключевую роль в разработке программы финансовой помощи Греции, согласно которой страна была вынуждена проводить политику жесткой бюджетной экономии в обмен на многомиллиардные кредиты, сыграла именно Германия. В этой ситуации в сознании греков закономерно всплыл «образ врага». Вопрос германских репараций, оккупационного кредита и компенсаций жертвам нацистских преступлений вышел в Греции на новый – массовый – уровень, а к старому требованию восстановления исторической справедливости добавилось популистское стремление греческих политиков обвинить Германию в тяжелом положении греческой экономики. Греческим правительством был инициирован ряд разбирательств, касающихся выплаты репараций, жители Дистомо также продолжили свою борьбу за получение компенсации. И хотя о каких-либо успехах в настоящее время говорить не приходится, важно, что данный вопрос привлек внимание широкой общественности не только в Греции, но и в других европейских странах.

Примечания

¹ Engerman S. L. Apologies, Regrets, and Reparations // *European Review*. 2009. Vol. 17. Issue 3–4. P. 593–610.

² Anton J. P. Greece, Germany, and the Complex Issue of War Reparations // *Mediterranean Quarterly*. 2011. Vol. 22. N 2. P. 11–19.

³ Christodoulakis N. *Germany's War Debt to Greece: A Burden Unsettled*. Basingstoke; New York, 2014. P. 20.

⁴ Ευαγγελίδου Ι. Οι γερμανικές αποζημιώσεις υπό το διεθνές δίκαιο (Μεταλλυχειακή εργασία) / Δημοκρίτειο Πανεπιστήμιο Θράκης. 2016. Σ. 60, 70.

⁵ Юрисдикционные иммунитеты государства (Германия против Италии: вступление в дело Греции). Решение от 3 февраля 2012 года // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда. 2008–2012 годы / Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 2014. С. 310–328.

⁶ Там же. С. 311.

⁷ Юрисдикционные иммунитеты государства (Германия против Италии) [Заявление Греческой Республики о разрешении вступить в дело]. Постановление от 4 июля 2011 года // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда. 2008–2012 годы / Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 2014. С. 267–271.

⁸ Юрисдикционные иммунитеты государства (Германия против Италии: вступление в дело Греции). Решение от 3 февраля 2012 года. С. 310–328.

⁹ *Вайпан Г. В., Ивлиева А. Г.* Дело о юрисдикционных иммунитетах государства (Германия против Италии, при участии Греции): один шаг вперед – два шага назад? Решение Международного Суда ООН от 3 февраля 2012 года // Международное правосудие. 2012. № 2(3). С. 18–31.

DOI: 10.31168/2619–0869.2019.1.37

М. Ю. Ломоносов

«Кому принадлежит Македония?»

Политические споры о «государствообразующих нациях» и этноисторические мифы албанцев и македонцев в 1990-х – начале 2000-х гг.

Ключевые слова: новый «македонский вопрос», спор «об имени», македонский национализм, албанский национализм, Республика Македония, Бывшая Югославская Республика Македония (БЮРМ), Республика Северная Македония, националистический миф, историческая память, войны памяти, символический конфликт.

В феврале 2019 г. бывшая южная республика социалистической Югославии получила название «Северная Македония». Таким образом, в «новом македонском вопросе»¹ если не найдено окончательное решение, то точно преодолена значительная веха. Специальная литература не раз обращалась к анализу нового по сравнению с рубежом

XIX–XX вв. витка международных противоречий на южных Балканах. Отмечалось, что особенно тяжелую форму политическим баталиям вокруг Македонии сообщили появление на карте мира независимого македонского государства, рост македонского национализма и борьба национальных идентичностей Македонии и Греции. Политика рационального выбора, столкновение реальных интересов осложнилось печально известным «спором об имени», который чаще развивался в эмоциональной и символической плоскостях². При всех достоинствах и эмпирической фундированности существующих работ, все они либо совсем упускают из вида, либо лишь вскользь упоминают, но детально не разбирают растущий албанский национализм как важнейший фактор македонского «спора об имени»³.

В своем исследовании я исхожу из того, что национальную идентичность нельзя рассматривать статично, причем не только в диахронии, но и в синхронии⁴. Несомненно, базовые ее элементы, такие как самоназвание, общее представление о моральном превосходстве и т.д., могут оставаться неизменными. Однако, как внутри национального сообщества, так и вне его, всегда существуют конкурирующие представления о большинстве аспектов самоописания национального сообщества. Многочисленные споры ведутся относительно истории, качеств «национального характера», этнического родства и по другим вопросам. Таким образом, национальная идентичность, выражаясь словами М. Бахтина, с одной стороны разноречива, а с другой – диалогична⁵.

В последние десятилетия к сюжету Древней Македонии активно обращались не только на международной арене. Внутри македонского политикума этот сюжет стал яблоком раздора между правыми и левыми. Кроме того, этноисторические мифы о древности происхождения активно использовались в споре о праве албанского населения республики на гражданство; о том, кому принадлежит македонское государство; о том, является ли оно собственностью демоса или этноса и какие этносы являются его истинными правообладателями. Соответственно, представления о происхождении македонцев

и ранней истории Македонии, сформировавшиеся среди этнических македонцев в последние десятилетия, являются результатом споров в среде македонских мифотворцев с одной стороны и с другой – между ними и греческими, болгарскими, албанскими и сербскими национальными элитами.

Настоящее исследование основывается на трех видах источников. Прежде всего, я анализирую несколько десятков академических, популяризаторских и откровенно псевдонаучных работ о происхождении македонцев и албанцев и ранней истории македонских территорий, выпущенных в республике в 1990-е – начале 2000-х гг. Во-вторых, использованы речи, интервью, мемуары и письменные работы влиятельных политиков (К. Глигоров, Л. Фрчкоски, Л. Георгиевски, Б. Ристовски, Б. Црвенкоски). Наконец, в 2017 и 2018 гг. мною были собраны интервью с семью албанскими интеллектуалами-историками, некоторые из которых были непосредственными и главными участниками споров о древней истории Македонии в интересующий период. Среди главных выводов исследования – в знаменитом споре «об имени» и Древней Македонии албанские элиты являлись третьей стороной конфликта. Позиция македонской стороны в мифо-символическом споре определялась не столько статичной концепцией македонской национальной идентичности, сколько столкновениям македонских и албанских этноисторических мифов.

Несмотря на то, что нарративы о Древней Македонии и Александре Македонском были частью македонской и албанской националистических идеологий в XIX – первой половине XX века, к концу 1990-х гг. в Республике Македонии (БЮРМ) они угасли. Мифы о древности получили новое, беспрецедентное развитие лишь с распадом Югославии. Провозглашение независимости южной югославской республики в 1991 г. под именем «Республики Македонии» встретило резкий отпор со стороны Греции. Греческие политики и интеллектуалы отрицали право нового государства называться «Македонией», так как считали, что «настоящая» Македония всегда была политическим образованием, созданным греками и им навечно принадлежащим.

В ответ македонские националисты доказывали права македонской нации на древнее македонское наследие, включая название «Македония» и македонскую территорию. Они стали утверждать, что древнее македонское царство и его население не были греческими. Славянские македонцы, а не греки были представлены в националистической риторике как истинные кровные или же идеологические потомки древних македонцев.

Наблюдая за тем, как македонские интеллектуалы и политики, реагируя на греческие притязания, все больше и больше удревняют происхождение своей нации, албанские элиты в Республике Македонии (БЮРМ) развили мифы об албанской автохтонности на македонской территории. В противостоянии македонскому мифотворчеству, албанские интеллектуалы настаивали на происхождении древних македонцев (включая Филиппа II и Александра Македонского) от местных иллирийских племен, которые были «протоалбанцами». Македонцы современные изображались новоприбывшими славянами, не имеющими ничего общего с древним балканским населением.

На этом взаимовлияние самоописаний македонцев и албанцев не закончилось. Голоса албанских мифотворцев, появившиеся в ответ на македонские, в конце концов сильно отразились на самих македонских мифах о древности. Теперь македонские интеллектуалы и политики стали настаивать не только на негреческом этническом составе Древней Македонии, но на ее полной этнической уникальности и однородности. В первую очередь, они полностью отвергли автохтонность албанцев в Македонии, а заодно, на всякий случай, и присутствие иллирийцев на македонских землях. Вместо этого, древние македонцы объявлялись не просто конгломератом разных негреческих этнических элементов, а монолитным этносом *sui generis* – совершенно самобытным по своему языку и культуре и отличавшимся не только от греков, но и от других палеобалканских народностей, в особенности от иллирийцев. Древние племена из Верхней Македонии, находившиеся под властью Македонской династии Филиппа II

(пеоны, линкесты, энхелейцы) и занесенные албанскими националистами в список иллирийцев, согласно македонской интерпретации, были объявлены македонцами не только по территориальному, но и по этническому признаку (как потомки древнеиндоевропейского фригийского населения).

Примечания

¹ См.: *Pettifer J.* The New Macedonian Question // The New Macedonian Question, ed. J. Pettifer. London, 1999. P. 18–23.

² *Poulton H.* Who are the Macedonians? London, 1995. P. 178, 185; *Danforth L.* The Macedonian Conflict: Ethnic nationalism in a Transnational World. Princeton. P. 154–155; *Brown K.* Seeing Stars: Character and Identity in the Landscapes of Modern Macedonia // *Antiquity*. 1994. N. 68. P. 785–786, 790; *Vangeli A.* Nation-Building Ancient Macedonian Style: the Origins and the Effects of the so-called Antiquization in Macedonia // *Nationalities Papers*. 2011. Vol. 39. № 1; *Troebst S.* “IMRO + 100 = FYROM? The Politics of Macedonian historiography // The New Macedonian Question. historiography // The New Macedonian Question. P. 60–78; Колосков Е.А.; *Колосков Е. А.* Александр Великий в контексте греко-македонского спора о наименовании // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2011. N 4. С. 102–108.

³ См. работы Н. Проевой, например: *Proeva N.* Savremeni makedonski mit kao odgovor na nationalne mitovi suseda: albanski panilirizam, bugarski pantrakizam i grčki panhelenizam // *Zgodovinski časopis*. 2010. 2010. N 1–2. S. 176–219. S. 176–219.

⁴ См.: *Brubaker R., Cooper F.* Beyond “Identity” // *Brubaker R.* Ethnicity without Groups. Cambridge, 2004. P. 28–47.

⁵ См.: *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 195–199; *Он же.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.1.38

Ю.Р. Хакимова

Слободан Милошевич в зеркале российских медиа (1999 г.)

Ключевые слова: Косово, 1999 год, Югославия, Милошевич, «Коммерсант».

За всеми фазами развития косовского кризиса, кульминацией которого стали бомбардировки Союзной Республики

Югославии (СРЮ) в 1999 г., пристально следили в России. Для нашей страны эти события стали резонансными по целому ряду причин. С одной стороны, они наглядно показали расстановку сил на мировой арене, и Россия в этот момент явно не была одним из главных акторов. С другой стороны, тяжелое положение народа Сербии вызвало сочувствие россиян, возникали предложения оказать сербам помощь – от поставок оружия (несмотря на запрет ООН) до отправки добровольческих формирований.

Тем не менее нельзя не учитывать, что в 1999 г. и Россия находилась в сложном положении. Страна не оправилась от дефолта 1998 г., в конце 1999 г. планировались парламентские выборы: риторика участников предвыборной гонки становилась острее, желающих спекулировать на югославской теме – все больше. Наконец, атмосфера в стране накалялась ввиду обострения чеченского вопроса. Разумеется, здесь Россия не могла позволить себе полностью сместить фокус внимания с внутренних проблем на внешнеполитическую.

В отечественных СМИ находили развитие подчас полярные взгляды на то, как России следует участвовать в урегулировании косовского кризиса. В исследовании приводится анализ позиции издательского дома (ИД) «Коммерсант», который на момент 1999 г. был одним из самых читаемых федеральных СМИ. Так, тираж газеты «Коммерсант» в 1999 г. составлял 113 780 экземпляров. Представительства по распространению продуктов ИД в 1999 г., помимо Москвы, находились в 14 административных центрах.

Объектом исследования стали 320 публикаций изданий «Коммерсант», «Коммерсант-Власть» и «Коммерсант-Деньги», опубликованные в период с 20 марта по 10 июля 1999 г. и затрагивающие косовский кризис. Предметом исследования стал образ президента СРЮ Слободана Милошевича в материалах ИД в указанный период.

Из 320 текстов Милошевичу посвящены 120, из них в половине – в 62 материалах – политик характеризуется негативно. Отрицательный образ был мотивирован тем, что «Коммерсант» именно на него возложил вину за втягивание

России в конфликт, что означало для страны приостановление переговоров с западными партнерами по ряду экономических вопросов. При написании эмоционально окрашенных материалов авторы прибегали к ряду приемов, позволяющих создать вокруг личности политика ореол негатива.

Первым из таких приемов является цитирование сугубо отрицательных мнений югославских политиков, среди которых были президент Черногории Мило Джуканович¹, первый премьер-министр СРЮ в 1992–1993 гг., конкурент Милошевича на выборах президента СРЮ в 1992 г., американский миллионер Милан Панич², сербский патриарх Павел, первый президент СРЮ Добрица Чосич, наследник сербского престола Александр Карагеоргиевич³.

Вторым приемом являются регулярные сводки «с улиц»: «Коммерсант» много внимания уделяет описанию антивоенных демонстраций, протестных настроений, а также сообщениям о том, как «жестoko Милошевич подавлял выступления не согласных с его политикой граждан»⁴.

Такая сконструированная демонстрация единства мнений внутри пострадавшей страны позволяет четко разделить в сознании российского читателя «Коммерсанта» сербский народ и его президента, а также сделать вывод: оказав военную помощь СРЮ, Россия помогла бы не «братьям-сербам», а режиму Милошевича.

Третий прием заключается в помещении Слободана Милошевича на страницах изданий в один ряд с «признанными» диктаторами: президентом Ирака С. Хусейном⁵ (называется «другом Милошевича»), лидером курдских сепаратистов А. Оджаланом⁶ и А. Гитлером⁷. Издание также очерчивает круг «изгоев мирового сообщества», где Югославия, по мнению редакции, находится «в компании» Ирака, Ливии, Судана и Северной Кореи⁸.

Четвертым и самым сильным для российского читателя приемом стало обвинение Милошевича в том, что он спекулирует на отношениях с Россией, «вовлекая Москву в неблагоприятную борьбу»⁹. В продолжение применения этого приема под огонь критики «Коммерсанта» попал премьер-министр

России Е.М. Примаков, с началом бомбардировок Югославии совершивший легендарный разворот над Атлантикой. Критика обрушилась на него ввиду того, что издание не оценило прежде всего невыполнение Примаковым обязательств, возложенных на премьер-министра страны¹⁰. Переговоры о кредите в данном случае были приоритетнее поддержки балканского государства. Примечательно, что с вовлечением В.С. Черномырдина в переговорный процесс 14 апреля 1999 г. газета начинает отводить ему центральную роль «в склонении» президента СРЮ к миру, используя такие выражения, как «покрепче прижать [Милошевича]»¹¹, «убедить Белград»¹². Вокруг Черномырдина был создан ореол миротворца, прилагающего все усилия для прекращения войны и «нейтрализации» сербского лидера.

Информационная кампания вокруг политика, которую вели не только некоторые российские, но и мировые СМИ, сформировала общественное мнение, что режим Милошевича несет исключительную угрозу стабильности югославского государства и миропорядка в целом, что позволило подвести черту под его политической карьерой достаточно быстро при минимуме несогласных. В мае 1999 г. Международный трибунал по бывшей Югославии вынес Милошевичу обвинения в совершении военных преступлений в Косово, квалифицированные как геноцид. В газете «Коммерсант» в поддержку этого решения приводится мнение представителя верховного комиссара ООН по правам человека М. Робинсон¹³. Примечательно, что даже после вынесения приговора Слободану Милошевичу газета продолжает писать о нем в негативном ключе, словно закрепляя сформированный образ. Так, в номере от 1 июля в фокусе «Коммерсанта» находятся сербы, протестующие против властей¹⁴. Можно сделать вывод, что работа с информационным полем вокруг политика продолжалась после косовского кризиса вплоть до событий «Бульдозерной революции» 2000 г., завершившей карьеру Милошевича.

Таким образом, «Коммерсант» выстроил достаточно четкий и однозначный образ политика: авторитарного лидера, заботящегося не столько об интересах народа, сколько

о своих собственных, человека хитрого и властолюбивого, придерживающегося политики двойных стандартов и способного пойти на все, чтобы удержаться на своем посту. Исходя из авторских позиций можно прийти к заключению, что «Коммерсант» выступал против военного вмешательства РФ в косовский конфликт, выражал тревогу, что поддержка СРЮ станет причиной охлаждения торгово-экономических отношений со странами Запада, сохранение которых, несмотря на очевидное сочувствие сербам, представлялось более приоритетным. Кроме того, издание четко разделяло в сознании читателей пострадавшее от бомбардировок население СРЮ и политический режим С. Милошевича, явившийся, по мнению редакции, причиной всеобщих бедствий.

Примечания

- ¹ Что будет после войны // Коммерсант. 1999. 29 IV. № 73.
- ² Милан Панич: «без “плана Маршалла” Югославия погибнет» // Коммерсант. 1999. 25 V. № 87.
- ³ От Милошевича отвернулись все // Коммерсант. 1999. 1 IV. № 113.
- ⁴ В Югославии открыт второй фронт // Коммерсант. 1999. 26 V. № 88.
- ⁵ Вызываю огонь на своих. // Коммерсант-Власть. 1999. 30 III. № 12.
- ⁶ Милошевич ищет убежища // Коммерсант. 1999. 21 V. № 185.
- ⁷ Внутренний голос Америки // Коммерсант-Власть. 1999. 06 IV. № 13.
- ⁸ Война без правил // Там же.
- ⁹ Переговоры вокруг да около // Коммерсант-Власть. 11.05.1999. № 18.
- ¹⁰ 15 000 000 000 долларов потеряла Россия благодаря Примакову // Коммерсант. 1999. 24 III. № 47.
- ¹¹ Покрепче прижать Милошевича поручил Ельцин Черномырдину // Коммерсант. 1999. 20 IV. № 66.
- ¹² Россия, Америка и Европа договорились. Остается убедить Белград // Коммерсант. 1999. 22 V. № 86.
- ¹³ Я не ставлю знака равенства между военными акциями НАТО и этническими чистками в Косово // Коммерсант. 1999. 17 VI. № 225.
- ¹⁴ От Милошевича отвернулись все // Коммерсант. 1999. 01 VII. № 113.

СРЮ и руководство Черногории в 1997–1999 гг.

Ключевые слова: Югославия, Черногория, Косово, Слободан Милошевич, Мило Джуканович, СРЮ, Демократическая партия социалистов.

Развал второй Югославии – Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ) в 1991–1992 гг. оставил неизгладимый след на Балканах. Последовавшие за ним войны в 1991–1996 гг. стерли с карты Европы не только политические, но и старые этнические границы. Почти все это время руководство одной из югославских республик – Черногории – рука об руку шло с союзным центром в Белграде. Будучи отдельной государственной единицей в составе как СФРЮ, так и сменившей ее Союзной Республики Югославия (СРЮ), Черногория на официальном уровне отождествляла себя в национальном плане с Сербией, и в идеологическом – с Югославией.

Несмотря на имевшие место редкие разногласия¹, руководство Черногории в лице президента республики Момира Булатовича в 1992–1997 гг. тесно сотрудничало с Сербией в лице ее президента Слободана Милошевича, находясь исключительно в фарватере политики Белграда. Будучи главой составлявшей парламентское большинство Демократической партии социалистов (ДПС), президент страны и его окружение в целом контролировали политическую жизнь в республике. В этот период серьезно укрепляются позиции и соратника Булатовича, председателя правительства Черногории, Мило Джукановича.

Ситуация стала меняться в конце 1996 г. после ноябрьских парламентских выборов, победу на которых одержала ДПС, а М. Джуканович вновь занял пост премьер-министра. Желая утвердить своих ставленников на ключевых постах

в стране, Джуканович вступил в конфликт с действующим президентом. Не найдя возможности убедить М. Булатовича, он начал активную внутрипартийную борьбу, в результате которой в июле 1997 г. М. Булатович был смещен с поста председателя партии. Сложилась парадоксальная ситуация, при которой Главный комитет партии, состоявший в основном из сторонников действующего президента, поддерживал Булатовича, в то время как значительная часть депутатского корпуса партии контролировалась Джукановичем.

При этом несмотря на то, что вся предвыборная кампания прошедших республиканских парламентских выборов 1996 г. строилась именно на поддержке единства Югославии, риторика М. Джукановича по отношению к Белграду начинает меняться. Так, премьер-министр Черногории публично поддержал лидеров белградских протестов, разразившихся из-за подтасовки результатов парламентских выборов в Сербии². 2 июля 1997 г. во время своего визита в Москву в ходе пресс-конференции Джуканович заявил, что политика Милошевича тормозит возвращение СРЮ в мировое сообщество³.

С приближением даты президентских выборов, назначенных на 5 октября, М. Джукановичем через Скупщину были проведены поправки в закон о выборах президента республики. Они подразумевали, что одна партия может предоставить только одного кандидата⁴, что могло не позволить М. Булатовичу выдвинуть свою кандидатуру.

Белград, понимая, что рискует потерять лояльного Милошевичу руководителя Черногории, стал предпринимать меры. Конституционный суд Югославии признал поправки не соответствующими Конституции СРЮ⁵. Республиканская избирательная комиссия Черногории подчинилась этому решению и зарегистрировала М. Булатовича в качестве кандидата от ДПС.

По результатам выборов лидером президентской гонки стал М. Булатович, однако отрыв был минимален – чуть менее процента, что означало проведение второго тура⁶. Это дало возможность М. Джукановичу переиграть ситуацию

в свою пользу: воспользовавшись административным ресурсом и с многочисленными нарушениями внеся изменения в избирательные списки, он смог одержать победу. 21 октября Республиканская избирательная комиссия сообщила о победе Джукановича⁷. В свою очередь М. Булатович, ссылаясь на нарушения избирательного законодательства, результаты выборов не признал. Однако направленные им в Конституционный суд Черногории жалобы были отклонены.

На фоне этих событий между руководством СРЮ и руководством Черногории стал разрастаться конфликт процессуального характера. Так, Верховный Суд СРЮ отменил решения Верховного суда Черногории по внесению поправок в избирательные списки во время прошедших выборов. В свою очередь, ВС Черногории назвал такое решение нарушением конституционного порядка СРЮ⁸.

На определенном этапе, в феврале 1998 г., Белграду удалось снизить накал противостояния. По сути признав результаты выборов, правительство СРЮ выступило посредником в переговорах между Джукановичем и Булатовичем о преодолении политического кризиса в республике и согласовало проведение досрочных парламентских выборов. Сам М. Булатович в мае был назначен председателем правительства СРЮ, что вызвало резкую реакцию нового черногорского руководства. Оно заявило, что не будет признавать решений правительства Югославии, а председатель черногорской Скупщины С. Марович подчеркнул, что республика будет настаивать на отставке президента СРЮ С. Милошевича и смене персонального состава органов власти на союзном уровне⁹.

Тем временем, с обострением ситуации в Косово у руководства Черногории появилась дополнительная возможность давления на Белград. М. Джуканович заявил, что в случае задействования армии Югославии в боевых действиях, республика не будет направлять своих призывников в район конфликта. Его заявление поддержала новоизбранная Скупщина, также потребовав от Милошевича «прекратить насилие в крае» и выполнить требования ЕС¹⁰.

На этом фоне раскол между двумя союзными республиками продолжил углубляться. Черногория фактически отказалась от участия в работе союзных органов. Пытаясь дистанцироваться от косовского конфликта, руководство Черногории полностью вывело свою политику в фарватер западных стран. В свою очередь, парламент республики отказался от правоприменения принятого в октябре 1998 г. Скупщиной СРЮ Закона о финансировании чрезвычайных расходов на оборону¹¹.

В конце 1998 – начале 1999 гг. одновременно с активизацией переговоров по косовскому урегулированию и возможному появлению Косово как третьей федеральной единицы, Подгорица стала выражать серьезную обеспокоенность в связи с возможным изменением расклада политических сил в Югославии. Джуканович заявил, что в случае нарушения интересов Черногории на ведущихся по Косово переговорах в Рамбуйе, республика будет рассматривать вопрос о выходе из состава Союзной республики¹².

Ситуация не изменилась и с началом бомбардировок СРЮ авиацией НАТО. Беспokoясь за собственные политические позиции в республике¹³, среди населения которой вполне ожидаемо усилились антизападные настроения, президент Черногории призвал прекратить бомбардировки Югославии. Подгорица по-прежнему не признавала союзных органов власти, отказываясь следовать указаниям Генерального штаба Армии Югославии о переподчинении полиции республики союзным вооруженным силам. С окончанием бомбардировок руководство Черногории возложило вину за произошедшее на Белград, обвинив Милошевича в ведении необдуманной политики.

Воспользовавшись тяжелой внутри- и внешнеполитической ситуацией, в которой оказалась Югославия после бомбардировок, в июле 1999 г. Черногория запустила процесс пересмотра отношений между республиками¹⁴. Это ознаменовало начало нового этапа в отношениях между Сербией и Черногорией, в ходе которого Подгорица взяла окончательный курс на выход из СРЮ.

Примечания

- ¹ Бычков Ю. Е. Черногория. От прошлого к настоящему. Страницы истории Черногории и российско-черногорских отношений. М., 2008. С. 178.
- ² Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 202. Оп. 57. Д. 5. Л. 103.
- ³ Там же Оп. 58. Д. 6. Л. 42.
- ⁴ Там же. Л. 48.
- ⁵ Там же. Л. 54.
- ⁶ Bulatović M. Pravila čutanja. Niš, 2005. S. 247.
- ⁷ Ibid. S. 254.
- ⁸ АВП РФ. Ф. 202. Оп. 59. Д. 7. Л. 1.
- ⁹ Там же. Л. 27.
- ¹⁰ Там же. Л. 85.
- ¹¹ Там же. Л. 61.
- ¹² Там же. Оп. 60. Д. 8. Л. 9.
- ¹³ The Fall of Milosevic. A three-part BBC documentary. Chapter 2: War [Интервью М. Джукановича] // YouTube [Video]. URL: https://youtu.be/fj_U9m4qzca (accessed: 28.04.2019).
- ¹⁴ АВП РФ. Ф. 202. Оп. 60. Д. 8. Л. 49.

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.1.40

Н. Махмутај

Албанско-российские отношения в политической сфере (1990–2000 гг.)

Ключевые слова: Албания, сотрудничество, Россия, соглашения, партнерство.

В начале 1990-х гг. Албания переживала трудный этап перехода к демократии. Отношения Албании с Россией не получили должного развития, поскольку обе страны придерживались разных политических ориентаций на международной арене и их интересы не совпадали. Москва не проявляла интереса к связям с бывшими социалистическими странами, а внешняя политика Тираны была ориентирована на Запад¹.

В это время у Албании были две стратегические цели: вступление в НАТО и вступление в ЕС, что оказало большое влияние на внешнюю и внутреннюю политику Албании, а также на отношения между Тираной и Москвой.

Протокол о нормализации отношений между СССР и Албанией был подписан в Тиране 30 июля 1990 г., а в 1991 г. возобновилась деятельность посольств². Открытие посольств в столицах стран (Тирана – февраль 1991 г., Москва – апрель 1991 г.) стало началом нового этапа сотрудничества между российским и албанским правительствами. Одним из ключевых моментов взаимодействия двух стран стало посещение Албании 6 августа 1992 г. заместителем МИД Российской Федерации Виталием Чуркиным. Во время этого визита два правительства подписали Консульскую конвенцию между МИД Албании и МИД Российской Федерации, вступившую в силу в 1997 г.³

Подписанный документ ознаменовал начало нового этапа развития в отношениях между странами в культурной, медицинской, научной и других сферах взаимодействия. Спустя два года, после нескольких консультаций, в Москве было подписано Соглашение о сотрудничестве между Торгово-промышленной палатой РФ и Торговой палатой Республики Албании, вступившее в силу со дня подписания⁴. Также между странами был подписан ряд соглашений, призванных интенсифицировать экономические связи.

Важным событием в албанско-российских торгово-экономических отношениях стало подписание (11 апреля 1995 г.⁵) двустороннего соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Албании о торговом, экономическом и научно-техническом сотрудничестве. Мониторинг его реализации осуществляет межправительственная албанско-российская комиссия по экономическому и гуманитарному сотрудничеству, собирающаяся раз в год для подведения баланса работы, проделанной за определенный период и прогноза развития сотрудничества в будущем⁶.

Документ вскоре потребовал пересмотра в связи с изменившимися обстоятельствами. Однако этого не произошло⁷.

Одной из причин того, что стороны не смогли прийти к новому соглашению, стали трудности в реализации демократического процесса в Албании, где продолжался политический кризис. Другая причина связана с изменением после коммунистического периода политического и стратегического курса обеих стран. Для албанской внешней политики НАТО и ЕС в европейской и евроатлантической перспективе являются приоритетными.

Следует подчеркнуть, что отношения между Россией и Албанией для их успешного развития необходимо выстраивать на стремлении к деловому и конструктивному партнерству и на растущем интересе обеих сторон к установлению развернутых связей сотрудничества с точки зрения прагматизма и взаимной выгоды.

Мы можем утверждать, что, несмотря на все подписанные документы, правительства Москвы и Тираны не смогли развивать отношения между собой должным образом на протяжении последнего десятилетия XX в. Упомянутые договоры так и остались «на бумаге», а де-факто конкретные действия или результаты отсутствуют. В то же время следует признать, что все подписанные документы создали новую ситуацию между странами, благоприятствующую нормализации отношений, хотя обе страны находились в процессе изменения политической системы и трудностей было достаточно во всех областях.

Необходимо отметить, что потенциал сотрудничества между Россией и Албанией не был до конца реализован за этот период. Для успешного сотрудничества в первую очередь необходимо восстановить культурные и творческие контакты, за которыми должно последовать расширение экономического и политического сотрудничества при широкой поддержке общественного мнения в обеих странах⁸.

Впрочем, мы можем констатировать, что современные политические отношения между Тираной и Москвой выстраиваются на стремлении к деловому и конструктивному

партнерству, невзирая на разное отношение к некоторым международным проблемам (например, косовский кризис, расширение НАТО, трагические события на Украине, борьба против терроризма).

Примечания

¹ *Худолей К. К.* История Албании: учебное пособие. СПб., 2005. С. 80

² *Дрыночкин А. В.* Экономика Албании (монография). М., 2014. С. 57.

³ Перечень документов, формирующих договорно-правовую базу российско-албанских отношений. URL: https://albania.mid.ru/ru_RU/dogovorno-pravovaa-baza-otnosenij (дата обращения: 24 марта 2019 г.).

⁴ Там же.

⁵ *Дрыночкин А. В.* Экономика Албании.

⁶ Албания, албанцы и российско-албанские отношения: к 100-летию независимости Албании 1912–2012 / отв. ред.: С. Г. Кулешов, А. К. Никитин. Изд. 2-е. М., 2013. С. 107.

⁷ Kontaktet politike. URL: https://albania.mid.ru/en_GB/web/albania/kontaktet-politike (дата обращения: 15.02.2019).

⁸ *Лямерошай С. Х.* Дружба между Россией и Албанией в прошлом и настоящем // Власть. 2014. № 1. С. 79.

Секция
«ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.2.1

С.А. Борисов

Чешский язык в сербском Банате: социолингвистическая ситуация

Ключевые слова: чешский язык, сербский язык, социолингвистика, Банат, Воеводина, языковая ситуация, языковые контакты.

Историческая область Банат целиком отошла Габсбургской монархии в XVIII в. Отвоєванные у Османской империи земли вскоре начали колонизировать немецкое население, получившее наделы в плодородных низменностях западного Баната. С 1820-х гг. в Банат начинают приходить переселенцы из Чешского королевства, им предоставляют земельные участки в гористой восточной части региона. Однако здесь колонисты столкнулись с серьезными природными и инфраструктурными трудностями, которые препятствовали нормальному ведению хозяйства. Чтобы удержать переселенцев в Банате, австрийские власти пошли на уступки: разрешили заселять территории южнее. Центрами переселения стали город Вайскирхен (Бела-Црква) и близлежащие села: Аблиан (сейчас Чешко-Село), Крушчица, Гай, чуть позже также община Вршац, расположенные на территории современного автономного края Воеводина в Сербии¹. Бела-Црква до Второй мировой войны остается преимущественно немецким городом, а село Аблиан (Чешко-Село) на рубеже XIX–XX вв. подвергается мадьяризации, в основном, добровольной, что связано с просветительской деятельностью учителей-венгров².

В 1922 г. в Бела-Цркве была основана Чешская национальная библиотека и читальня. Читальни появились и в других чешских общинах. С 1933 г. они трансформируются в Чехословацкие беседы, которые из исключительно культурно-просветительских организаций превращаются в политические представительства чешского меньшинства в Югославии. Чешские беседы существуют во всех рассматриваемых общинах и сегодня. Их деятельность направляется Матицей чешской, которая была основана в Бела-Цркве в 2000 г. До начала 70-х гг. XX в. в городе Бела-Црква, селах Чешко-Село, Крушчица существовали чешские школы – преподавание в начальных классах велось на чешском языке, однако из-за недостаточного количества учеников они были закрыты. В Бела-Цркве и в Крушчице в настоящее время функционируют только сербские школы³. Чехи, родившиеся в сербском Банате после 1965 г., не получали даже начального образования на чешском языке, и можно констатировать, что с этого времени увеличивается интенсивность сербизации чешского меньшинства, прежде всего, в языковом отношении.

По данным переписи населения 2011 г. в Сербии проживает 1824 чеха, что составляет 0,03% населения Республики Сербии. Большая часть чехов живет в воеводинской общине Бела-Црква (644 человека – более 1/3 всех чехов в Сербии). При этом чешский язык называет родным лишь 810 человек (44% чехов), в остальных случаях в качестве родного языка указывается сербский. Средний возраст чехов с родным чешским (56 лет) оказался выше среднего возраста чехов с родным сербским (44 года)⁴.

На сегодняшний день существует несколько исследований, посвященных чехам в Сербском Банате. В 1967 г. чешский лингвист С. Утешены и его коллега из Белграда С. Попович посетили Бела-Цркву, Чешко-Село и Крушчицу с целью сбора материала для Чешского диалектологического атласа. В вышедшей в 1970 г. статье С. Утешены обобщает результаты полевых материалов и выделяет характерные фонетические, лексические и синтаксические особенности речи чехов в этом регионе на фоне сербского языка окружения⁵. В настоящее

время историей чешских переселенцев Баната занимается В. Штепанек (Институт славистики Масарикова Университета, Брно), коллектив некоммерческой организации «Школа плюс им. Досифея Обрадовича» (Бела-Црква, Сербия).

Целью нашего исследования стало установление контактных явлений, которые позволили бы оценить степень и качество влияния языка окружения, то есть сербского, на язык чешского национального меньшинства. Материалом для доклада послужили записи интервью с информантами из общин Бела-Црква и Вршац, предоставленные Институтом балканистики Сербской академии наук и искусств (Белград) и некоммерческой организацией «Школа Плюс им. Досифея Обрадовича» (Бела-Црква). Для анализа нарративов нами были расшифрованы интервью из видеотеки 2015 г. общей длительностью 5,5 часов. В интервью приняли участие 10 информантов в возрасте от 54 до 82 лет.

В ходе анализа видеоматериала были выявлены контактные явления на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях языка.

Из фонетических явлений следует отметить палатализацию (переход в аффрикаты) согласных *d*, *t* перед гласными переднего ряда *i*, *e* по сравнению со смягчением в этой позиции *d*, *t* в стандартном чешском языке (*d'elali* – *dželali*, *cht'eli* – *chčeli*, *nebošt'ík* – *neboščik*); замену нехарактерных для сербского языка глухого и звонкого вариантов *ř* в соответствующих позициях шипящими *š* и *ž* (*tři* – *tši*, *kateřinskí* – *katežinskej*) и *r* (*čtīricet* – *štīricet*, *kukuřice* – *kokorice*)⁶.

В области просодии отмечены случаи, когда глагольная форма не образует с отрицанием единого фонетического слова (*ne pšIšli**, *ne tAncuvalo se*), это же относится и к предложно-падежным формам (*do kOla*) (в отличие от норм стандартного чешского языка). Ударение в заимствованных из сербского языка словах сохраняет свое положение (*generAcija*, *kafAna*, *kafIći*).

В области лексики наблюдается заимствование хозяйственной лексики (*lotvoz* – воеводин. региональное ‘закрытая бочка

* Заглавной буквой обозначено ударение, если оно падает не на первый слог.

для виноградного жмыха), названий растений (*suncokret* – серб. ‘подсолнечник’), бытовой лексики (*struja* – серб. ‘электричество’), праздничной и обрядовой терминологии (*paleglaj* – танец, известный в Воеводине), обозначений времени (*zejtradan* – гибридная форма на основе чеш. диал. *zejtra* – ‘завтра’ и серб. *sutradan* – ‘завтра, завтрашний день’), топонимов (*RumUnija* – ‘Румыния’, *Vajskirchen* – немецкий вариант названия Бела-Црква, также используемый местными жителями).

На стыке лексики и синтаксиса отмечается интенсивное проникновение в речь воеводинских чехов слов служебных частей речи и конструкций с ними (дискурсивные маркеры, междометия). «*Pa joj. Pa voni se našli tak že, že z mm pšišli zez Zlatice zez RumUnie, ne?*» [Ну, ой. Ну, они появились таким образом, что, что м-м-м пришли из Златицы, из Румынии, нет?]. Отмечается употребление *da*-конструкций, характерных для сербского языка: «*Jak to se stalo baž do Krušici da pšišli?*» [Как так случилось, что они именно в Крушицу пришли?]. Заимствуются предложно-падежные формы: «*I ti <...> saráči za chomuti, za hámi, za úzdi*» [И эти <...> шорники, которые делают хомуты, сбруи, узды].

Таким образом, можно констатировать, что в Воеводине в среде чешского национального меньшинства складывается неблагоприятная ситуация для сохранения чешского языка. Это обусловлено языковыми и внеязыковыми причинами. К неязыковым факторам можно отнести, во-первых, старение и снижение численности чешского населения, носителей чешского языка как родного. Молодое поколение уезжает в крупные города Сербии, Чехии, в другие страны Европы. Для большинства из них родным языком уже является сербский. Во-вторых, отсутствие начального образования на чешском языке на рассматриваемой территории. Последние чешские школы в Воеводине закрылись в 60–70-е гг. XX в., вновь приезжавшие в 1990-е и 2000-е гг. учителя из Чехии не смогли изменить эту ситуацию.

К собственно языковым причинам сербизации чешского языка мы относим межъязыковую интерференцию, вызванную

с формированием немецкого определенного артикля по тем же самым причинам, что и в других индоевропейских языках¹. В.М. Жирмунский на примере романских и германских языков показывает, что все схожие процессы возникают «в близких по своему строю языках <...> для выражения одинаковых категорий мышления, возникающих на одинаковых ступенях общественного и культурного развития»².

Если в немецком языке артикль в большинстве случаев обязательно сопровождает существительное и несет в себе его грамматические значения, то в словенском языке артикль выполняет семантико-стилистическую функцию.

Для того чтобы прояснить поле функционирования артикля в словенском литературном языке XVI в., мы выбрали две работы словенского протестантского проповедника П. Трубара – перевод Евангелия от Матфея, изданный отдельно в 1555 г. (*TA EVANGELI SVETIGA MATEVSHA*), и фрагмент из полемического непереводного труда *Cerkovna ordninga*, изданного в 1564 г.

Для начала стоит отметить, что в словенском языке артикль употреблялся как с существительными, так и в связке «прилагательное + существительное», изменяясь при этом по всем родам, падежам и числам (в немецком языке у неопределенного артикля нет формы множественного числа). Употребление артикля с существительным считалось германизмом, а использование артикля в сочетании с прилагательным и существительным – словенским явлением³.

При переводе Евангелия от Матфея Трубар опирался на немецкий текст Библии М. Лютера 1545 г.⁴ Трубар часто использовал артикли, однако избегал дублирования: всего в тексте перевода было отмечено 1310 случаев употребления определенного артикля (из них – 1137 приходится на употребление артикля с существительным: *ty ludie*) и 220 случаев употребления неопределенного артикля (из них 167 – употребление неопределенного артикля с существительным: *ena luzh*). Однако в отрывке из *Cerkovna ordninga* мы наблюдаем значительно меньшее количество примеров на употребление артиклей: был отмечен всего лишь 531 случай использования

определенного артикля (из них 370 – употребление артикля с существительным), на неопределенный приходится 55 (из них 32 – на употребление артикля с существительным), однако часть примеров (150 с определенным артиклем и 14 с неопределенным) относится к цитатам из Св. Писания, где на употребление артикля мог повлиять немецкий язык, ср.: *Ioh. 1: Ta syn, kateri ie utim kryllu tiga Vezhniga Ozheta, ie nom resodel*. Сам Трубар отмечал, что членов-артиклей в словенском языке гораздо меньше, чем в немецком, и в этом он видел преимущество словенского языка⁵. Однако в работе 1564 г. мы находим примеры на употребление артиклей без активного влияния немецкого языка, поэтому стоит обратить внимание, в каких ситуациях Трубар использует артикли.

В изученном нами отрывке из произведения *Cerkovna ordninga* с определенным артиклем регулярно употребляются библейская лексика и религиозные понятия (*ta vezhni leben, ta S. Troyca, ta Gospud, ta Syn, utim Paradishu, tiga Adama in to Evo, ta Nebessa*), при этом стоит отметить, что без артикля подобная лексика в тексте не встречается. Примеров на использование неопределенного артикля немного, и среди них можно выделить сочетания, которые на протяжении всего текста употребляются только с неопределенным артиклем. Так, например, сюда можно отнести *enu Dellu* (4), *eno sluzhbo* (3), *ena Oblast* (2), *en brumen poshten leben* (2). В значении неопределенности приводятся и слова, обозначающие вид деятельности человека – *en student, kanimu slushabniku, en Shcoff, enimu Pridigariu, en shulmoister*.

Если сравнить эти случаи с практикой использования артикля в переводе Евангелия, то можно отметить схожие примеры. Так, в словенском переводе Евангелия также определенный артикль употребляется с библейской лексикой (*ta Syn, ta Nebessa, ty Preroki*), наименования видов деятельности человека выступают с неопределенным артиклем в значении «некий»: *en Pissar*. Однако в этом случае все примеры соотносятся с артиклями в немецком издании Лютера, ср.: *der Himmel – ta Nebessa; ein Schriftgelerten – en Pissar*, можно предположить, что подобное употребление артиклей

считалось устойчивым, поэтому Трубар использовал артикли в собственных оригинальных текстах по аналогии с немецким языком и переводами. Здесь же необходимо упомянуть о случаях первичного и повторного упоминания объекта в тексте: по правилам немецкого языка при первичном упоминании объекта в речи / тексте ставится неопределенный артикль, при повторном – определенный. Подобные примеры мы можем найти и в переводе Евангелия (первое упоминание: *trat ein Heubtman zu im – en Altman*, второе упоминание: *der Heubtman – ta Altman*), и в оригинальном тексте Трубара (первое упоминание: *en Nou [...] Pridigar*, второе упоминание: *ta Noui Pridigar*).

Особый интерес представляет употребление артиклей в связке «прилагательное + существительное», так как именно эти сочетания положили начало формированию аналитического способа выражения категории определенности / неопределенности в словенском языке, характерного для современных нелитературных идиомов. У прилагательных женского и среднего рода утратилось противопоставление кратких и полных форм, что отражено в обоих текстах: с определенным и неопределенным артиклями употребляется только краткая форма – *ta stara praua Cerkou, enu veliku Ime* («*Cerkovna ordninga*»); *vto Galileisko deshelo, enu dobru Driuu* (Евангелие). У прилагательных мужского рода противопоставление сохранилось в именительном падеже, а для выражения значения определенности / неопределенности использовались указательные местоимения в качестве артиклей: *ta Noui Pridigar, en lep Vert* («*Cerkovna ordninga*»); *en dober zhlouik, ta shalostni shum* (Евангелие).

Таким образом, можно предположить, что в случае употребления артикля с существительным в словенском языке немецкий язык оказывал влияние на выбор форм для выражения концептов «новое» и «один из многих» (неопределенный артикль) и «данное» и «уникальное» (определенный артикль). В случае употребления артикля с прилагательными можно говорить не о влиянии немецкого языка, а о выражении дополнительного значения определенности / неопределенности

в связи с утратой противопоставления кратких и полных форм прилагательных.

Примечания

¹ *Kolarič R.* Določna in nedoločna oblika slovenskega pridevnika // Годишњак филозофског факултета у Новом Саду. Нови Сад, 1960. N 5. S. 41.

² *Жирмунский В. М.* Общее и германское языкознание. Ленинград, 1976. С. 170.

³ *Торпориšič J.* Imenska določnost v slovenskem knjižnem jeziku // Slavistična revija. Ljubljana, 1978. N 3. S. 298–299.

⁴ *Ahačič K.* Viri za prevod svetopisemskih besedil pri slovenskih protestantskih piscih 16. stoletja in nekatere tehnike prevajanja // Slavistična revija. Ljubljana, 2007. N 3. S. 513.

⁵ *Ahačič K.* Zgodovina misli o jeziku in književnosti na slovenskem: protestantizem. Ljubljana, 2007. S. 230.

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.2.3

А. Г. Мосинец

Отрицание при предикате главной части в целевых предложениях в болгарском языке

Ключевые слова: отрицание, целевые придаточные, интенциональность, понятие цели, болгарский язык, сирконстанты, актанты, целевое расширение.

В статье рассматриваются сложные предложения с придаточным цели в болгарском языке, в главной части которых имеется отрицание при предикате. Мы выявим отличия семантико-синтаксических свойств двух групп целевых предложений: где отрицание распространяется на придаточную часть и где придаточное предложение не входит в сферу действия отрицания при предикате главной.

Материал для исследования был взят из художественных произведений болгарских писателей XX и начала XXI в.

Группа (1). Целевое придаточное предложение включено в сферу действия отрицания при предикате главного: *Нито*

веднъж не повдгнах поглед към небето, за да видя звездите му [Я ни разу не поднял взгляд к небу, чтобы увидеть звезды] (П. Вежинов); *Освен че знае да готви, но не се и натрапва, нито те кани в спалнята си, за да ти покаже как функционира леглото* [<...> но она не навязывается и не приглашает тебя в спальню, чтобы показать, как работает кровать] (Б. Райнов); *И ако не са ти приели романа, то е, понеже не си седнал на машината да го поправиш* [И твой роман не приняли потому, что ты не сел за пишущую машинку, чтобы его исправить] (Б. Райнов); *Почаквам до пет и десет, после прибирам книжката в чекмеджето и почаквам още малко, но никой не позвънява на телефона, за да ми каже «извинете, грешка»* [<...> жду еще немного, но никто не звонит мне по телефону, чтобы сказать «извините, ошибка»] (Б. Райнов).

Група (2). Целевое придаточное не входит в сферу действия отрицания при предикате главного предложения: *Реших, че е грехота да ви притеснявам повече, особено след като снощи не се прибрахте, за да ми кажете: ето виждаш ли, зарад тебе не се и прибирам вкъщи...* [<...> мне стыдно вас стеснять и далее, особенно после того, как вы вчера не вернулись домой, чтобы намекнуть мне: видишь, из-за тебя я даже домой не прихожу] (Б. Райнов); *Услугата, която се иска от вас, е да не присъствате в пленарната зала, за да не гласувате* [Услуга, которая нужна от вас, – не присутствовать в зале заседания, чтобы не голосовать] (П. Христов); *И нямаше да се питам никого, ако <...> Милостта му не бе изразил известни подозрения: че... Не криех нищо, за да се отърва от тях* [Я не скрывала ничего, чтобы их <подозрения> с себя снять] (Д. Димов).

Предложения, представленные в данных группах, ведут себя различно при следующих синтаксических тестах или преобразованиях:

1. Тест на истинно целевое расширение – вынос придаточной части в препозицию к главной¹. В предложениях группы (1) такая трансформация невозможна (без потери исходного значения): **За да видя звездите, нито веднъж не повдгнах поглед към небето* [*Чтобы увидеть звезды,

я ни разу не поднял взгляд к небу]. Предложения группы (2), наоборот, вполне допускают подобное преобразование: *За да се отърва от подозренията, не криех нищо* [Чтобы снять с себя подозрения, я ничего не скрывала].

2. Вопрос о цели действия. Для предложений группы (1) целевой ответ на вопрос *защо* (болг. *почему, зачем*) нелогичен: *Почаквам още малко, но никой не позвънява на телефона. – Защо не се обажда? – *За да ми каже «извинете, грешка»* [Жду еще немного, но никто не звонит мне по телефону. – Почему не звонит? – *Чтобы сказать «извините, ошибка»]. Напротив, для предложений группы (2) он вполне допустим: *Услугата, която се иска от вас, е да не присъствате в пленарната зала. – Защо да не присъствам? – За да не гласувате* [Услуга, которая от вас требуется, – не присутствовать в зале заседания. – Почему не присутствовать? – Чтобы не голосовать].

3. Переформулировка с экспликацией компонента желательности, стремления, который входит в понятие «цель». Предложения группы (2) легко поддаются такой трансформации: *Не криех нищо, защото исках да се отърва от подозренията* [Я ничего не скрывала, потому что хотела снять с себя подозрения], в то время как группа (1) не допускает этого: **Не си седнал на машината, защото си искал да поправиш романа* [*Ты не сиделся за пишущую машинку, потому что хотел исправить текст романа].

Попытаемся объяснить, почему данные типы предложений различно реагируют на тесты, обратившись к семантике предиката главной части. В истинно целевых предложениях в главной части содержится глагол контролируемого действия. Субъект осознанно и намеренно совершает что-то для достижения заранее поставленной цели. Однако, кроме действий как таковых, существует также осознанное воздержание от действия, так называемая «интенциональная пассивность»², благодаря которой субъект намеренно допускает или не допускает какое-либо изменение. В этом плане интенциональная пассивность коренным образом отличается от простой пассивности. «Воздержание от действия является

недействием, и тем не менее оно в то же время является “образом действия и поведения”. Это то, за что агент может быть ответственным»³. Именно такую интенциональную пассивность мы видим в предложениях группы (2). Они близки предложениям без эксплицитного отрицания, где в качестве предиката выступают лексемы, имеющие внутреннее отрицание. В каждом случае для предиката главной части можно подобрать активный аналог, при котором смысл предложения сохранится (ср. *не криех нищо / разказах всичко*). Предложения группы (2) полностью сохраняют целевую семантику, отражают стремление субъекта к достижению цели, что доказывается приведенными выше тестами.

В предложениях группы (1), напротив, мы наблюдаем обыкновенную пассивность. Главная часть констатирует факт несовершения какого-либо действия и не содержит указания на стремление к достижению какой-либо цели, что явно следует из тестов 2 и 3. Желание достичь цели – один из ключевых компонентов значения понятия «цель». При его отсутствии предложения отдаляются по семантике от собственно целевых и не выдерживают теста 1 на целевое расширение.

Е.В. Падучева объясняет появление глобального отрицания в целевом предложении семантикой ожидания, т.е. заранее ожидается, что ситуация Р будет иметь место с модификатором Q: «Семантика ожидания, будучи выражена эксплицитно, позволяет включить в сферу действия предикатного отрицания сколь угодно сложный модификатор»⁴, что подтверждается и для наших примеров. Ожидаемый сирконстант при этом получает роль актанта, поэтому входит в сферу действия предикатного отрицания⁵. Это еще одно отличие данных предложений от собственно-целевых, так как в норме целевое расширение является сирконстантом.

Таким образом, то, попадает ли придаточная часть в сферу действия отрицания при главном предикате, зависит от степени близости предложения к собственно целевой семантике. В собственно целевых предложениях придаточное не входит в сферу действия отрицания, по своим синтаксическим свойствам оставаясь сирконстантом. В предложениях, где отсутствует

компонент целевого значения (осознанное действие, стремление к достижению цели), отрицание при предикате главной части распространяется на придаточную. Семантика ожидания является важным компонентом значения таких предложений. Целевое расширение в них по своим синтаксическим свойствам приближается к актантам.

Примечания

¹ Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. С. 31.

² Вригт Г. Х., фон. Логико-философские исследования: избранные труды. М., 1986. С. 123.

³ Там же. С. 258.

⁴ Падучева Е. В. Презумпция. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики [Электронный ресурс]. На правах рукописи. М., 2011. URL: <http://rusgram.ru/Презумпция> (дата обращения 03.03.2019).

⁵ Там же.

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.2.4

М. М. Громова

Севернорусские глаголы с элементом *-того-* и их болгарские соответствия

Ключевые слова: архангельские говоры, болгарские диалекты, местоглаголия, дейксис.

Для северо-востока Архангельской области (по течению р. Мезень и частично р. Пинега) характерно употребление многочисленных глаголов, образованных по модели «префикс + застывшая форма родительного падежа указательного местоимения *тот* + корень *-дел-* + глагольный суффикс». Оба корневых элемента могут быть представлены разнообразными вариантами: *вы́тогоделать*, *стогодéлать*, *протогóдеть*, *притогóдеять*, *потовóдлить*, *утогóдливать*, *отовóдить*, *потогóдить*, *оттогáдевать*, *утогáдевать*, *притогáдывать*

и т.д. Эти и подобные им глаголы (так называемые местоглаголия¹) обозначают действие вообще, соответственно значению корня; конкретизация действия связана со значением приставки и с окружающим контекстом, языковым и внеязыковым². Так, в Словаре говоров Русского Севера для лексемы *втогодить* на основании контекста дается значение [всадить, вогнать]: *Занозу в мочку-то втогодила* (д. Родома, Лешуконский р-н Архангельской области)³.

Примечательно, что в болгарских диалектах широко представлены похожие «пустые» глаголы, образованные сложением указательного элемента *-он-* и глагольного корня *-дей-*:

но́да (Лом), *но́дя* (обл. Малко Тырново; Родопы), *но́дям* (с. Бодрово, Първомайско); *но́дем*: *Йа да е но́деме и тайа баница като старата* [давай и эту баницу это самое, как и прежнюю](с. Димово, обл. Видина);

оно́да (с. Батановци, обл. Радомира; Габрово; Долна Баня, обл. Ихтимана); *оно́дям* (обл. Цариброда; с. Веригово, обл. Карлово); *оно́двам* (с. Румянцево, обл. Луковита); *оно́дем*: *Седнеме у влака конпания – пием, пеем, оно́дем* [сядем в поезде компания – пьем, поем, то да сѐ] (с. Маслово, обл. Софии); *Што оно́деш?* – *Онодем* [Что делаешь? – Да вот] (с. Брыложница, Софийско); *Тé тѹка оно́дем ле́бо да не преста́ше* [А тут я хлеб это самое, чтобы он не засох (?)] (обл. Софии; также с. Радуил, обл. Ихтимана; обл. Трына; с. Мокреш, обл. Лома)⁴.

В зависимости от контекста эти глагольные лексемы могут замещать любой другой глагол и употребляются в тех случаях, когда говорящий затрудняется подобрать подходящее название для обозначения какого-либо действия⁵:

оно́дем: [устраивать, воспитывать, договариваться]: *че йа оно́деме тайа работа* [мы устроим это дело]; [делать]: *Шчо оно́десте дѣнѣска* [что вы делали сегодня] (обл. Брезника); *оно́два* [дарить] (с. Былен Сырб, Румыния)⁶.

Частое замещение ими определенных глаголов позволяет говорить о развитии у *онодея* нескольких конкретных значений и превращении данного глагола в эвфемизм:

оно́да [совокупляться, вступать в половой контакт] (о мужчине): *Женá ѝ кѣстѣн – свѣ ѱедно́: кога́ ва́риши кѣстѣн, ако*

сáкаш да набѣбне, сипѹ му мно́го во́да, женá ако сáкаш да ѿе здра́ва и вéсела, по́ чéсто ѿа онóждаѿ [баба что каштан – всё равно: когда варишь каштан, если хочешь, чтобы он набух, налей много воды, а если хочешь, чтобы баба была здорова и весела, то почаще ее это самое] (пословица, Видин; также Габрово; с. Момина клисура, обл. Пазарджика)⁷.

Глагол *онодея* наддиалектен. Он существует и в говорах с двухкомпонентной системой указательных корней (*-т-/-он-*), и в говорах Родоп, где представлена архаичная трехкомпонентная система (*-с-/-т-/-он-*), и в юго-западных говорах с новой трехкомпонентной системой (*-в-/-т-/-он-*). Корень *-он-* во всех указанных системах указывает на наибольшую отдаленность и от говорящего, и от слушающего. Глаголы с элементом *-т-*, употребляющиеся на северо-востоке Архангельской области, образованы подобным образом: в них представлен корень, выражающий наибольшую удаленность в двухкомпонентной системе указательных местоимений (*-эт- / -т-*).

Примечания

¹ Федюнева Г. В. О статусе местоглаголия в языке // Вопросы языкознания. 2011. № 2. С. 89–96.

² Гецова О. Г. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Вопросы русского языкознания: Сб. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность / сост. Е. А. Галинская, М. Н. Шевелева. М., 1997. С. 163.

³ Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2002. Т. 2: В – Екатеринбург. С. 204.

⁴ Архив Болгарского диалектного атласа (БДА).

⁵ Котова Н., Янакиев М. Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком. М., 2001. С. 547.

⁶ Архив БДА.

⁷ Там же.

Синий в названиях терна в западномакедонских диалектах*

Ключевые слова: этнолингвистика, цветообозначения, синий цвет, фитонимия, балканистика.

Название растения терна, терновника, или сливы колючей – *Prunus spinosa* – в македонских диалектах встречается преимущественно в форме дериватов от корня *трн-* в разных его фонетических вариантах (*трн*, *търн*, *трън*, *торн*, *терн* и *тёрн*): *трнка* (обл. Мариово, обл. Кавадареча), *трън'ка* (обл. Невкопа), *трн'инка* (обл. Костура), *трленка*, *трница* (обл. Велеса)¹. В номинации отдельного плода также используются дериваты от *трн-*: самый распространенный вариант – *трнинка* – встречается на большей части территории македонских говоров, фиксируются также формы *трлинка*, *трленка*, *трненка*, *трнка*².

Помимо перечисленных основных наименований, встречаются и более редкие. Цвет в названии появляется в лексемах: *царнуслифка* (обл. Водена), *цайна слива* (обл. Охрида, обл. Дойрана), *модра бобинка* (обл. Скопье)³.

Однако на общей карте македонских диалектов особое положение занимают западные говоры, пограничные с Албанией. Эта территория противопоставлена основной балканославянской зоне как с точки зрения лексики, так и с точки зрения реалий духовной культуры⁴. Особое положение подтверждается и на материале фитонимов, связанных с данным растением. В частности, обращает на себя внимание использование в его номинации цветообозначений.

При картографировании выделяется компактный ареал на македонско-албанском пограничье. Здесь в наименованиях

* Авторская работа выполнена при поддержке РФФ по проекту «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования» (рук. акад. С. М. Толстая), № 17-18-01373.

терна используется исключительно корень *син-*: *синул'ка* (Горно-Косоврасти – Дебар), *синатка* (Жировница – Дебар), *синанка* (Ростуша – Дебар), *сининка* (Гари – Дебар, Држилово – обл. Скопье), *синичка* (Стенье, Лескоец – Ресен, Леска, Глобочани – Мала Преспа)⁵. Эти деадъективные дериваты указывают непосредственно на цвет плода, который также отражен и в общем названии сливы, образованном по признаку синего цвета⁶.

Материал находит подтверждение в индексах Общеславянского лингвистического атласа в томе «Растительный мир» (SI 429 'Один плод терна')⁷. В населенном пункте под номером 90 (Лазарополе – Дебар) фиксируется наименование *'sininka* (*Prunus spinosa*), в то время как на остальной картографируемой территории нет образований от корня *син-* для обозначения темного сорта сливы.

Синий, согласно теории Берлина и Кея⁸, относится к базовым цветообозначениям. И тем не менее, если мы сравним с другими базовыми цветами, синий окажется одним из наименее употребительных в традиционной культуре балканцев: детали этого цвета используются в защитной магии при обрядах родин, похорон, в свадебных торжествах, иногда он выступает синонимом черного цвета. Лексема для обозначения синего также, судя по данным словарей, не обладает широким спектром значений, редко корень *син-* используется в названиях реальных, связанных с духовной и материальной культурой балканских славян и, в частности, македонцев. Поэтому такое акцентированное использование лексем в западных пограничных говорах не могло не привлечь нашего внимания.

Примечания

¹ Киш М. Дијалектната лексика од областа на растителниот свет. Скопје, 1996. С. 91.

² Там же. С. 91.

³ Там же. С. 29, 92–93.

⁴ Плотникова А. А. Этнолингвистическая география южной Славии. М., 2004. С. 285–289, 296.

⁵ *Kiш M.* Дијалектната лексика... С. 93.

⁶ *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. jezika. Zagreb, 1972. Knj. Poni–Ž. S. 405.

⁷ Sl 429 'Один плод тёрна' // Общеславянский лингвистический атлас, серия лексико-словообразовательная. Вып. 3. Растительный мир. Минск, 2000. С. 154.

⁸ *Berlin B., Kay P.* Basic color terms: their universality and evolution. Los Angeles, 1969.

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.2.6

М.В. Скачѣдубова

К вопросу о возможной взаимозаменяемости суффиксов -л- и -н-/-т- в причастиях прошедшего времени в славянских языках (на примере одного разночтения в Новгородской первой летописи)

Ключевые слова: действительное причастие прошедшего времени, страдательное причастие прошедшего времени, -л-форма.

Новгородская первая летопись представлена двумя изводами: старшим и младшим (далее – НПЛ ст. и НПЛ мл. соответственно). НПЛ ст. представлена единственным списком (Синодальным) и состоит из двух частей. Первая часть была написана около 1234 г., вторая часть – около 1330 г. НПЛ мл. была составлена в конце 30-х гг. XV в. Ее основными списками являются Комиссионный (середина XV в.) и Академический (40-е гг. XV в.)

В НПЛ ст. и НПЛ мл. по Комиссионному списку представлено следующее разночтение:

(1) НПЛ ст. л. 23 (1143 г.) *«Въ то же лѣто ходиша Корела на Емь, и отбѣжаша 2 ловиу бити»* – НПЛ мл. л. 106 об. *«В то же лѣто ходиша Корѣла на Ъмь, и отбѣжаша, 2 ловиу избилъ»*.

До сих пор данное разночтение в научной литературе не анализировалось. Между тем, рассматриваемые формы и сам характер разночтения обнаруживают ранее не выявленные свойства причастных форм вообще и -л-формы в частности.

Обратимся сначала к контексту из НПЛ ст.: [В тот же год Корела ходили на Емь, и отбежали; два судна (в результате этого) избиты / уничтожены].

В НПЛ мл. вместо причастия *бити* представлена форма *избилъ*. Есть все основания полагать, что *избилъ* является формой причастия в им. п. дв.ч. ж. р. (с абсолютно «правильным» окончанием *-ъ*), согласуемой по роду со существительным *лойва* ('большая парусная лодка, судно'), по числу и падежу – со словом *двъ*, и имеет значение 'избиты, побиты, уничтожены'. Таким образом, в анализируемом примере *-л*-форма употреблена не в своей основной функции, в качестве составной части сложных времен, а самостоятельно, в качестве причастия прошедшего времени, причем со страдательным значением.

Если на употребление *-л*-формы непосредственно в функции действительного причастия прошедшего времени указывалось в научной литературе¹, то использование *-л*-формы в значении страдательного причастия ранее не фиксировалось. Тем не менее, если принять во внимание материал как русского, так и других славянских языков, оно не представляется чем-то из ряда вон выходящим.

Славянским языкам известны *-л*-прилагательные / причастия со страдательным значением. Так, в словаре русского языка XI–XVII вв. находим такие прилагательные, как *езжалый* 'объезженный' (XVII в.), *измождалый* 'изношенный' (XIII в.), 'изможденный' (XVII в.), *припеклый* 'прижаренный' (XVI в.), *запеклый* 'запекшийся' (XVI в.), *поднеслый* 'вытянувшийся' (XVI в.) и др.² Ф. Копечный приводит примеры таких прилагательных / причастий в разных славянских языках, ср.: словен. *zrasel* 'выращенный', пол. *podniosły* 'приподнятый'³. В польском некоторые страдательные причастия / прилагательные имеют дублетные *-л*-формы, ср.: *przelekniony* – *przelekły* 'испуганный'. Такая же ситуация, по данным Ю. Шереха, наблюдается в украинском языке: встречаются формы *zaholili* вместо *zaholeni* ('оголенный'), *zakurilyj* вместо *zakurenyj* ('запыленный'), *roxnjupli* вместо *roxnjupleni* ('потопленный, понурый')⁴.

Интересно, что в славянских языках возможно не только использование действительной *-л-*формы «вместо» страдательной на *-н-* / *-т-*, но и наоборот: употребление пассивного суффикса вместо активного. Ю. Шерех приводит следующие примеры из украинского языка: *pidpyti / pidpyli* ('выпивший, подпитый'), *napylyj / napytyj* ('напившийся', *zapizneni / zapiznili* ('опоздавший'). Аналогичная ситуация наблюдается в польском: *wyrodzily / wyrodzony* ('выродившийся', 'испуганный'), *zmarzly / zmarzniety* ('замерзший'), / *zeschniety* ('высохший')⁵. Подобное явление наблюдается и в болгарском: *лъснал / лъснат* ('блестящий'), *усмихнат* ('улыбающийся'), *запъхтян* ('запыхавшийся')⁶. Ряду чешских прилагательных / причастий на *-л-* в словацком соответствуют пассивные формы, например: чешск. *opuchlý* – словац. *opuchnutý* ('опухший'), чешск. *vpadlý* – словац. *vpadnutý* ('впалый')⁷.

Ю. Шерех подобную взаимозаменяемость активных и пассивных образований объясняет тем, что залоговое значение отходит на второй план. На первое же место выходит значение результата, состояния, наблюдаемого у всех рассматриваемых в данном контексте прилагательных / причастий⁸.

Таким образом, материал славянских языков свидетельствует о возможной с древнейших времен взаимозаменяемости суффиксов *-л-* и *-н-* / *-т-* у причастий / прилагательных с результативным значением. Следовательно, есть все основания полагать, что в рассматриваемом примере из НПЛ мл. форма *избилъ* не является ошибкой или опiskeй и употреблена в функции страдательного причастия прошедшего времени.

Примечания

¹ Потехина А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. I–II. С. 239–243; Скачедубова М. В. К интерпретации случаев употребления *-л-* форм без связки (на материале Ипатьевской летописи) // Slavistična revija. 2017. N 1. С. 115–125.

² Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. Справочный выпуск. М., 1975–2004.

³ Kopečný F. Příspěvek k problému slovanského přičestí *l-ového* // IV Международный съезд славистов: Славянская филология: Славянская филология. сборник статей. Вып. II. М. 1958. С. 138–163.

⁴ Šerech J. Participium universale im Slavischen, Winnipeg, 1953. С. 27–29.

⁵ Ibidem.

⁶ Kopečný F. Příspěvek k problému... С. 155.

⁷ Ibid. С. 154.

⁸ Šerech J. Participium universale... С. 28.

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.2.7

В.Ю. Шатин

О вокализме первого предупредного слога после мягких согласных в костромских говорах XVII в.

Ключевые слова: безударный вокализм; деловая письменность; историческая диалектология русского языка; историческая фонетика русского языка; история русского языка; костромские говоры; русская диалектология; севернорусские говоры.

Материалом для исследования послужила Костромская отказная книга 1619–1634 гг. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 11086, исследованы лл. 1–948 об.).

Начнем с рассмотрения вопроса о фонеме <ё> в позиции не под ударением, так как ее утрата позволила бы объединить замены с участием букв **е** и **ѣ**, которые, таким образом, отражали бы один звук [e].

Процесс утраты фонемы <ё> в позиции не под ударением проходил рано и интенсивно, а потому мы вряд ли обнаружим ее сохранение в безударных слогах.

Отметим, что в говоре, отраженном в исследованных документах XVII в., фонемы <ё> в положении под ударением уже не было: перед твердыми согласными на ее месте был представлен звук [e], а перед мягкими – [и] либо [йе].

Поскольку количество примеров мены букв **ѣ** и **и** в безударных слогах достаточно велико, приведем их не все и с обобщением позиций.

Прямые замены **ѣ** на **е**: *василеи* nom. sg. 118 об.; *грамоте* dat. sg. 20; *не^Мцовы^М* instr. sg. 63; *о^Мделено* nom. sg. 480; и др.

Обратные замены **е** на **ѣ**: *живущей* acc. sg. 155; *перѣлого^М* instr. pl. 75; *четвертеи* gen. pl. 307 об.; и др.

Правильные написания с **ѣ**: *грамотѣ* dat. sg. 311; *дѣ^Мми* instr. pl. 202 об. x2; и др.

Имеются, как видим, как прямые, так и обратные замены, что, несмотря на наличие правильных написаний, явно свидетельствует о совпадении фонемы <ѣ> в безударном положении с фонемой <е>.

Буквы **ѣ** и **е** будут в дальнейшем при анализе буквенных замен рассматриваться как «синонимичные».

Поскольку в позиции после твердых согласных в говоре, отраженном в исследованных текстах, было представлено полное оканье, рассмотрение материала для позиции после мягких будет проводиться в соответствии со сложившейся традицией описания предударного вокализма после мягких согласных в окающих говорах: нас будут интересовать написания на месте **е*, **а* и **ѣ* перед твердыми и мягкими согласными. Замены после букв шипящих и **ц** не отделяются от замен после букв согласных парных по твердости-мягкости. Обратимся к примерам, которые, если не оговорено обратное, являются исчерпывающими.

Замены **я** на **ѣ** либо **е** перед твердыми согласными: *девет^Мна^Мцать¹* nom. sg. 146 об.; *диека* gen. sg. 151, 296; *не^Мнацат^М* nom. sg. 26 об.; *чичегова* gen. sg. п.р. 129.

Замены **я** на **ѣ** либо **е** перед мягкими согласными: *девет^Ми²* dat. sg. 179 об.; *десетилни^Мчи* gen. sg. 79 об., 80 x2, 80 об. x2; *десетина* nom. sg. 85 x4, 88 об., 177 об., 178, 288 об., 479 об.; *еки^Мко* nom. sg. 92 об., 139, 140 об.; *косте^Мтина* gen. sg. 38 x2; *ѣки^М* nom. sg. 158 об.; и др.

Количество подобных замен достаточно велико именно в позиции перед мягкими согласными. Встретились также и обратные примеры.

Замены **е** либо **ѣ** на **я** перед твердыми согласными: *имя^Мно^М3* dat. pl. 358, 488 об.; *имяномѣ* dat. pl. 98 об., 377.

Замены **е** либо **ѣ** на **я** перед мягкими согласными: *емя-ляно*⁶⁴ ном. sg. 152.

На месте **и* встретились также нетипичные для данного периода замены.

Замены **и** на **е** перед твердыми согласными: *зеновко*⁵ ном. sg. 148 об. х2.

Замены **и** на **е** перед мягкими согласными: *клемен^нтиева*⁶ gen. sg. 104 об.; *клемен^нтиеву* dat. sg. 106 х2; *клеменьтьев*⁶ ном. sg. 314; *клемен^нтьев* ном. sg. 337, 442 об.; *п^нт^нрея^нРиш* gen. sg. 121 х2.

Замены **и** на **я** перед мягкими согласными: *клямен^нтиев* 154.

Приведем также и обратные замены.

Замены **е** на **и** перед твердыми согласными: *дмит^нрею* *иво крестьяно*^{м7} 105 об.

Замены **е** на **и** перед мягкими согласными: *пядися*^т 44.

Большинство примеров не являются чистыми, а лишь два из них, не подпадающие под какие-либо оговорки (*пядися^т* и *клямен^нтиев*), не могут быть убедительными. Значит, у нас нет оснований считать, что подобные замены и стоящие за ними фонетические явления были широко распространены в говорах, отраженных в исследованной отказной книге.

Для объяснения приведенных выше примеров обратимся к материалам других говоров.

В монографии Е. А. Галинской «Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте» имеется раздел, посвященный не столь отдаленным от наших, отраженных в костромской отказной книге, говорам северо-восточной новгородской периферии конца XVI – первой половины XVII в. В соответствии со старым <е> (в т. ч. из [ѣ]) в первом предударном слоге после мягких согласных в текстах, созданных носителями диалекта, встречаются написания с буквами **и**, **ѣ** и **я** (как перед твердыми, так и перед мягкими согласными). Примеры с буквой **я** на месте <е> в первом предударном слоге после мягких отражают именно звук [’а] постольку, поскольку имя *Герасим* и его производные передано подобным образом целых три раза. В начале XX в. такое произношение фиксировалось к югу от Тихвина, однако всегда в сосуществовании с [е] и [и]⁸.

Примеры *емяляно*^в nom. sg. 152; *имяно*^м dat. pl. 358,488 об.; *имяномь* dat. pl. 98 об., 377 и *кляме^нтиев* 154 могут, таким образом, быть факультативными реализациями старого <е> в [а], а примеры *клеме^нтиева* gen. sg. 104 об.; *клеме^нтиеву* dat. sg. 106 x2; *клеменьтьев* nom. sg. 314; *клеме^нтьев* nom. sg. 337, 442 об.; *патр^яРиш^ы* gen. sg. 121 x2 могут гиперкорректно отражать реализации <е> в [и].

На месте фонемы <а> в текстах, представляющих северо-восточные новгородские говоры, в первом предударном слоге после мягких согласных перед твердыми и мягкими употреблялась наряду с буквой **я** и буква **е**. Спорадическое произношение в данной позиции [е] при обычном [а] отмечалось А.И. Соболевским в бывшем Тихвинском уезде. Крайне непоследовательно это явление присутствует и в современных ладого-тихвинских и онежских говорах⁹.

Примеры *емяляно*^в nom. sg. 152; *имяно*^м dat. pl. 358,488 об.; *имяномь* dat. pl. 98 об., 377 и *кляме^нтиев* 154 можно, таким образом, трактовать также и гиперкоррекцией, ведь писец, зная, что звуку [е] в его произношении порой соответствует буква **я** на письме, мог употреблять и подобные орфограммы.

По данным коллективной монографии «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров», совпадение гласных неверхнего подъема в звуке [е] возможно в костромских говорах до сих пор, однако перед твердыми, равно как и перед мягким согласными. Следует предполагать закрепление подобной реализации (все гласные неверхнего подъема в звуке [е]) в позиции перед мягкими согласными и последующую ее экспансию на позицию перед твердыми¹⁰.

Однако безударный вокализм костромских говоров после мягких согласных ни в коем случае не следует рассматривать как результат южновеликорусского влияния. Здесь мы имеем дело с развитием, обособленным также и от вокализма после твердых¹¹.

Можно заключить, что в костромских говорах XVII в. складывалась тенденция к нейтрализации гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге между мягкими согласными в звуке [е], о чем свидетельствует большое

количество прямых замен в этой позиции. Имелись, вероятно, также и редкие окказиональные реализации фонемы <e> как [ʼa] и [и], фиксируемые также и в других северно-великорусских говорах.

Примечания

- ¹ Здесь можно предполагать и графическую ассимиляцию.
- ² Здесь и в ряде последующих примеров можно предполагать графическую ассимиляцию.
- ³ Здесь и в следующем примере возможно влияние формы *имя* ном. sg.
- ⁴ Здесь возможно предвосхищение буквы гласного следующего слога.
- ⁵ Данное имя (гр. *Ζηρόβιος*) здесь могло быть употреблено без итацизма в первом слоге.
- ⁶ Данный пример и три последующих можно объяснить и графической ассимиляцией.
- ⁷ Здесь можно предполагать и утрату [j] в интервокальной позиции с последующим стяжением: [ije] → [ие] → [и].
- ⁸ *Галинская Е. А.* Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002. С. 58–59.
- ⁹ Там же. С. 59.
- ¹⁰ Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (по материалам лингвистической географии) / отв. ред. В.Г. Орлова. М., 1970. С. 299.
- ¹¹ Там же.

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.2.8

Р.И. Ханукаева

Термин «мать» в русских летописях

Ключевые слова: женские термины родства и свойства, метафорика терминов кровного родства.

В отличие от мужских терминов родства, которые в летописях нередко использовались в качестве политических метафор¹, женские, на первый взгляд, ведут себя гораздо проще и чаще используются «по назначению». Так, «сестра»

обычно действительно оказывается родной сестрой, а «мать» — матерью, так как к мачехам применяется оборот «яко мать». Однако встречаются и исключения.

Первый тип – метафора. Переносное значение терминов «отец» и «брат» привело к мысли о том, что и у «матерей» в тексте может быть какая-то особая функция. Она прослеживается, но не в политической, а в духовно-социальной сфере. Едва ли не половина случаев употребления лексемы «мать» связана с культом Богородицы: «*бывшиє знаменьє Новѣ городѣ / всѣ(м) людемъ выдащимъ · в тре(х) бо цѣквахъ / Новгородскыхъ · плакала на тре(х) икона(х) стага / Бѣда · провидѣвши бо мѣти Бжиа пагубу хоташю / быти · надъ Новымъ городо(м) и надъ ѿго / волостью*»² (Суздальская летопись).

Ничего удивительного в этом нет, Божья Матерь – один из излюбленных персонажей народного православия. Она является наиболее частым адресатом в неканонических молитвах и заговорах, она воспринимается в качестве заступницы и спасительницы, а также авторитетного начала. Летопись отражает все вышеупомянутые «амплуа» Богородицы.

Но вот что интересно: поддерживаемая, на первый взгляд, посредством культа Богородицы, коннотация термина «мать» как кормилицы и заступницы, распространяется не только на персонажей женского рода: «матерями» могут быть и объекты / лица мужского рода. В тексте летописей есть подобные примеры. Первый из них – «мать городов русских» – метафора города Киева (скорее всего – калька с «метрополии»); второй появляется в сообщении о 1097 г. по отношению к Владимиру Мономаху. Речь идет о любви самого князя к людям церкви, особенно к монахам, которых он поил и кормил, «*акы мѣти дѣти*». «Материнское» начало князя упоминается в одном ряду с «отцовским» в сообщении о его смерти в 1124 г.: «*над нимъ стѣи же жалщесн плакахусѣ. по стѣомъ и добромъ кнзи весь народъ и вси людие. по немъ плакахусѣ. Коже дѣти по ѿцю или по матери*»³.

Метафорическое значение лексемы «мать» часто встречается и в фольклорных текстах (например, в заговорах, песнях, причитаниях). Одна из наиболее частотных метафор – мать-земля, которая составляет пару небу-отцу. Похожую

конструкцию мы встречаем и в Повести временных лет, в сообщении, датированном 988 г.: «Паки же землю глаголють матерью. Да аще имъ есть земля мати, то отецъ имъ есть небо, искони створи Богъ небо и такоже землю. Тако глаголють: “Отче нашъ, иже еси на небеси”. Аще ли по сихъ разуму земля есть мати, почто плюете на мать свою?»⁴.

Изречение византийского богослова Василия Великого включено в летопись опосредованно, через болгарский перевод «Богословия» Иоанна Дамаскина. Лексема «мать» здесь встречается трижды и пока это единственный случай появления «языческой» метафоры, найденный мною в летописях, да и тот представлен в виде цитаты.

Второй тип – княжеские матери. Процесс переименования. Если говорить о прямом значении термина «мать», то выясняется, что чаще всего он употребляется в летописях по отношению к вдовам. Мы не утверждаем, что женщина, согласно летописным данным, обретает свою индивидуальность только после смерти мужа; при жизни супруга просто актуализируется другая терминология. Княгиня выступает как жена, сестра, невестка и т.д. Что же касается собственных детей, то политически значимая «забота» о них возлагается на женщину только с переменной матримониального статуса. И здесь интересно проанализировать номинацию княгинь.

Во-первых, даже вдова часто именуется по мужу. Так, из текста Галицко-Волынской летописи невозможно узнать имя «княгини Романовой», или из Киевской – «княгини Мстиславлей» – второй жены Мстислава Великого, дочери Дмитрия Завидича. А во-вторых, женщина может именоваться и матерью взрослого уже сына. Та же княгиня Романова называется «матерью Даниила» (и никогда – Василька), а Мстиславля – «матерью Владимировой». Если у женщины несколько сыновей, то номинация происходит, как представляется на первый взгляд, по наиболее значимому из них (обязательно живому). Гертруда Польская, например, называется сначала матерью Ярополка, а потом матерью Святополка. Во втором случае старшего сына, скорее всего, уже не было в живых.

Пересчет терминологии родства. Выше мы упомянули о пересчете мужских терминов родства, когда «отцами» становились дядья или старшие братья. В случае с «матерью» такое происходит лишь единожды – в сюжете об уже упомянутой княгине Мстиславлей. При чем это встречается в том же самом эпизоде, где отцом князя Ростислава Мстиславича называется его дядя – Вячеслав. Едва ли можно списывать это на ошибку летописца. Как кажется, отношения второй жены Мстислава с некоторыми из ее пасынков и падчериц действительно складывались весьма благополучно. Так, в сообщении о 1169 г., вдова Мстислава просит помощи у «Всеволодовича» и отправляется в Чернигов, где на тот момент княжит сын ее падчерицы.

Более того, создается впечатление, что летописец пытается подчеркнуть права вдовствующей княгини на наследство мужа и собственные владения в Киеве.

В эпизоде о смерти Игоря Ольговича несколько раз говорится о «Мстиславлем» дворе, который, одновременно, является и двором «матери» Владимира Мстиславича – то есть той самой княгини Мстиславлей. Терминология родства здесь действительно актуализируется в контексте прав на владения: «двор матери», «ворота матери». И если суздальский летописец обозначает двор, в котором Владимир Мстиславич пытался спрятать Игоря Ольговича, как принадлежащий второй жене Мстислава Владимировича, новгородки Н. Дмитриевне (дочери Дмитрия Звидича). То киевский летописец дважды называет двор «мѣре» и трижды «мстиславлем». Действие происходит через 15 лет после смерти Мстислава Великого. Возможно, на материале двух статей об убийстве Игоря мы можем наблюдать, как оговариваются имущественные права вдовы князя. Это кажется тем более интересным, что в дальнейшем княгине придется несколько раз покидать город.

Примечания

¹ Лавренченко М. Л. «Отцовство» в древнейших русских летописях // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 9. Минск, 2016. С. 52–67.

² Рукописные памятники древней Руси. [Электронный ресурс]. URL: http://www.lrc-lib.ru/rus_letopisi/Suzdal/index.php (дата обращения: 14.03.2019).

³ Рукописные памятники древней Руси. [Электронный ресурс]. URL: http://www.lrc-lib.ru/rus_letopisi/Kiev/index.php (дата обращения: 14.03.2019).

⁴ Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869> (дата обращения: 14.03.2019).

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.2.9

Н. Е. Ким

Особенности системы глагольного управления в проповедях Тихона Задонского

Ключевые слова: книжность, глагольное управление, Тихон Задонский, вариативность, грамматическая интерференция, идиомы.

Тихон Задонский (1724–1783) был видным церковным иерархом и проповедником середины XVIII в. В 1749 г. Тихон закончил Новгородскую семинарию и получил место преподавателя греческого языка и риторики в той же семинарии. В 1761 г. его назначили епископом Кексгольма и Ладоги и викарием новгородского епископа Дмитрия Сеченова. В 1764 г. Тихон был рукоположен в епископа Воронежского. В 1767 г. он ушел на покой. В 1770-е гг. Тихон создает основной корпус своих произведений, в том числе сборник проповедей.

Рукопись «Кратких нравоучительных слов» хранится в НИОР РГБ (ф. 609, к. 3, ед. хр. 10). «Фонд святителя Тихона Задонского» создан в 1873–1880 гг. кандидатом Московской Духовной Академии и вольнотруждающимся при Отделе рукописей Румянцевского музея И. Д. Бердниковым, издателем пятого полного собрания сочинения Тихона Задонского. «Слова» входят в число восьми произведений, названных Тихоном в завещании и подготовленных им для передачи в Синод.

Первоначально они составляли 16 отдельных рукописей, хранились в Липецком Рождество-Богородицком монастыре, после смерти Тихона были переданы в Синод, проверены цензорами, а в 1784–1785 гг. изданы келейником Тихона Иваном Ефимовым.

Управление – исторически изменчивая категория, а в текстах XVIII в. часто можно наблюдать вариативность языковых единиц разных уровней. Поэтому исследование текстов данного периода с точки зрения глагольного управления представляет особый историко-языковой интерес.

В ходе анализа было обнаружено, что в русском языке второй половины XVIII в. модель управления (МУ) одного и того же глагола могла быть вариативной. При этом разные варианты маркировали разные идиомы.

Анализ «Слов» выявил следующие особенности системы управления в языке Тихона Задонского:

1. В 100% случаев Тихон предпочитает книжную МУ нейтральной:

«Тот **ему** работает» (нейтральная МУ – «тот работает **на/у него**»); в Елизаветинской Библии читаем: «Никтоже может двема **господинома работати**» (Мф, 6:24). Ср. пример из НКРЯ: «мы **работаем на столяра**»¹;

«Не отреклся ли **Христа**» (нейтральная МУ – «отреклся **от Христа**»); в Словаре Академии Российской находим: «Буихъ и не наказанныхъ **стязаний отрицайся**» (Тим. 2:23); у Карамзина фигурирует другой вариант: «**отрицаться от учения истины**»².

Как мы видим, граница между двумя идиомами – книжным и нейтральным – проходит, в том числе, по линии глагольного управления.

2. Имеет место грамматическая интерференция с латынью³. Предлог *от* получает значение субъекта и инструмента – по аналогии с его латинским соответствием *a (b)*:

I. Субъект: «посмеваем был **от** неблагодарного ученика», «продан был и предан и **от** прочих учеников». В учебнике латыни Василия Лебедева читаем: «Laudatur **ab his**, culpatur **ab illis**» [Похваляем **от одних**, обвиняем **от других**]⁴. Здесь

имеет место еще и совпадение по смыслу (видимо, случайное) между русским и латинским примерами.

II. Инструмент: «обновляемся **от** причастия», «веру **от** дел покажем». Из того же учебника: «Anima calet **ab** ipso **spiritu**» [Душа греется **от** тепла].

3. Управление глагола может быть вариативным.

I. Глагол *избавиться* в языке Тихона Задонского имеет две МУ – русскую и латинскую: «христианин избавился **было от** работы и пленения» vs «**бедствия** избавились **мь**». Ср.: «...ваше сильное ходатайство может меня **от всего** скоро **избавить**» (М.В. Ломоносов. Письмо И.И. Шувалову от 1759.07.08) и из грамматики Лебедева: «Meliades, **captis absolutis**, pecuniae mulctatus» [букв. Мильтиад, освобожденный смерти, наказан штрафом]. Лебедев указывает, что «при глаголах... *освобождения* поставляется имя *в родительном*». Предлог при этом не используется.

II. Глагол *креститься* в языке Тихона имеет две МУ – с омиссивом и без него: «крестились мы **во имя** Троицы» vs «крестились мы **в Бога**». Омиссив – это падежная форма, которая опосредует синтаксическую связь между предикатом и аргументом, при этом наличие или отсутствие омиссива не влияет на состав пропозиции. В данном случае омиссив – «во имя».

4. Выбор той или иной МУ является смыслообразительным, то есть управление напрямую связано с семантикой глагола. Так, МУ «примириться **с кем-либо**» подразумевает равноправные отношения между участниками ситуации (субъект и второй субъект), а МУ «примириться **кому-либо**» – иерархические (субъект и контрагент). Таким семантическим различием обусловлен выбор МУ в сочетании «крещением примирились Богу», что значит «Бог даровал нам прощение». САР приводит пример: «**Примирихомся Богу** смертью сына его» (Римл. 5:10). Ср. пример из НКРЯ: «примириться в лице моем с Казенною палатою посредством Куракина» (из уже цитированных мемуаров Долгорукова). САР объясняет разницу между двумя МУ расхождением в значении и принадлежностью к разным идиомам: «В церковном наречии... получаю прощение от Бога» – таково значение варианта

с беспредложным управлением («примириться кому-либо»). Таким образом, четкое распределение разных МУ по идиомам имеет место и в случае глагола *примириться*.

5. Тихон использует ряд специфических МУ, которые маркируют книжный идиом: «освободившийся исходит **на** свободу», «посмотрим **силу** святого крещения» (вместо «**на** силу»). Ср. примеры из корпуса: «выходит опять **на свободу**» (П. С. Батурин «Исследование книги О заблуждениях и истине», 1790), «**посмотрим на** мое внутреннее **положение** в семействе» (из мемуаров Долгорукова).

6. Для выражения сложных смыслов, не имеющих традиционного языкового оформления, Тихон может создавать новые МУ, изменяя пропозицию глагола: «успеваем **в человека** духовнаго» вместо «успеваем **в человеке** духовном». Вместо валентности содержания в предложном падеже (ср. «успевать в учебе») замещается валентность контрагента в родительном падеже. Таким образом, категория управления может обладать и словообразовательным потенциалом.

7. Управление выступает как зона грамматической вариативности. Автор, в зависимости от своего выбора, может маркировать принадлежность текста к тому или иному идиому. В русском языке XVIII в. и, в частности, в языке Тихона Задонского, глагол мог иметь разные МУ. Различия между вариантами – грамматические, семантические, стилистические – оказываются взаимосвязанными и образуют своего рода систему. Например, если Тихон выбирает беспредложную МУ глагола *примириться* (кому-либо), то данному выбору соответствует определенная семантика («получить прощение»), а также стилистическая характеристика (стиль церковных книг). Исследование управления позволяет определить лингвистическую стратегию (выбор идиома) и лингвистическую компетенцию автора (интерференция с латынью). А в условиях языковой стратификации общества, когда знания разных языков и владение разными идиомами были строго распределены по сословиям, – также установить социальную принадлежность автора (например, латынь была языком образованного духовенства).

Примечания

¹ См. в НКРЯ: *Долгоруков И. М.* «Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни», 1788–1822.

² См. в НКРЯ: *Карамзин Н. М.* «Письма русского путешественника», 1793.

³ Отсутствие аналогичных МУ в церковнославянском языке было установлено на базе данных НКРЯ.

⁴ «Краткая грамматика латинская в пользу учащагося латинскому языку Российского юношества, переведенная Академии Наук Переводчиком Василием Лебедевым» (1808). Грамматика имела высокий статус, М. В. Ломоносов в 1758 г. рекомендовал ее «для порядочного обучения академических гимназистов». Цитаты даются по изданию 1808 г., потому что именно оно оцифровано. Оно повторяет переиздание 1762 г. (первое издание – 1746 г.). Тихон, вероятнее всего, обучался именно по грамматике Лебедева.

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.2.10

М.А. Гаврилков

Функциональность цитатного пространства «Стязания о известном иночьскомъ жительство...» Максима Грека

Ключевые слова: книжность, Максим Грек, функциональность, спасение, цитатное пространство.

Произведение Максима Грека «Стязание о известном иночьскомъ жительствѣ, лица же стязующихся Филоктимонѣ да Актимонѣ, сирѣчь Любостязательнии да Нестязательнии» организовано в форме диалога. Полемический характер обусловлен в том числе влиянием Дж. Савонаролы. Максим Грек композиционно выстраивает диалог с интенцией правоты Актимона: говорить начинает Филоктимон, но заканчивает всегда Актимон как в прениях по отдельным темам, так и в целом диалоге. Спор ведется об иноческом жительстве, и базируется на толковании мест Священного Писания. Характерен объем цитатного пространства, которым наделяются

Филоктимон и Актимон. Первому предоставляется заметно меньше места, чем второму.

Максим Грек пишет для «внимающих», перед читателем ставится задача постичь многогранность текста. Для выявления и структурирования цитатного пространства произведения требуется его нелинейное прочтение. Цитатное пространство изучаемого текста не является единым последовательным фрагментом ни с точки зрения структуры, ни с точки зрения тематики. В тексте темы проговариваются несколько раз.

Филоктимон начинает с обвинения нестяжателей в злословии в адрес тех, кто не подает милостыню, в их скитаниях, тогда как стяжатели имеют всего вдоволь и могут посвятить все свое время пению и молитве. Это первое обвинение Актимон оставляет без ответа до своего пространного обличения. Он не только не отвечает, но и в свою очередь обвиняет Филоктимона. Любостяжатель ссылается на Ветхозаветные авторитеты (Авраам, Исаак, Иаков, Давид, Самуил). Нестяжатель ссылается на Псалтырь, Новый Завет и раннехристианские авторитеты (Павел Фивейский, Антоний, Пахомий, Евфимий, Савва Освященный).

В центре диалога находится тема богатства и его разное понимание Филоктимоном и Актимоном, оно оценивается по-разному. Филоктимон, ссылаясь на ветхозаветные авторитеты, определяет богатство как неотъемлемую часть праведной жизни. Актимон приписывает богатству исключительно благотворительную функцию: оно должно быть полностью роздано нуждающимся (нищим).

Нестяжатель выстраивает определенный путь, которым должен следовать праведный инок. Выявить этот путь позволяет упорядочивание цитат согласно тематической иерархии, заданной доминантной функцией. Первая цитата располагается в конце диалога. Текст заканчивается репликой Актимона, которая расчленяется на две части: первая обращена к Филоктимону и являет конечный аргумент против стяжательства, вторая обращена к читателю и заканчивается цитатой из 4 Слова «Лествицы» Иоанна Синайского «О Блаженном и приснопамятном послушании»: «отвращаяся обличению отчаяль есть своего спасения»¹.

Отсюда и начинается праведное иноческое житие: с обличения и признания содеянного греха. Признание ведет к дальнейшему исправлению. Сначала через освобождение от связи с богатством (Пс. 61:11). Потом через требование раздать все имущество (Мф 19:21). Это приводит к следующему шагу – обретению совершенства (Мф 5:48), которое ведет к Царствию Божию (Мф 11:12), Царство Божие есть спасение.

Так, нелинейно прочитанное цитатное пространство выстраивает путь праведного инока, путь исправления, на который должны встать стяжатели: обличение в грехах, признание обличения, отказ от богатства, его полная раздача нуждающимся, достижение совершенства и спасение.

Конфессиональная культура определяет функциональную задачу книжности: она должна служить спасению души. Максим Грек, цитируя Священное Писание, наделяет цитатное пространство доминантной функцией достижения спасения. Она выявляется при нелинейном прочтении текста и установлении последовательности использованных в произведении цитат.

Примечания

¹ Преподобный Максим Грек. Сочинения / отв. ред. Н. В. Сеницына. М., 2014. Т. 2. С. 230.

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.2.15

А.К. Поливанова

Писцы и филигрانی Егоровско-Барсовского хронографа конца XVI в.

Ключевые слова: древнерусский язык, рукопись, XVI век, хронограф, акцентуация, филигрانی.

Данный доклад посвящен двум рукописям конца XVI в., содержащим текст Русского хронографа в редакции 1512 г.

Хранящиеся ныне в двух разных рукописных собраниях Москвы, они были определены как части единого целого в работе М.В. Щепкиной и Т.Н. Протасьевой¹, однако не были прежде полноценно описаны.

Первой половиной двухчастного хронографа, которую я буду далее называть *Егоровским хронографом*², является лицевая рукопись № 202 из собрания Е.Е. Егорова, хранящегося в Российской государственной библиотеке, а второй частью – хронограф № 1695 из собрания Е.В. Барсова в Государственном историческом музее (далее – Барсовский хронограф)³.

Егоровский хронограф с разных точек зрения изучали Л.Н. Пушкарев, Ю.Д. Рыков, Г.П. Георгиевский, Б.М. Клосс, А.А. Зализняк. Барсовский хронограф не привлекал внимания исследователей.

Я обратилась к данной теме из-за выявления различий в языковых особенностях писцов Егоровского и Барсовского хронографов: изученная мною акцентная система глаголов и существительных Барсовской рукописи показала существенные отличия от языка Егоровской⁴.

В данном докладе я сопоставлю филиграни, почерки, орфографию и язык двухчастного хронографа.

Егоровский хронограф – рукопись большого формата, 1°, содержит 1442 листа, роскошного оформления. Написана крупным красивым полууставом.

Хронограф иллюстрирован, но не до конца: по подсчету Г.П. Георгиевского выполнено 1261 миниатюра и 700 свободных мест оставлено под миниатюры⁵.

Егоровский хронограф написан на бумаге одного сорта с филигранью, изображающей два перевитых между собой столба, увенчанных короной. Столбы стоят на рамке, в которой, вероятно, было написано имя изготовителя бумаги, которое не поддается прочтению.

Хронограф написан полууставом одним почерком (А), за исключением нескольких листов, полностью написанных двумя другими почерками.

По содержанию Егоровский хронограф доходит до Рождества Христова.

Егоровский хронограф акцентуирован примерно на 50 процентов. Акцентуация рукописи подробно рассмотрена А.А. Зализняком: это одна из многочисленных рукописей, на материале которых написана книга «От праславянской акцентуации к русской»⁶, ее материал вошел и в акцентологический словарь древнерусского ударения⁷.

Барсовский хронограф – рукопись большого формата, 1°. Содержит 1338 листов. Написана крупным полууставом, одним почерком. Как удалось установить, это один из дополнительных почерков Егоровского хронографа.

Хронограф написан на бумаге семи сортов. Основная часть рукописи написана на бумаге с той же филигранью, что и в Егоровском хронографе. Исключение составляет 21 лист, среди которых представлено еще шесть видов бумаги. Одну из них удалось точно определить, как «топор»: Филигрань 7 см на 5 см. Польский герб Топор, с полумесяцем наверху, в картуше. Идентична филиграни № 1700 по каталогу Э. Лауцявичюса, представленной в литовских рукописях из Тракая 1593 г. и из Расейня 1594 г.⁸

Барсовский хронограф должен был быть иллюстрирован – в начале и в конце глав оставлены места для миниатюр.

Барсовский хронограф начинается 110-й главой и заканчивается 208-й. В этих 99 главах хронологически последовательно, без пропусков, изложены события всемирной и восточнославянской истории от Рождества Христова до взятия Константинополя, что соответствует второй половине Русского хронографа первой редакции 1512 г.

Рукопись хорошо акцентуирована, примерно на 70 процентов. По классификации А.А. Зализняка, акцентную систему глаголов Барсовского хронографа следует отнести к западной зоне.

Несмотря на то, что Егоровско-Барсовский хронограф это одно целое, из данного выше описания видно, что у этих рукописей есть целый ряд различий. Это и бумага, и почерк, и акцентная система, и нумерация глав.

Тому, что Егоровский хронограф красиво иллюстрирован, в то время как Барсовский только был для этого подготовлен, находится довольно простое объяснение. Отсутствие миниатюр с 804 листа в Егоровском хронографе и во всем Барсовском хронографе, по предположению А.А. Турилова, объясняется наступившей во время работы над двухчастным хронографом смертью Федора Иоанновича, после чего надобность в лицевом хронографе отпала и художник прекратил свою работу.

Примечания

- ¹ Щепкина М. В., Протасьева Т. Н. Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958. С. 54–55.
- ² Егоровский хронограф // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 98 (Собрание Е.Е. Егорова). № 202. Хронограф. Конец XVI в. Бумага, 1^о. 1442 л.
- ³ Барсовский хронограф // Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея. Собрание Е.В. Барсова. № 1695. Хронограф. Бумага, 1^о. 1338+3 л.
- ⁴ Поливанова А. К. Акцентуация *i*-глаголов в хронографе XVI в. из собрания Е. В. Барсова // *Slověne = Словѣне*. 2018. Vol. 7. № 2. С. 47–61.
- ⁵ Георгиевский Г. П. Русская миниатюра XVI века // Владимиров М., Георгиевский Г. П. Древнерусская миниатюра: 100 листов миниатюр с описанием и статьями. М., 1933. С. 36.
- ⁶ Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- ⁷ Зализняк А. А. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М., 2014.
- ⁸ *Laucevičius E. Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Vilnius, 1967. P. 125–126, 197; Eadem. Popierius Lietuvoje XV–XVIII a.: Atlasas. Vilnius, 1967. P. 230.*

ЯЗЫК И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.2.11

Я.Б. Яхонтова

Календарные праздники помаков префектур Родопы и Ксанти

Ключевые слова: помаки, Рамазан, Курбан-байрам, Эдрелес, Крещение.

Помаки – этнические болгары, исповедующие мусульманскую религию, населяющие Родопы (Болгария), а также такие территории Греции, как префектуры Родопи, Эврос и Ксанти. Согласно статистическим данным, население Восточной Македонии и Фракии составляет 611 000 жителей, среди которых насчитывается примерно 36 000 помаков¹. Помаки говорят на помакском языке, который, по определению А.Д. Дуличенко, является микроязыком, развившимся из диалекта болгарского языка, а также на турецком и греческом языках. Использование трех разных языков обусловлено сложной этнокультурной ситуацией в регионе их проживания, о которой пишут Е.С. Узенева², К.А. Климова³. Существуют различные версии происхождения названия *помак*. Согласно одной из них, оно восходит к лексеме *απόμαχος*⁴.

Цель данной работы – представить календарные праздники помаков, проанализировать структуру обрядов, а также календарную обрядовую лексику. Статья базируется на материалах, собранных в 2003 и 2013 гг. и хранящихся в архиве Университета имени Демокрита (Фракия), которые автор работы исследовал в 2018 г. Обращаем внимание, что при записи обрядовых терминов использована греческая графика. Это обусловлено тем, что работы по помакским праздникам написаны на греческом языке, а также и тем, что сами помаки

используют греческую графику. Например, мы рассмотрим праздники *Ντάσκατα* (dáskata), *Μάρτ νιοκούζ* (márt dokúz), *Μπάμπινι νεντέ* (bábiní dedé), *Εντρελές* (edrelés), *Χάτεμ* (hátem), *Γκοβεέμ* (goveém), *Ραμαζάν* (ramazán), *Κουρμπάν Μπαϊράμι* (kurbán bairámi). Праздники приведены в хронологическом порядке, как они следуют в календаре.

▪ *Ντάσκατα* (dáskata) – обряд, который восходит к православному празднику Крещения и отмечается 6 января. Этимология названия возводится к помакскому *νιάσκα* (dáska) «крест». В этот день помаки, подобно христианам, собираются возле реки или любого другого источника и бросают в воду крест. В деревне Демерджик префектуры Родопи праздник Крещения называется *Βόνιτσα* (vódit̥sa), что происходит от помакского *βόντα* (vóda), а крест, который бросают, называется *κόρστ* (kórst). По мнению греческих исследователей, данный обычай связан с тем, что уважение к символу креста продолжило существовать после исламизации населения, а название креста было заменено лексемой *νιάσκα* (dáska), чтобы скрыть положительное отношение к христианскому символу⁵. Данный обычай существует на всей территории Греции⁶ и является одним из реликтов православия у помаков.

▪ *Μάρτ νιοκούζ* (márt dokúz) – первые девять дней марта, в течение которых жители деревни собирают сухие ветки и сено, разводят костры, прыгают через них, чтобы не кусали блохи и вши. Данное действие восходит к общегреческому обычаю жечь костры в последнее масленичное воскресенье⁷. В Дарнашских селах, принадлежащих префектуре Серрес Северной Греции, был зафиксирован обычай прыгать через масленичный костер, произнося при этом «*Έξω, ψύλλοι και κουρούι, μες υγεία και χαρά!*» [Пошли вон, вши и блохи, пускай придут здоровье и радость]⁸.

▪ *Μπάμπινι νεντέ* (bábiní dedé) «бабьи дни» – последние три дня марта. Считается, что это плохие дни, и даже если в какой-либо из этих дней небо чистое, внезапно может пойти снег⁹. Это поверье связано с легендой о Бабе Марте, известной на территории Северной Греции и всех Балкан. Согласно данной легенде, некая старуха в один из мартовских

дней поднялась в горы со своими козами. Она решила подразнить месяц март, сказав ему «*Πριτς-Μαρτς*» (prits-marts) [пшик-март, март-пердун], за что тот отомстил ей. Он взял у февраля один холодный день, чтобы заморозить старуху и коз. Поэтому, согласно легенде, в феврале такое малое количество дней¹⁰.

▪ *Εντρελές* (edrelés) – праздник весны, общий для мусульман на Балканах, а именно для цыган и исламизированных славян, который отмечают 6 мая. Его генезис восходит к празднованию дня Святого Георгия. В деревне Митика префектуры Родопи было зафиксировано название *Χιδρελές* (hidrelés)¹¹, которое объясняется именами пророков Хитзир (*Χιτζίς*) и Илии (*Ηλίας*). Разыгрывается представление: юноша, переодетый в пророка Хитзир, предстает перед народом и просит милостыню. Сохраняется запрет на работу, работать в этот день считается плохим знаком. Цель праздника – организовать знакомство и общение юношей и девушек села. В рамках праздника проводится обряд, обозначающийся греческой лексемой *κόυνιες* (kúnies) «качели»: собираются юноши и девушки села, привязывают к деревьям простыни или веревки, на которых потом раскачиваются. В день праздника девушки села собираются за его пределами, и варят зерна кукурузы, которые потом делят между жителями села. Данное блюдо называется *κόλυβ* [kóliv], что восходит к греческой лексеме *κόλλυβο* (kólivo), обозначающей блюдо из вареной пшеницы, которое употребляют в пищу на поминках или на праздниках некоторых православных святых¹².

▪ *Γκοβεέμ* (goveém). Данной лексемой жители помакских деревень обозначают христианскую Пасху. Лексема имеет прямое значение ‘поститься’ и, очевидно, восходит к глаголу *говеть*. Значение ‘разговляться’ помаки выражают при помощи лексем *ραζγκοβιαβάμε* (razgovíávame) и *κόμκασε σε* (kómkase se). Этимологию второй лексемы, которая также имеет значение ‘мыться’, установить не удалось. В день Пасхи бабушки говорят детям: «*Έλα να σε κόμκασε*» (éla da se kómkase) [иди помойся]. Это объясняется тем, что необходимо очистить душу и тело¹³.

▪ *Ραμαζάν* (ramazán) «Рамазан» – месяц поста, подвижный праздник. До захода солнца запрещено курение и распитие спиртных напитков. Жители села на протяжении всего месяца относят еду в мечеть, чтобы ей угостились случайные посетители. В конце месяца читается особая молитва для мужчин в мечети. По возвращении из мечети домой младшие члены семьи целовали руку старшим. В свою очередь, старшие дарили им подарки или деньги. Затем на протяжении трех дней совершались походы в гости и застолья¹⁴.

▪ *Κουρμπάν Μπαϊράμι* (kurbán bairámi) «Курбан-байрам» – подвижный праздник, отмечается через семьдесят дней после Рамазана. Связан с библейской легендой о том, как Авраам решил принести в жертву Исаака. В этот день режут жертвенное животное (барана или козу). Также устраивается карнавал. Переодевается группа молодых людей, один из которых носит костюм невесты. Они обходят деревню и собирают деньги на нужды местных футбольных команд¹⁵.

Таким образом, помаки отмечают мусульманские праздники, являющиеся частью их официальной религии (Размазан, Курбан-байрам), христианские праздники, которые трансформировались в народные гуляния помаков и не связаны с их религией: *Ντάσκατα* (dáskata), *Εντρελές* (edrelés), *Γκοβεέμ* (goveém), а также общебалканские типологические праздники, не приуроченные к какой-либо религии: *Μάρτ Ντοκούζ* (márt dokúz), *Μπάμπινι ντεντέ* (bábinι dedé). Обрядовые лексеммы, соответственно, восходят к болгарскому языку, турецкому языку, что обусловлено официальной религией данной этнической группы. Также в обрядовой лексике помаков встречаются некоторые греческие слова, что связано с проживанием большого процента помаков на территории Греции.

Примечания

¹ *Adamou Evangelia*. Social Networks in Greek Thrace: Language Shift and Language Maintenance // *Balkan Encounters – Old and New Identities in South-Eastern Europe* / ed. by Jouko Lindstedt, Max Wahlstrom. Helsinki, 2012. P. 7.

- ² *Узенева Е. С.* Религиозный синкретизм на Балканах: культовые места болгар-мусульман (Северная Греция) // Балканский тезаурус: коммуникация в сложно-культурных обществах на Балканах / под ред. И. А. Седаковой, М. М. Макарецца, Т. В. Цивьян. М., 2019. С. 133–136.
- ³ *Климова К. А.* Переключение кодов в речевом поведении помаков Ксанти (Северная Греция) // Балканский тезаурус: коммуникация в сложно-культурных обществах на Балканах / под ред. И. А. Седаковой, М. М. Макарецца, Т. В. Цивьян, М., 2019. С. 102.
- ⁴ *Μέκος Ζ. Κ.* Οι Πομάκοι στη Θράκη Θεσσαλονίκη, 2001: Ηρόδοτος, σελ. 20.
- ⁵ *Κόνιαρη Γεωργία, Σαλήμ Οζγέ.* Οι Πομάκοι της Θράκης, Κομοτηνή, 2013, σελ. 35–36.
- ⁶ *Μέγας Γ. Α.* Ελληνικές γιορτές και έθιμα λαϊκής λατρείας: Οδυσσεάς, 1992, σελ. 54.
- ⁷ *Μέγας Γ. Α.* Ζητήματα ελληνικής λαογραφίας: Αθήνα, 1950, σελ. 9.
- ⁸ Из личного архива автора.
- ⁹ *Μέγας Γ. Α.* Ζητήματα ελληνικής λαογραφίας. С. 35.
- ¹⁰ *Зайковская Т., Зайковский В.* Этнолингвистические материалы из Северной Греции (с. Эратира, округ Козани) // Исследования по славянской диалектологии. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001. С. 152–182.
- ¹¹ *Χασάκογλου Αλιέ.* Μύτικα Ροδόπης, Κομοτηνή, 2003, σελ. 77.
- ¹² *Κόνιαρη Γεωργία, Σαλήμ Οζγέ.* Οι Πομάκοι ... σελ. 34.
- ¹³ Ibid. С. 35.
- ¹⁴ *Χασάκογλου Αλιέ.* Μύτικα... σελ. 70–72.
- ¹⁵ Ibid. С. 73.

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.2.12

Е. Н. Струганова

Стихия земли в болгарской культуре в свете аксиологии*

Ключевые слова: этнолингвистика, народная аксиология, земля, балканистика.

Земля является одним из первоэлементов¹ и занимает важное место в конструировании болгарской модели мира.

* Статья написана при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант 18-512-76003) в рамках Программы ERA. Net. RUS Call 2018 (проект № 472-LED-SW).

Другие природные стихии (огонь и вода) получают четкую амбивалентную оценку, в то время как земля словно находится в нейтральном модусе и тяготеет к положительному. Она относится к сфере хтонического (является местообитанием хтонических существ – змей, жаб и пр.) и ассоциируется со смертью; сама земля при этом не получает отрицательной оценки: например, считается крайне важным, чтобы земля приняла покойного. В народной культуре смерть, если она наступает в пожилом возрасте, не оценивается отрицательно². Кроме того, земля связана с плодородием: его обеспечению уделяется значительное внимание. Наряду с огнем и с водой, земля сакрализуется.

Создание земли равносильно сотворению мира целиком, что находит отражение в этнографических и фольклорных источниках. В данной статье использован материал рукописных дипломных работ из архива Ст. Романского, хранящихся в библиотеке Софийского университета «Св. Кл. Охридски», относящихся к первой половине XX в. Согласно этимологической легенде из обл. Софии, весь мир изначально был покрыт водой и, чтобы создать землю, Господь попросил дьявола нырнуть и достать горсть песка со дна моря. Из этого песка он сотворил сушу³. Земля не имеет конца: дьявол хотел сбросить Бога в море, но куда бы он ни пошел, везде была суша, которая не кончалась. Поэтому земля такая большая, что человек будет идти и за всю жизнь не сможет ее обойти. При этом земля плавает «как лодка в воде»⁴. Тем, что земля плавает по воде, в народном сознании объясняется наблюдение: когда копают землю, всегда начинает течь вода⁵.

Особый интерес вызывают представления о землетрясениях. В обл. Софии полагают, что в воде плавают не только наша земля, но и другие земли, которые могут сталкиваться между собой⁶. Согласно другим поверьям, земные недра населяют различные мифические существа. Например, бытует представление, что землетрясения вызваны движениями буйвола – он чешется о столбы, на которых покоится земля⁷. Землетрясения также могут объясняться движениями петуха, держащего землю на своей спине⁸. По другим сведениями

(из обл. Самокова), под землей живет водный бык, на рогах которого стоит земля⁹. Когда он сердится, он начинает метаться, из-за этого земля приходит в движение¹⁰. В литературе, посвященной водному быку, отмечается, что место обитания данного персонажа – водные источники, он настроен к людям враждебно и может вызывать наводнения¹¹.

Земля занимает особое место в похоронном обряде, в традиционных представлениях она связывается со смертью (ср. проклятие *махнала те земята* букв. «пусть тебя заберет земля» – пожелание смерти). В обл. Софии отмечен обычай класть землю на умирающего, чтобы облегчить его предсмертные муки¹². Также для облегчения агонии человека могут положить на пол, объясняя это тем, что на полу легче выходит душа¹³. Земля тесно связана с пахотой, поэтому и в погребальной обрядности проявляется эта связь: для облегчения смерти на умирающего надевают ярмо¹⁴. В контексте смерти земля воспринимается как живое существо, которое может как принять покойного, так и отвергнуть его, что выражается в проклятии *дано та земята не прибере* (рус. «чтобы земля тебя не приняла»)¹⁵.

Плодородие земли является одной из ключевых ценностей в народной аксиологии. В весенние календарные праздники совершаются процессии, участники которых обходят ниву во главе со священником, он читает молитвы и кропит святой водой, чтобы посевы не побил град или чтобы они не пострадали от других бедствий (наводнения, засухи). После такого обхода устраивается совместная трапеза всех жителей села¹⁶.

В магических действиях земля используется наряду с огнем и водой. Обычно предметы, с помощью которых хотят произвести определенный эффект, закапывают в землю. Так, жена одного офицера хотела убить его любовницу и попросила об этом колдунью. Та насыпала соль в обувь этой женщины и закопала в землю. Когда исчезла бы вся соль, умерла бы и любовница (обл. Костура; по данным 1937 г.)¹⁷. Закапывание в землю порой приравнивается к пусканию предметов по воде – оно может практиковаться с продуцирующей целью. Например, когда закапывают ягненка на Юрьев

день, стараются, чтобы кровь стекала либо в землю (после чего ее закапывают), либо в реку – тогда овцы будут вестись и у них будет много молока. С той же целью кости ягненка закапывали в муравейник¹⁸. Выкопанные из могилы украшения считаются лечебными¹⁹.

В народных верованиях отмечена особая аксиология «сакральности» земли: ею клянутся, ее целуют, берут с собой в путешествия, привозят землю со святых мест и т.д.

Данные факты свидетельствуют о нейтральной или скорее положительной оценке земли в болгарской народной культуре. Сама земля является безусловной ценностью (благом-носителем ценности по Е. Бартминьскому)²⁰, так как она дает урожай, принимает в себя покойных, служит местом жизни всех людей. От нее может исходить опасность – наводнения, землетрясения – но сама земля при этом отрицательной оценки не получает.

Примечания

¹ Белова О. В., Виноградова Л. Н. Земля // Славянские древности. Т. 1–4. М., 1999. Т. 2. С. 315.

² Левкиевская Е. Е. Покойник «заложный» // Славянские древности. Т. 1–4. М., 2009. Т. 4. С. 119.

³ Рукописные дипломные работы из архива Ст. Романского (далее – РКС) 1; РКС 235.

⁴ РКС 1.

⁵ РКС 235.

⁶ РКС 1.

⁷ РКС 192.

⁸ РКС 192.

⁹ РКС 383.

¹⁰ РКС 146.

¹¹ Малчев Р. Р. Агиология и демонология. Напряжения в структурата на фолклорната вяра. София, 2017. С. 40; Седакова И. А., [рец. на] Малчев Р. Агиология и демонология. Напряжение в структуре фольклорных верований // Славяноведение. 2018. № 6. С. 117–119.

¹² Софийски край: етнографски и езикови проучвания / под ред. Ст. Генчев. София, 1993. С. 221

¹³ Вакарелски Х. Етнография на България. София, 1977. С. 490.

¹⁴ Там же.

¹⁵ РКС 172.

¹⁶ РКС 268.

¹⁷ РКС 374.

¹⁸ Софийски край: етнографски и езикови проучвания / под ред. на Ст. Генчев. София, 1993. С. 252.

¹⁹ Вакарелски Х. Етнография на България. София, 1977. С. 493.

²⁰ Бартминьский Е. Проект и общие принципы аксиологического словаря // Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005. С. 117.

DOI: 10.31168/2619–0869.2019.2.13

А.П. Якимова

Заемствования в болгарской народной лексике одежды

Ключевые слова: этнолингвистика, Болгария, лексика одежды, традиционная культура, традиционная одежда болгар, заимствования.

Исследуемая лексика – это около 200 заимствованных терминов, которые входят в словарь терминологии болгарской народной одежды, составленный автором доклада на основе этнографических и лексикографических источников и специальных исследований по народному костюму. Он содержит более 1100 лексических единиц и еще не является полным. Представленная в нем лексика была распространена в Болгарии до 30–40 гг. XX в. и отражает языковую ситуацию XIX – начала XX в.

Наибольшее количество заимствований – тюркизмы, проникшие в болгарские диалекты из турецкого языка. Объем лексики турецкого происхождения постоянно нарастал примерно до первой половины XIX в.¹ При этом сам турецкий язык принял множество заимствований из персидского: около 90% словарного состава болгарского языка в XVI и XVII в. было арабо-персидского происхождения². Посредством турецкого влияния в болгарский проникли слова (и сами обозначаемые

ими предметы) иранского происхождения: верхняя одежда *контош* < от тур. *kontoş* < перс. *kontōs* – «косой, короткий»; головной убор *тюлбен* < тур. *tülbend* < перс. *dulbend* «ткань из крапивы».

Другой обширный пласт заимствований в лексике одежды – грецизмы. Это связано с ролью греческой церкви в образовании и культуре Болгарии, территориальным соседством и общими торговыми путями. Некоторые греческие заимствования уходят корнями в латинский язык, как, например, название гетр – *калци* (Добруджа), которое происходит от греческого *κάλλια*, которое, в свою очередь, восходит к лат. *calceus* «обувь»³.

Заимствований из других языков заметно меньше. Через румынский язык пришли термины одежды из французского и немецкого: женский жилет *лайбер* (Банат) < нем. *Leibel*, *манта* – безрукавка (Ботевград) < рум *mántăa* < от франц. *mantele* «плащ». Встречаются названия арумьнского происхождения – верхняя одежда *киптар* (арум. *kiptár* < *keptu* «грудь»⁴), венгерского – *бундаш* (< венг. *bunda* «кожух»⁵) и других.

В период Болгарского возрождения первые представители интеллигенции ратовали за очищение языка от большого количества заимствованных слов. Так, в «Филологическом предуведомлении» своей грамматики Неофит Рыльский призывал: «Турецкие и некоторые греческие слова, употребляющиеся в настоящее время во всей Болгарии, по возможности должны быть истолкованы равнозначащими славянскими или русскими»⁶. Однако в области наименований одежды такой призыв сложно реализовать: одна из основных причин заимствования – это потребность дать наименования новым предметам, новым материалам или технологии изготовления одежды. Так, термин *мелезнак* «платок из шелково-хлопковой ткани» (город Сливен) происходит от тур. *melez* – «смесовой, двусоставный», при этом платок из толстой ткани обозначается болгарским названием *дебеларка*.

Существенными факторами заимствований могли быть и экстралингвистические причины. Через южную границу Болгарии проходили торговые пути – с Востока они вели

через Стамбул (Константинополь в прошлом), Софию (Средец до XIV в.) и Велико Тырново в Европу. Именно этими путями могли, например, попасть в Велико Тырново и другие населенные пункты такие термины как *драменкь* «головной убор, платок» названный так по греческому городу Драма⁷, где было развито текстильное производство. К социальным факторам, обуславливающим заимствования, относится и положение болгар в Османской империи, когда турецкое население было наделено привилегиями, и турецкий костюм считался более престижным. Этим объясняется и подавляющее количество заимствований среди терминов мужской одежды: *елек*, *джамадан*, *аба*, *ентерия*, *потури* – это важные элементы мужского костюма имеют турецкое происхождение и наименование.

Термины иноязычного происхождения распространены по всей территории Болгарии, но в разных лексико-семантических группах (ЛСГ) названий одежды наблюдается разное соотношение заимствованной и собственно болгарской лексики. Особенно много заимствований, как уже было сказано, в наименованиях мужской одежды. Например, из 40 терминов мужских штанов 31 наименование заимствовано или мотивировано заимствованием. А в ЛСГ «женская рубашка» – прямое заимствование только одно – *покамиса*⁸, из греческого, а турцизмы вообще отсутствуют.

Заимствованную лексику одежды можно разделить на две группы, в зависимости от степени освоенности языком. Первую группу составляют слова, пришедшие в болгарскую культуру вместе с новыми предметами одежды. Это, как правило, транскрипции иноязычных терминов. Таковы, например, *салтамарка* (верхняя одежда < тур. *saltamarka* – «короткая морская одежда»⁹), *гунела* (от итал. *gonnella* через греческий «верхняя женская одежда»¹⁰). Во вторую группу входят термины, образованные от иноязычных слов, но оформленные болгарскими суффиксами, как в случае с названием шапки *келепош* > *келепошка* «детская или обветшалая шапка» от тур. *kelepoş* – «шапка, которая носится под феской»¹¹.

Лексические заимствования мотивированы способом изготовления предметов одежды, использованием украшений

и материалов, которые имеют иностранное происхождение. Так, название верхней женской одежды *гриж* мотивировано наименованием итальянской ткани (от итал. *griso* – «тяжелый серый плат»)¹²; название *диплен сукман* производно от *дипла* «складки» < греч. Δίπλα – «складка»¹³ (с помощью суф. *-ен*); термин *гюслук* «куртка» состоит из тур. *гююс* диал. «грудь» < тур. *göğüs* – «грудь»¹⁴; и суф. *-лук*; название *каръчка* «мужская куртка, украшенная синим шнуром похожим на бороздь» образовано от *карък* – «бразда» < тур. *karik* – «бразда»¹⁵ и суф. *-ка*.

Терминология одежды – пласт лексики, в большой степени подверженный заимствованиям. Период Болгарского возрождения характеризуется развитием промышленности, появлением понятия моды, и эти мощные сдвиги в таком привычном и традиционном секторе культуры, как одежда, зафиксированы языком. В докладе представлены лишь промежуточные результаты исследования, еще предстоит большая работа по классификации и картографическому представлению собранных данных.

Примечания

¹ Добрева А. Иранизми в българския език. София, 2008. С. 101.

² Там же. С. 91.

³ Български етимологичен речник / ред. В.И. Георгиев. София, 1979. Т. 2. С. 165.

⁴ Там же. С. 376.

⁵ Български етимологичен речник / ред. В. И. Георгиев. София, 1971. Т. 1. С. 90.

⁶ Кандова Я. Заимствования в болгарском языке. URL: <http://newlit.ru/~kandova/5805-3.html#content> (дата обращения: 01.04.2019).

⁷ Български етимологичен речник / ред. В. И. Георгиев. София, 1971. Т. 1. С. 420.

⁸ Восточные Родопы. Български диалектен атлас. Обобщаващ том. София, 2002. С. 471.

⁹ Български етимологичен речник / ред. М. Рачева, Т.Ат. Тодоров. София, 2002. Т. 6. С. 452.

¹⁰ Български етимологичен речник / ред. В. И. Георгиев. София, 1971. Т. 1. С. 294.

¹¹ Български етимологичен речник / ред. В. И. Георгиев. София, 1979. Т. 2. С. 322.

¹² Български етимологичен речник / ред. В. И. Георгиев. София, 1971. Т. 1. С. 281.

¹³ Там же. С. 304.

¹⁴ Там же. С. 309.

¹⁵ Български етимологичен речник / ред. В. И. Георгиев. София, 1979. Т. 2. С. 259.

Символика образов в деревянной домовой резьбе

Ключевые слова: деревянная резьба, орнамент, традиционная культура, декоративно-прикладное искусство, символика, образ, культурное взаимовлияние.

Языческие культы эхом отдаются в сознании людей и сегодня; эти отголоски можно встретить в народном творчестве, костюме и в домовой резьбе. Орнамент в домовой резьбе запечатлел в себе художественное своеобразие традиции и отголоски языческого прошлого. В традиционной народной культуре дом – это родовой микрокосм, поэтому его старались всячески защитить от различных опасностей, в том числе и от сглаза. Значение домовой резьбы было направлено на привлечение счастья и защиту жильцов от всего негативного. Б.А. Рыбаков писал: «Древнерусский язычник, ожидавший опасности от всего мира, защищался не отдельными элементами, а системой мироздания, взятой не в статике, а в ее естественной, законоустановленной динамике»¹.

По языческим представлениям, мир состоял из нескольких кругов-пространств, центральной точкой которого являлся дом и очаг, от которых и начинался отсчет в пространстве. Поэтому на дом и на бытовые предметы помещали множество защитно-заклинательных символов². Декоративное убранство крестьянской избы было логическим завершением художественно-композиционной системы сооружения. Отдельные элементы декора имели здесь вполне определенное место, выполняя наряду с художественной и утилитарно-тектонические цели³. Старинная резьба отличается цельностью, органичной связью с конструкцией постройки, в ней нет излишней узорчатости. Тот художественный комплекс резьбы, который мы можем видеть на деревянных постройках XIX в., складывался на протяжении длительного периода, различные элементы

этого декора имеют свою историю и время происхождения и связаны с развитием типов построек.

Весь комплекс традиционных мотивов декора жилья можно разделить на знаки: солярные, зооморфные, растительные, орнитоморфные, антропоморфные, терратологические, астральные и геометрические⁴.

Самыми распространенными являются солярные мотивы, украшающие фронтоны домов и наличники и выполняющие охранительную функцию. Как правило, солярным знаком является разнообразно орнаментированная розетка. Основное место расположения образа солнца – это центр фронтона дома, а также *светёлка* и крыльцо. В народном искусстве солнце обозначали по-разному: это мог быть круг, крест, крест в круге, также с солнцем связывали и образ коня. Щипец увенчивался массивным коньком, концам «куриц», держащих водяной желоб, также придавали художественное завершение в виде головы коней.

Растительный орнамент представляет собой плавно завивающийся побег с листьями. Обычно это виноградные гроздья, цветы аканта, мотив «ягодка» и др. Побег с листьями символизирует цветущее райское дерево – также один из древнейших символов.

Зооморфные мотивы в архитектурном орнаменте представлены стилизованными изображениями зверей, чаще всего изображением змей. Например, у славян сохранилась традиция при постройке нового дома рисовать на полу змей. Одним из часто встречающихся зооморфных образов является образ ящера. Особенно этот образ распространен на территории Верхнего Поволжья, в Ростове, на территории проживания мерянских племен. На наличниках Ростова встречаются различные изображения ящера, в основном в виде дракона, с рожками и крылышками. Чаще всего их помещают на навершие, или очелье, лобовую доску наличника, в геральдической композиции.

Одними из самых распространенных являются орнитоморфные мотивы – стилизованные изображения водоплавающих птиц, а также кур и петухов. Общие мифы о сотворении

мира и общие имена богов свидетельствуют о некогда единой мифологической системе финно-угорских племен. Так, у прибалтийских и поволжских финнов и зауральских угров сохранился миф о водоплавающей птице, которая достала землю со дна мирового океана, а также миф о птице, снесшей яйцо, из которого был сотворен мир⁵. Этот миф проливает свет на тот факт, что в деревянной домово́й резьбе столь часто встречаются изображения водоплавающих птиц, а также таких элементов, как утиные или гусиные лапки. Эти образы могли помещаться на навешенные или располагаться по бокам от окна, а символические «утиные лапки» свешивались с кронштейнов или нижней доски наличника, что, в свою очередь, отсылает нас к привескам мерянских шумящих подвесок.

К антропоморфным образам относятся изображения женской фигуры в верхней части наличников. Это древнеславянские образы русалок-берегинь, в отдельных районах Поволжья получившие название «фараонки». В архитектурном декоре избы «фараонки» служили орнаментальным обрамлением слухового окна фронтона дома, либо размещались по бокам *светёлки*, либо располагались в верхней части наличников окон.

Нарядно одетые в резное кружево простые избы напоминают сказочные терема. Украшенные резьбой доски контрастируют с бревенчатой постройкой и выявляют ее основные архитектурные объемы: углубленный в тень фронтон подчеркнут рельефными причелинами, светёлочное окошко обрамлено резным наличником, под лобовой доской располагается лента оконных наличников, а края дома четко ограничены торцовыми досками. Растительный узор, который сплетается из листьев, цветов и ягод, пышными завитками бежит по доскам. А в этот природный растительный орнамент «спрятаны» сказочные фигурки львов, птиц и русалок. Нашей задачей является изучение и сохранение русской деревянной архитектуры, т.к. в ней сосредоточена история, культурная традиция, душа русского народа, и архитектура, и сказка, и красота.

Примечания

¹ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 818.

² Охотина М. Н. Культ коня в позднейший период марийского язычества (XVII – начало XX вв.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 2 (1). С. 197–198.

³ Донцов Э. К., Караськов Г. И., Щербинин П. П. Костромская резьба. Ярославль, 1991. С. 19–28.

⁴ Там же. С. 32–34.

⁵ Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М., 2003. С. 53–54.

Секция
«ЛИТЕРАТУРО-
ВЕДЕНИЕ»

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.3.1

В.И. Федорова

Поэтика повествования от первого лица в польской литературе конца XVIII–XX вв. Проблема автора и героя

Ключевые слова: литературоведение, история польской литературы, анализ художественного текста, нарратология, дискурсные формации, нарративные стратегии.

«Я-повествование», представляя собой особый случай субъектной организации текста, всегда привлекало литературоведов. Однако попыток создать его подробную классификацию, основываясь на соотношении автора и героя, не предпринималось, хотя упомянутое соотношение – одна из актуальнейших проблем текстологии и анализа художественного текста, поскольку до сих пор даже в специальной литературе часто автора и героя в «я-повествовании» не различают.

Чтобы описать поэтику повествования от первого лица с точки зрения этой проблемы, необходимо рассмотреть сложившуюся в нарратологии ситуацию вокруг терминов «автор» («биографический», «эксплицитный», «имплицитный», «абстрактный», «образ автора»), «герой», «рассказчик», «повествователь», «нарратор» («диегетический», «недиегетический», «эксплицитный», «имплицитный») и обозначить существующие подходы к вопросу их разграничения. В этой области наиболее значимыми являются работы таких выдающихся ученых, как М.М. Бахтин, Б.О. Корман, Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпа, Ф.К. Штанцель, Ж. Женетт, В. Шмид и др.

Следующей задачей представляется описать, используя материал польской литературы, некоторые типы «я-повествования», критерием для выделения которых являются отношения автора и героя – двух граней коммуникативного треугольника, особенно важных для повествования от первого лица, так как именно в нем проблема автора и героя приобретает особенно острое звучание в связи с нередким их отождествлением.

«Роман XVIII и первой четверти XIX века говорил в основном от первого лица. Автор вкладывал отчет о событиях, на которых основано действие, и сопутствующих им обстоятельствах в уста героя или наблюдателя, велел им записывать их в дневники, передавать в письмах, а часто и вовсе не утруждал себя обоснованием столь распространенного приема. [...] Нарратор до Соплицы разделял с автором его знание о фактах и его интерпретацию, говорил не за себя, а за него. Если бы такой роман перевести из первого лица в третье, представленная в нем точка зрения, оценки и суждения не претерпели бы существенных изменений»¹.

Вышесказанное может быть совершенно справедливо отнесено к самому яркому прозаическому произведению периода польского Просвещения – роману Игнация Красицкого «Приключения Николая Досвядчинского». Герой проходит огонь, воду и медные трубы, чтобы переродиться и, вернувшись на родину после долгих скитаний, направить силы на ее процветание, а также рассказать нам свою поучительную историю. Основной принцип «нормативного»² повествования в романе не действует: персонаж не знает о себе практически ничего. Создается ощущение, что никакого внутреннего мира у героя нет вообще. Он не чувствует и не переживает, он наблюдает, за собою в частности.

Досвядчинский приближен к тому носителю повествования, о котором говорит Шмид, различая диегетического и недиегетического нарратора: «Недиегетический же нарратор повествует не о самом себе как о фигуре диегесиса, а только о других фигурах»³. Он принадлежит к вымышленному миру

персонажей, действует в плане повествования, но сам для себя интереса не представляет. По внешним признакам (описание родителей, воспитания, увлечений), своего рода коду мы узнаем типичного среднего шляхтича, однако потенциал «я-повествования», раскрытие внутреннего мира персонажа, остается неиспользованным.

Мир героя романа Генрика Жевуского «Воспоминания Соплицы» – Северина Соплицы, участника Барской конфедерации – определенно организован иначе, чем мир автора в этом тексте. В мире Соплицы правят магнаты – локальные боги шляхетского света – и действуют определенные законы: их нетрудно собрать воедино, составив таким образом заповеди соплицевского мира. Герой Жевуского – средний обыватель, ничем не выделяющийся среди собратьев, у него нет даже прозвища. Будучи субъектом «я-повествования», Соплица мыслит о себе как будто в третьем лице, видит себя глазами других (явно не совпадая с автором-романтиком, представляющим окказиональную картину мира, такую, где все – поток случайностей). Отсюда особый язык «Записок», насыщенный пословицами и прибаутками – народной мудростью, взглядом со стороны.

Представляется, что все попытки преодоления уединенного сознания, которые демонстрирует нам литература XX в. в сфере «я-повествования», сводятся, как правило, к одному из двух предложенных вариантов субъектной организации текста: герой, носитель эгоистического типа сознания, либо пытается вырваться из своей картины мира и получает полную поддержку автора, либо не желает или не может ничего менять и в этом случае не совпадает с автором.

Примером первого может служить рассказ Ольги Токарчук «Номера». Героиня пытается избавиться от своего «я», выйти из своего уединенного сознания и выбирает для этого типично постмодернистский способ. «Снять» свою индивидуальность, как одежду, и превратиться в бело-розовую безликость ей не составляет труда, так же как и совершить таинство обратного превращения. Подобная активная безликость, подчас ориентированная на преодоление внутреннего

уединения, в другой ситуации способна выказывать признаки роевого сознания, однако никакую определенную форму принять ни в силах.

Такой путь «отдохнуть» от собственного «я», временно обезличившись, кажется выходом и автору: все вокруг сочувствует героине – от залитой солнцем улицы до хитро подмигивающего фальшивого шотландца.

Второй вариант – автор, не сочувствующий своему герою, носителю уединенного сознания, поскольку тот не берет на себя ответственности за последствия своих действий, в то время как в картине мира автора ответственность играет мирополагающую роль. Примером может служить «израильский цикл» Марека Хласко.

Особого внимания заслуживает тип «я-повествования», который мы наблюдаем в «Коричных лавках» Бруно Шульца: текст, изображающий эгоцентрическую картину мира, особым образом использующий мифологичность, только потому и может описывать и охватывать целую вселенную, что преодолел иные дискурсные формации, прежде всего провокативную. Это возможно, когда герой существует в вероятностной картине мира, действует в модальности понимания и несет ответственность за свой выбор из множества вероятностей, а автор его в этом поддерживает.

Примечания

¹ *Lewinówna Z. Postowie // Rzewuski H. Pamiętki J Pana Seweryna Soplicy. Warszawa, 1997. P. 417.*

² *Магомедова Д. М. Парадоксы повествования от первого лица в рассказе А. П. Чехова «Шуточка» // Жанр и проблема диалога. Махачкала, 1982. С. 76–77.*

³ *Шмид В. Нарратология. М., 2003. С. 81.*

«Плотина» – «утопический» роман Марии Майеровой

Ключевые слова: утопия, антиутопия, чешская межвоенная литература.

Мария Майерова – мэтр чешской социалистической литературы, выдающаяся чешская писательница XX в., журналист, публицист, политический активист рабочего коммунистического движения и признанный классик литературы, после «бархатной» революции забытая почти на 20 лет издателями и литературоведами и вновь вызвавшая к себе интерес у читателей и исследователей в 2010-х гг. новаторской и авангардной стороной своего творчества (в первую очередь, романом «Плотина»)¹.

Как и другим убежденным коммунистам, автору присуще утопическое сознание, которое находит выражение в ее текстах. В своем раннем романе «Площадь Республики» (1914), написанном под впечатлением от поездки во Францию и основанном на реальных событиях, Майерова, описывая быт и характеризуя взгляды французских анархистов, настроена к их утопии крайне скептически: отсутствие четкой программы действий, организации, необходимых для социальной революции, о которой грезит автор, аморфность лидеров, гедонизм, опора на моральное перерождение общества, вместо его материальной трансформации – все это чешская писательница не приемлет и воспринимает как недостаточную, слишком абстрактную и размытую, далекую от реальности утопию, противопоставляя ей при этом свою утопию, достижимую².

Впервые посетив Советскую Россию в 1924 г., писательница изображает ее в изданной на следующий год книге очерков «День после революции», где претендует на историческую правду, и, тем не менее, получившийся образ, сказку из детства Майеровой, можно называть утопическим³. Именно здесь,

в реально воплотившейся советской утопии Майерова видит образец социального устройства, в том числе и для Чехии.

В романе «Плотина» (1932) писательница демонстрирует другую сторону утопического сознания и создает, на этот раз намеренно (в отличие от очерков), утопию (уже со знаком «минус», т.е. антиутопию), хотя она значительно отступает от жанрового канона. «Плотина» выделяется на фоне десятков утопических и антиутопических романов, к тому времени вышедших в Чехии, прежде всего тем, что автор, переносясь в недалекое будущее и критически изображая пражское общество накануне готовящейся «утопической» революции и подрыва строящейся плотины, выбирает утопическую форму из цензурных соображений (о чем она сама потом напишет⁴), тем самым, словно насмехаясь над жанром антиутопии (в частности, подрыв плотины оказался фикцией), Майерова вновь возвращает читателя к утопии, но уже воспринимаемой писательницей как достижимая реальность. Такие метаморфозы не очень характерны для эпохи, однако они не лишены логики жанрового развития: можно сказать, что в течение 1920-х гг. и в чешской, и в мировой литературе жанр антиутопии достаточно окреп, чтобы его разрушение было очевидно для читателя. И тем не менее в этом отношении произведение является уникальным: автор, разрушая жанр антиутопии, маскирует утопию (в чистом виде она предстала в очерках о Советской России) под антиутопию.

Выбор жанровой формы, как уже было сказано, объясняется писательницей стремлением уйти от цензуры, однако авторское жанровое определение отличается от современного подхода к терминологии: «В этот период я хотела воспеть свою любовь к революции, к природе и цивилизации, которая, по сути, является синонимом человеческого труда. Любовь нужно было поставить лицом к лицу с современной реальностью и из нее исходить. Современная реальность пролетариата могла быть изображена только правдиво – нищие дети, и ни безработные, ни пролетарские заговорщики против этого не выступали. А капиталисты выступили – только вспомните “Ботострой”! Современная реальность капиталистических

слоев тоже должна была быть изображена правдиво, со всеми ее мошенничествами, с эксплуатацией, взяточничеством и подлостью капиталистического строя и его морали. Все это было в “Плотине” показано правдиво. Но книга должна была выйти, только превратившись в некое подобие утопии. Для современников, которые знали продажность современной лжедемократии, утопия была прозрачной, поскольку они могли все эти факты наблюдать собственными глазами. Читателю нынешнему, однако, нужно сказать, что “Плотина” не утопия, а реальность двадцатилетней давности⁵. Здесь Майерова утопией называет то, что сегодня в литературоведении понимается под антиутопией, в то время такого разделения в научном обиходе еще не было. Но для понимания замысла и жанрового своеобразия романа оно необходимо.

Майерова относит действие романа в недалекое будущее, на несколько десятилетий вперед, и использует его (при помощи героев-проводников) для критического изображения описываемой реальности, практически совпадающей с современностью, – данные черты характерны для антиутопии как жанра всего XX в., однако у писательницы этот жанр рушится на стадии конфликта: типичная для антиутопии борьба героев с миром враждебным мироустройством оказывается фикцией. Те цивилизационные достижения, которые обычно в антиутопии являются источниками опасности для людей, для человечности, у Майеровой, наоборот, воспеваются, как она сама признается, поскольку для нее цивилизация – символ человеческого труда. Фактически именно труд, цивилизация как плод этого труда и рабочий класс призваны спасти человечество – и именно в данной позиции начинает «просвечивать» авторская утопия уже со знаком «плюс». Отказ от насильственных действий, постулирование идеала без объяснения процесса перехода к этому идеалу также являются чертами «классической» утопии, которой свойственен разрыв с историческим процессом. Такой же разрыв наблюдается в очерках «День после революции», где о самой революции как о переходном этапе нет ни слова. Эти проблемы будут рассмотрены подробнее в докладе.

Примечания

¹ *Nývtlová D.* Femme fatale české avantgardy. Marie Majerová – česká komunistka ve víru feminizmu. Praha, 2011; *Mravcová M.* Přehrada: avantgardní román Marie Majerové // *Český jazyk a literatura*. 2005–2006. Ročník 56. Číslo 5. S. 215–222.

² *Амелина А. В.* Утопичность в романе Марии Майеровой «Площадь республики» // *Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры*. 23–24 мая 2017 г. / отв. ред. Е. С. Узенева, О. В. Хаванова. М., 2017. С. 37–38.

³ См.: *Амелина А. В.* Утопичность в восприятии Советской России в чешской среде в 1920–1930-е гг. (Я. Вайсс, М. Майерова, Ю. Фучик) // *Русский человек и Россия в восприятии славянских народов* / отв. ред. А. В. Липатов, Ю. А. Созина. М., 2014. С. 305–320.

⁴ *Majerová M.* Doslov z roku 1950 // *Eadem*. Přehrada. Praha: Družstevní práce, 1950. S. 276.

⁵ Ibid.

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.3.3

Н.А. Лунькова

Автоинтертекстуальность в прозе С. Стратиева

Ключевые слова: болгарская литература, болгарская проза, поэтика прозы, интертекстуальность.

В теории литературы наряду с изучением внутренней интертекстуальности (подразумевающей наличие «текстов в тексте» и их взаимодействие в рамках одного произведения) и внешней (обращение к другим источникам и ссылки на них) возможен также разговор об автоинтертекстуальности, которая «объективирует в языковой структуре создаваемых автором текстов индивидуально-авторские концепты, формирующиеся на основе мировоззренческих позиций, взглядов и представлений автора о реалиях действительности и собственном творчестве»¹. Исследуя корпус текстов одного писателя и понимая его как сверхтекстовое единство, можно отметить, что возвращение автора к определенным концептам, повторяющееся в разных художественных текстах, свидетельствует о автоинтертекстуальности. Н.А. Фатеева, анализирующая данный феномен,

пишет: «С точки зрения автора интертекстуальность – это способ генезиса собственного текста и постулирования собственного поэтического “Я” через сложную систему отношений оппозиций, идентификаций и маскировки с текстами других авторов (то есть других поэтических “Я”). Аналогично можно говорить об автоинтертекстуальности, когда при порождении нового текста эта система оппозиций, идентификаций и маскировки действует уже в структуре идиолекта определенного автора, создавая многомерность его “Я”»².

Характерной чертой поэтики эпической прозы болгарского писателя С. Стратиева является процесс автокоммуникации. Между его рассказами и повестями разных лет существуют тематические, сюжетные, образные взаимосвязи; автор сознательно прибегает к повтору имен действующих лиц, использует похожие пространственные модели, возвращаясь к созданным им ранее текстам и актуализируя содержащиеся в них концепты. Наличие системы межтекстовых связей позволяет говорить о существовании сверхтекстового единства, адекватное и наиболее полное восприятие одних элементов которого возможно только в контексте других.

Среди явлений автоинтертекстуальности в прозе Стратиева важное место отведено мотиву потери идентичности, поиска своего «я» – одному из ключевых в творчестве писателя в целом. Желание обрести другое «я» вместо своего собственно связано с неприятием человека себя таким, каким он есть в действительности: он стремится к иллюзорному, фактически существуя как Другой. Результатом такой устремленности к инаковости становится деформация/утрата «я»: «вместо определенности Я здесь наличествуют так и не состоявшиеся возможности и миражи воображения, гипертрофированная безличность и, в конечном счете, – аморализм»³. Интерес к проблеме идентичности человека прослеживается у Стратиева на протяжении всего творческого пути, начиная с его ранних работ («Одинокие ветряные мельницы», 1969) и заканчивая прозой 1990-х гг. Мотив поиска своего «я» оказывается центральным и в повестях 1970-х гг. («Дикая утка между деревьями», «Недолго светило солнце», «Дикие пчель»).

Так, воспоминания повествователя из рассказа «Мастерская по ремонту велосипедов “Торпедо”» (сб. «Лицо с картин Эль Греко», 1997) переносят читателя в маленький квартал на окраине Софии, в то время, когда герой был мальчишкой, собирал с друзьями черешню по чужим дворам. К такому типу локусов автор уже обращался в своем первом сборнике «Одинокое ветряные мельницы» (1969), где воссоздается жизнь маленькой улицы, образы жителей которой позднее угадываются и в лирическом отступлении, открывающем повесть «Недолго светило солнце» (1972). Элементы автоинтертекстуальности явственно прослеживаются в поэтике рассказа «Внезапный прилив в Вальпараисо» (сб. «Лицо с картин Эль Греко»), в канву которого встроено сразу несколько отсылок к другим произведениям автора: мотив повешения из рассказа «Веревка или канат» (сб. «Мотивы для кларнета», 1997) и прямое цитирование из рассказа «Смотрю на небо» (сб. «Мотивы для кларнета»), упоминание элемента сюжета, завязки комедии «Замшевый пиджак». С сюжетом этого рассказа перекликается более ранний текст «Стоян и бутылки» (сб. «Стоян, 1995): «Стоян выкупает пустые бутылки. [...] Покупает себе дом, машину, дачу. [...]», затем находит в одной из них письмо о помощи, через три дня снова. И – «не выдерживает. Ищет моральную поддержку в полной [бутылке. – *Н.Л.*]. [...] Он не может жить спокойно, когда кто-то погибает». Теряя все нажитое, он продолжает получать письма. «И в редкую минуту просветления пишет письмо. Просит помощи. Кладет письмо в пустую бутылку и несет его в пункт приема стеклотары»⁴. Актуализация концептов безысходности и одиночества происходит в рассказе «Внезапный прилив в Вальпараисо»: разочаровавшийся в жизни герой пишет письма на самой лучшей бумаге, что ему удалось достать, и признается: «Я закупориваю их в бутылки из-под коньяка... Я никуда не выбрасываю эти бутылки... Расставляю их по комнате [...] Они гудят сейчас гулко, как корабельные сирены... в тумане... как голоса, что не верят словам... может, и мои слова кружат там... в отчаянии»⁵.

Эпизодический персонаж одного рассказа может стать центральным в другом. В качестве примера-иллюстрации стоит обратиться к паре рассказов «Старик» – «Исчезающие знамена» (сб. «Лицо с картин Эль Греко»), главной проблемой которых является одиночество, а персонажи – это герои-бездома. В первом речь идет об одиноком пожилom мужчине, обитавшем на скамейке в парке. Уставший от четкого графика, согласно которому он жил то с дочерью, то с сыном по полгода (и ни днем более), он был вынужден солгать, что остановится у старого приятеля, а на самом деле переехал в парк. Каждый день наблюдая за его посетителями, он обращал внимание на «собаку, большую, черную, с умными блестящими глазами. Она совершала огромные прыжки между кустов и исчезала впереди, у памятника ополченцам посреди парка. Старик никогда не видел ее хозяина, не слышал, чтобы тот подзывал ее свистом или голосом»⁶. В «Исчезающих знаменах» рассказчик повествует о бездомной собаке, которую он окрестил для себя Мао (неболгарское имя выбрано, очевидно, чтобы подчеркнуть, что персонаж чужд той среде, в которой существует) и которая изо всех сил пытается найти себе хозяина. Но пространства дома собаке не было суждено обрести: повествователь видит, как Мао навсегда уходит в лес. С последними птицами «улетает на юг» и старик из предыдущего рассказа, таким образом становится очевидным сходное конструирование образной, сюжетно-композиционной, мотивной структуры текстов.

К автоинтертекстуальным явлениям в прозе Стратиева относятся мотивы утраты/обретения идентичности (часто – через корреляцию с концептом дома), памяти/забвения, истинных/мнимых ценностей. Рассказы и повести Стратиева находятся в диалогических взаимоотношениях, и общий контекст, в котором они функционируют, можно обозначить как автоинтертекстуальный: дополняя и уточняя друг друга, раскрывая авторские идеи, тексты существуют в разветвленном тематическом единстве. Анализ автоинтертекстуальности в эпической прозе Стратиева позволяет рассмотреть особенности его концептуальной картины мира.

Примечания

¹ Филиппова А. К. Автоинтертекстуальность как составляющая концептуально-языковой картины мира писателя: на материале фикциональных и нефикциональных текстов Томаса Манна: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. С. 5.

² Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М., 2007. С. 20.

³ Маркин А. В., Павлова Н. С. История швейцарской литературы. М., 2005. Т. III. С. 280.

⁴ Стратиев С. Стоян. София, 1995. С. 23–24.

⁵ Он же. Лице от Греко. София, 1997. С. 34.

⁶ Стратиев С. С. 46.

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.3.4

А. В. Зубкова

Проблема «женского письма» в романе Эмилии Дворяновой «Концерт для слова»

Ключевые слова: гендер, болгарская литература, женская проза.

Начиная с 1960-х гг. увеличивается интерес к вопросу «женского письма»: актуальность этой темы обусловлена новой волной феминизма и обращением его теоретиков к «гендерному неравенству» в литературе, внедрением гендерного подхода в гуманитарные науки. В данной работе мы попытаемся определить специфику «женского письма» на примере особенностей поэтики романа болгарской писательницы Эмилии Дворяновой «Концерт для слова».

Впервые понятие «женского письма» (фр. *écriture féminine*) использует в своем эссе «Хохот медузы» (фр. *Le Rire de la Méduse*, 1972) французский философ, теоретик феминистского литературоведения, писательница Элен Сиксу. По ее мнению, «женское письмо» – это путь, который освободит женщину от страха участия в литературном процессе, поможет

утвердиться вне рамок мужского видения мира: «Наконец-то женщины возвращаются из дремучего далека, где все и всегда “как положено”, они идут из вересковых пустошей, где ведьмам дозволено выжить, из застенков “культуры”; из своего детства, которое мужчины отчаянно заставляют их забывать, обрекая его на вечный покой. Маленькие девочки и их невоспитанные тела, закованные в самих себя, нетронутые и хранящиеся под запрещающим оком всевидящего зеркала»¹.

Так, одной из главных целей женского письма является разрушение традиционной, навязанной писателями-мужчинами системы норм и правил, поиск нового, выразительного языка. Сиксу призывает изменить привычное понимание текста: «Я-женщина собираюсь взорвать их Закон: сейчас и немедленно, в языке»². По Сиксу, «мужской» текст обладает законченностью, логичностью, рациональностью, в то время как у «женского» текста нет ни начала, ни конца, и только он способен преодолеть общепринятые понятия и определения, которые мешают истинному восприятию окружающего мира. Женщина общается с миром при помощи своего тела, сосредоточиваясь на восприятии цвета и запаха, звука и вкуса.

Особое внимание исследователи «женского письма» уделяют проблеме телесности и концепту «тела». В работах «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» и «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» Мишель Фуко утверждает, что социальное является продолжением тела, так как именно посредством тела осуществляется восприятие окружающего мира. Фуко интерпретирует «тело, как поверхность, на которой прописаны социальные нормы и регулятивы»³. Проблема телесности тесно связана с феноменом «женского письма», и Сиксу неоднократно акцентирует на этом внимание: «Пишите себя. Ваше тело должно быть услышано. Только тогда неистощимые запасы бессознательного выплещутся наружу»⁴.

На рубеже XX–XXI вв. в Болгарии появилось большое количество писательниц-женщин, в фокусе которых оказалась в первую очередь гендерная проблематика. Среди этих

авторов была и Эмилия Дворянова (р. 1958). Она окончила философский факультет Софийского университета, также получила музыкальное образование, что отчасти объясняет интерес писательницы к проблеме синтеза музыки и литературы, который обнаруживается в структуре ее произведений. Первые прозаические произведения Дворяновой относятся к 90-м гг. XX в.: «Дом» (1993), «*Passion*, или смерть Алисы» (1995), «*La Velata*» (1998). Затем были написаны романы «Госпожа Г.» (2001), «Земные сады Богородицы» (2006), «Концерт для слова», (2008), «У входа в море» (2014), последние два переведены на русский язык З.И. Карцевой. Дворянова удостоена нескольких престижных литературных наград, в числе которых национальная литературная премия имени Христо Г. Данова за роман «Земные сады Богородицы» (2007), в 2015 г. «У входа в море» был признан романом года и получил премию Национального благотворительного фонда «13 веков Болгарии».

Центральным персонажем нравственно-философских романов Дворяновой является женщина, которая переживает кризис собственной идентичности и выходом из него видит бегство – «в страсть, в творчество, к Богу или в смерть»⁵. Разделяя концепцию женского письма, предложенную Сиксу, Дворянова показывает, что женщине чужд «мужской взгляд» на мир, она нуждается в иных средствах выражения своей идентичности. Своеобразным ключом «к пониманию женского естества как единения души и тела»⁶ становится телесность, осмыслению которой Дворянова уделяет много внимания. Чтобы идентифицировать себя, женщина должна «через осознание собственного тела как нестыдного, неограниченного, “бисексуального”, как сексуального по-другому, найти и понять свое Я»⁷.

Одной из центральных тем романа «Концерт для слова», имеющего подзаголовок «Музыкально-эротические опыты», является музыка. Гениальность музыканта, как считает Дворянова, рождается из любви между исполнителем и музыкой, которая впоследствии раскрывается в их телесной страсти. «С помощью *внелитературного синтеза литературы и музыки*»⁸

наиболее полно раскрываются проблемы женской идентичности, что является особенностью «женского письма» Дворяновой в целом. Вирджиния, главная героиня, описывает свои взаимоотношения с музыкой в эротическом контексте: тесная связь телесности и музыки используется автором для передачи чувственности женщины.

Анализируя роман с точки зрения «женского письма», обратим внимание на следующие аспекты: тематика, композиция произведения (структура романа носит фрагментарный характер), особенности повествования (наличие нескольких рассказчиков, развернутые синтаксические конструкции, частое отсутствие пунктуации, нарушение абзацного членения). С точки зрения Карцевой, «отличием болгарского гендерного письма стала некая новая барочность, по всей видимости, вытекающая из авторского ощущения нестабильности, неустойчивости, переходности жизни, в которой вынужденно пребывают их героини»⁹, и нашедшая яркое выражение в исследуемом романе.

Примечания

¹ Сиксу Э. Хохот Медузы // Введение в гендерные исследования. В 2 ч. / под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков, СПб, 2001. Ч. 2: Хрестоматия. С. 801.

² Там же. С. 812.

³ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет. М., 1996. С. 85.

⁴ Сиксу Э. Хохот Медузы. С. 804.

⁵ Карцева З.И. Поэтика синтеза (роман-фуга Эмилии Дворяновой) // Stephanos. 2015. № 2 (10) Март. С. 20.

⁶ Карцева З.И. «Женский роман» в новой болгарской прозе // Гендер и литература в странах Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. И. Е. Адельгейм. М., 2013. С. 168.

⁷ Агафонова Е.Е. Динамика представлений о женской самоидентификации: от модернизма к постмодернистскому феминизму // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2009. № 3. С. 16.

⁸ Карцева З.И. Поэтика синтеза (роман-фуга Эмилии Дворяновой). С. 27.

⁹ Карцева З.И. «Женский роман» в новой болгарской прозе. С. 167.

Особенности поэтики романа Павла Виликовского «Автобиография зла»

Ключевые слова: словацкая литература, словацкая проза, Павел Виликовский.

Павел Виликовский (р. 1941) – один из самых знаменитых словацких писателей, переводчик и публицист. Начав свой творческий путь еще в 1960-е гг., он не прекращает писательскую деятельность и по сей день. Последние два десятилетия являются органическим продолжением предшествующего творчества писателя. В своем романе «Автобиография зла» (2009) он поднимает следующие проблемы: что есть настоящее зло, бессилие человека перед историей и перед властью, самоидентификация личности, одиночество.

Роман состоит из двух частей: «Краткое экстремальное одиночество Йозефа К.» и «Долгое экстремальное одиночество Марии М.». Действие первой части происходит в середине прошлого века. Йозеф Карстен вынужден помогать спецслужбам и писать доносы на своих влиятельных друзей. К слову, Карстен – ненастоящее имя. Смена имени – характерный мотив для Виликовского, означающий рождение новой личности вместо старой. Выбор имени также не случаен. Йозеф К. оказывается арестован двумя «бравыми молодцами». Затем его допрашивает следователь, который и дает ему новое имя и новую одежду – происходит расщепление личности героя, его превращение в Карстена.

Герой второй части – наш современник, учитель литературы на пенсии. Он пытается расследовать исчезновение Марии М., похитившей двадцать лет назад значительную сумму государственных средств. По воспоминаниям героя мы вскоре узнаем в нем младшего сына Карстена. Не имея возможности узнать, что в действительности произошло с его

отцом, он пытается воссоздать судьбу другого человека. Данный прием – встреча с тем, кого уже нет (чаще это образ рано погибшего отца или некой женщины) – также весьма узнаваем.

Аналогичную двухчастную структуру имеет и другой роман писателя «Первая и последняя любовь» (2013), части которого раскрывают общую тему: по силам ли человеку совладать с ходом истории, который не остановить. Совпадение наблюдается и на уровне тем: попытка восстановить события далекого прошлого. Но если в «Автобиографии зла» присутствует сильное детективное начало (таинственные исчезновения, похищения, кража, шпионаж, смена имени и попытка узнать правду), то в «Первой и последней любви» жизни героев ничего не угрожает, но они также заняты поисками смысла собственного бытия.

Другая весьма узнаваемая деталь – дневники или письма. Так роман «Повесть о настоящем человеке» (2014) целиком написан в форме дневника. Дневник ведет герой «Первой и последней любви», только записывает он не настоящее, а в случайном порядке «выныривающие» воспоминания о детстве и юности. Герой рассказа «Господин воспоминаний» (2005) читает письма отца и пытается построить разговор с ним. И, наконец, в романе «Автобиография зла» мы встречаем зло глобальное, воплощением которого являются дневники Геббельса.

Одним из аспектов, на котором критика сосредоточивает свое внимание, является прочтение какого-либо произведения Виликовского в контексте творчества писателя в целом, исследование метатекстуальных связей между произведениями автора. Петер Мразпишет, что его можно соотнести с первыми произведениями Виликовского – рассказами «Воспитание чувств в марте» и «Молодой и счастливый в Словакии» (1965)¹. Их объединяют общие проблемы: может ли счастье быть построено на злом поступке, что такое счастье и несчастье, вина и невиновность, добро и зло, проблема поиска смысла жизни.

Виктория Киссова отмечает иронию писателя. Также она добавляет, что, как и в ранних своих произведениях, Виликовский помещает своих героев в сложные, неоднозначные

ситуации, которые не кажутся правдоподобными и достойными доверия². Писатель предупреждает читателя, что мир, в который тот попадает, открыв книгу, является миром автора.

Роман «Автобиография зла» сочетает в себе характерные черты творчества писателя: фрагментарность, дискретность, недосказанность, заигрывание с читателем, предложение соавторства, ориентацию на интеллектуального читателя и вместе с тем увлекательность и непредсказуемость сюжета. Герои Виликовского – усталые скептики, и вместе с тем они сохранили интерес к жизни и поиску правды – хотя бы своей личной.

Примечания

¹ См.: Mráz P. Pavel Vilikovský: Letmý sneh // Slovenské pohľady. 2015. Č. 9. S. 111–112.

² См.: Kíssová V. Pavel Vilikovský: Vlastný životopis zla // Slovenské pohľady. 2010. Č. 4. S. 120–122.

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.3.6

С.А. Кожина

Семантика пространства в романе Д. Годровой «Спиральные предложения»

Ключевые слова: литература XXI в., чешская литература, постмодернизм, категория пространства.

На протяжении всего XX в. в литературоведении возрастает интерес к реализации категории пространства в произведении, затрагивая его семантические, аксиологические, а также философские аспекты. Это обусловлено, с одной стороны, протекающими в обществе процессами глобализации и урбанизации, а с другой – общим развитием философской мысли, пришедшей к концу XX в. к изменению восприятия окружающего мира, критике референциальной функции

литературы¹ и, следовательно, смене отношения к семантике и роли пространственных характеристик в произведениях². Во второй половине XX в. пространство перестает восприниматься как гетерогенное, относительно закрытое понятие, а рассматривается как контекстуально обусловленное, формирующееся как совокупность отдельных элементов. Под влиянием технического прогресса, краха «великих идей и целей»³ и изменений в укладе жизни переосмысливается роль человека и общества в конструировании пространства.

Д. Годрова, писатель и теоретик литературы, в своих трудах «Места с тайной» («Místa s tajemstvím», 1994), «...на краю хаоса...: Поэтика литературного произведения XX века» («...na okraji chaosu...: Poetika literárního díla 20. století», 2001), «Чувствительный город» («Citlivé město», 2006) отводит большое место проблематике пространства. Исследуемые Годровой-теоретиком концепции находят своё художественное воплощение в прозе Годровой-писательницы, что делает рассмотрение категории пространства особенно актуальным при анализе ее произведений. Творчество Годровой напрямую проистекает из общеевропейской постмодернистской традиции, во многом продолжая развивать ее тенденции в начале XXI в., однако некоторые черты творчества писателя позволяют говорить о трансформации восприятия постмодернистской художественной условности. В частности, произведения Годровой сильно выделяются на фоне остальной волны постмодернистских произведений наличием сильного автобиографического элемента (в таких романах как, например, «Воззвание» («Vyvolávání», 2010) и «Спиральные предложения» («Točité věty», 2015))⁴.

Роман «Спиральные предложения» представляет собой семантически и композиционно сложное интертекстуальное повествование, которое разворачивается сразу в нескольких сюжетных линиях, концентрируемых, во-первых, вокруг определенных локусов, во-вторых – вокруг определенных персонажей. Все кажущиеся независимыми линии в романе объединены общими центрами, выступающими в виде клубка ассоциаций.

Ключевым для понимания романа локусом является театр. Он выступает в тексте, с одной стороны, как мотив, актуализируя ряд проблематики (например, проблемы маски, самоидентичности, философские концепты жизни и смерти). Так, проблема конечности человеческой жизни вводится в повествование при помощи марионеток: это неотступно следующая за автором куколка Смерти. Сам кукольный театр становится символом сохранения воспоминаний, связующим звеном между людьми, местами и эпохами: «Кукольный театр вернулся ко мне без занавеса, темно-синий бархатный уже давно рассыпался, утерян и ослепительно-черного цвета сатиновый, который заказала Нина Вангели*, когда я десятки лет назад оставила этот театр ее детям, в том же доме, что и она, на углу Польской, раньше Нерудовой, и улицы У Каналки, да в той же квартире какое-то время жил Франц Кафка у сестры Элии»⁵.

С другой стороны, концепт театра и смены декораций играет в произведении роль композиционного приема. Роман разделен на три главы, названия которых «закольцовывают» композицию: «В лесу», «Пейзаж с водяной мельницей и замком», «Снова в лесу». Названия глав связаны в первую очередь с непосредственным созданием декораций на сцене кукольного театра; кроме того, каждая выбранная кулиса приобретает определенную метафорическую семантику. Смена кулис представляет собой процесс вербализации воспоминаний. «Пейзаж с водяной мельницей и замком» в данном контексте олицетворяет один из способов выхода из травмирующих воспоминаний, который был прерван повторным возвращением в воспоминания в главе «Снова в лесу».

Физическое перемещение персонажей в пространстве стоит рассматривать не столько как пересечение конкретных границ (и, таким образом, создание эпического события), сколько как метафорическую дифференциацию пространства, представленную бинарными оппозициями: внизу/наверху,

* Нина Вангели (р. 1946) – оперный и театральный режиссер, хореограф, публицист, переводчица. Значительное место в своей работе уделяет современной хореографии и альтернативному танцу.

внутри/снаружи, закрытость/открытость пространства и т.д. Оппозицию закрытого и открытого пространств (соотносимую одновременно и с понятиями чужое/близкое) демонстрирует противопоставление описания квартир (закрытых пространств) фиксации точки зрения персонажа: он смотрит в окно и/или через окно. С окном также связан метафорический смысл опосредованной причастности отдельного человека к окружающей его вселенной. Ярко выражена в тексте бинарная оппозиция верха/низа. Не представленная в произведении, однако, посредством пространственных ориентиров, она выступает в качестве центральной оси, объединяющей временные, семантические и метафорические пласты. Так, для изображения данной оси актуализируются мотивы скандинавской, еврейской и египетской мифологии. Особенно примечательными являются аллюзии на «Божественную комедию» А. Данте, где перемещение персонажа в рамках бинарной оппозиции «верха» и «низа» представляет собой воплощение философской концепции жизненного и духовного пути личности.

Получает метафорическое осмысление в романе и традиционное разграничение пространства на стороны света: «...тихо слезая с окна, сломленная, снова пойманная на лжи, ложилась на диван головой на запад, к стороне света, где, согласно труду “Знамение жизни” Вайнреба, стоит Рафаэль, имя которого гласит – Господь исцеляет, однако в то же время – это сторона, где лежит земля смерти, подземный мир»⁶.

Несомненно, важным топосом в романе является Прага. Уместнее, однако, говорить не о семантике городского пространства в произведении или особой роли Праги вообще, а об особом значении конкретных мест. Это, например, Ольшанское кладбище, которое олицетворяет собой одновременно место последнего пристанища усопших, пространство смерти, и в то же время – место контакта с прошлым. Тайнственным, также связанным с семантикой смерти, выступает в романе локус больницы (например, больница на Буловце). Перемещения персонажей, связанные с данным локусом, часто носят характер прохождения лиминальной стадии и сопровождаются ситуацией испытания, столкновения с неизведанным.

Роман Годровой представляет собой, таким образом, попытку создания литературной карты памяти. Текст, главным принципом которого является многозначность, основанная одновременно на разрушении тривиального восприятия и на восстановлении семантического родства соотносимых объектов, функционирует как непрерывный процесс образования значений. Ризоматическая система построения объединяет разрозненные элементы при отсутствии единого референтного центра, создает имагинативное пространство, в рамках которого элементы (топосы, персонажи, философские концепции) становятся частью глобального интертекстуального целого.

Примечания

¹ Hoffmann G. From modernism to postmodernism: concepts and strategies of postmodern American fiction. Amsterdam, 2005. S. 25.

² См.: Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996; Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000.

³ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М., 2016. С. 11.

⁴ V souřadnicích mnohosti: česká literatura první dekády jednadvacátého století v souvislostech a interpretacích / ed. A. Fialová. Praha, 2014. S. 600.

⁵ Hodrová D. Točité věty. Praha, 2015. S. 15.

⁶ Ibid. S. 24.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИЯ

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.3.7

*Е.А. Дерзаева,
М.В. Подрядчикова*

Исследование произведений Милорада Павича «Биография Белграда» и «Пейзаж, нарисованный чаем» как исторических источников с использованием методов цифровой гуманитаристики

Ключевые слова: цифровые гуманитарные науки, историческая память, Милорад Павич, история Сербии, Югославия, югославская армия, бомбардировки Белграда, Вторая мировая война, Иосип Броз Тито.

В год двадцатилетия бомбардировок силами США и НАТО Сербии, а именно Белграда, как нельзя более актуальной становится история бывшей Югославии: какие внутренние силы привели страну к взрыву изнутри, за которым последовало внешнее вмешательство. С 1999 г. историками и политологами были вынесены самые различные оценки произошедшего, однако анализ исторической памяти очевидцев сербской трагедии остается белым пятном в системе самоидентификации сербов самого начала XXI в.

Сербский писатель Милорад Павич (1929–2009) всегда занимал особое место в литературе не только Сербии, но и всей Европы как югославянский писатель, приблизивший новую литературную эру, разработавший новые литературные формы, за что в 2004 г. он был номинирован на Нобелевскую премию по литературе¹. Однако, как историк, зафиксировавший события, свидетелем которых он стал, в своих

публицистических и литературных произведениях, Павич до сих пор оставался в тени. В свете возвращения интереса к событиям в Сербии двадцатилетней давности, так же как и к истории Сербии в целом, видится актуальным исследовать историческую составляющую произведений Павича, взяв в качестве наиболее яркого примера два произведения, где содержатся прямые отсылки на события истории Сербии: «Пейзаж, нарисованный чаем» (1988) в переводе Н. Вагаповой и Р. Грецкой (1998)² и «Биография Белграда» (1991) в переводе Л. Савельевой (2018)³. Эти близкие по тематике произведения содержат ссылки на конкретные исторические события, явно и неявно считываемые в обоих романах. Является ли Павич историком, а его произведения – историческими источниками – на этот вопрос нам предстоит ответить в данном исследовании.

Павича называют изобретателем новой литературы, взявшего за правило придумывать несколько версий развития сюжета буквально для каждого своего литературного произведения⁴. Этот подход, новаторский для литературы начала XXI в., приближает писателя к исторической науке, где восстановление исторических событий проходит несколько этапов, в том числе и стадию анализа различных версий произошедшего. В «Пейзаже, нарисованном чаем» и в «Биографии Белграда» нами прослеживаются следующие исторические линии:

1. Разрушительные бомбардировки Белграда немецкими эскадрильями (1941) и англо-американской авиацией (1944);
2. Исход пораженной в ходе югославской операции Гитлера югославской армии в 1941 г. (т.н. Апрельская война);
3. Годы руководства Иосипа Броз Тито Югославией в качестве президента (1953–1980).

Нелинейная проза и гипертекст Павича многократно становились центром исследования литературоведов, однако к настоящему моменту ни одного исследования творчества Павича цифровыми методами еще не было опубликовано.

Цифровые гуманитарные науки (*Digital Humanities*) – это область исследований, в которой объединены цифровые методы и традиционные методы гуманитарных наук (включая

интересующие нас историю и литературу). Первые попытки исследований в этой сфере произошли еще в середине XX в., когда вычислительные методы начали использоваться для создания тезаурусов исторических текстов. В России цифровые гуманитарные науки активно используются при исследовании литературы, среди примеров таких исследований – сетевой анализ текстов и визуализация извлеченной из текстов информации⁵.

Мы прибегнули к методам цифровых гуманитарных наук, чтобы выяснить, как именно исторические события изображаются в произведениях Павича. При обработке текста были использованы сегментация и токенизация (деление на предложения и отдельные слова) с помощью пакета *Natural Language Toolkit* для языка программирования *Python*. Для морфологического анализа задействовался анализатор *rumorphy2*.

Первым из использованных нами методов было извлечение ключевых слов для различных фрагментов текста (например, для мифологической части «Пейзажа...» и для его «реалистической» части ключевые слова определялись отдельно). С помощью поиска наиболее частотных существительных (не считая стоп-слов), а также используя статистическую меру *TF-IDF*, мы выделили слова, наиболее важные при описании тех или иных периодов истории Югославии в произведениях Павича. Несмотря на то, что Павич часто фокусируется на личных переживаниях героя (например, для первой части «Пейзажа, нарисованного чаем» важными оказываются такие слова, как «человек», «жизнь», «время»), в его текстах можно увидеть отражение истории (в «Пейзаже...» также заметны «война» и «Афон» (одна из точек маршрута героя романа Косты Свилара как военнослужащего югославской армии)).

Следующей задачей было выявление в топонимике в произведениях Павича названий мест, связанных с историей Югославии. Например, при анализе истории Югославии времен Второй мировой войны мы извлекли из первой части романа «Пейзаж, нарисованный чаем» топонимы и исследовали, какое отношение перечисленные места действия романа имеют к реальной югославской истории 1940-х гг. Можно

заметить, что данные топонимы упоминаются в связи как с оккупацией Белграда (сам город и ряд урбанонимов – названий улиц, площадей и т.п.), так и с походом югославской армии. Особое внимание уделяется Греции, что неудивительно: Греция одновременно с Югославией подверглась вторжению немецких войск, разделив с ней ее судьбу, более того, именно в Греции скрывались остатки югославской армии после разгрома в 1941 г.

Произведенные нами исследования традиционными аналитическими и современными цифровыми методами указывают на несомненный вклад Павича в историческую память Сербии: его произведения фиксируют переживания сербского народа, одновременно формируя его историческую память, так как его литературное наследие, в силу его распространения в современной сербской культуре, можно считать точкой отсчета историообразующей памяти народа. Между тем рассмотренные в данном исследовании произведения представляются недостаточной источниковой базой для более глубоких выводов. Наш анализ – начало масштабного и актуального исследования места творчества Павича в историографии Сербии с использованием цифровых методов исследования. Такая задача представляется не только интересной, но и научно значимой.

Примечания

¹ Павич М., Михайлович Я. «Архипелаг Павич»: Беседа с Милорадом Павичем и Ясминой Михайлович // Иностранная литература. 2002. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2002/2/pm.html> (дата обращения 01.04.2019).

² Павич М. Пейзаж, нарисованный чаем. СПб., 2016.

³ Павич М. Биография Белграда. СПб., 2017.

⁴ См.: Плахтиенко О. П., Коровкина Ю. А. Феномен нелинейного текста в художественной литературе: история развития и современные формы. Роман М. Павича «Семь смертных грехов» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2017. № 4(27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-nelineynogo-teksta-v-hudozhestvennoy-literature-istoriya-razvitiya-i-sovremennyye-formy-roman-m-pavicha-sem-smertnyh-grehov> (дата обращения: 01.04.2019).

⁵ См.: Центр цифровых гуманитарных исследований НИУ ВШЭ: Проекты. URL: <https://hum.hse.ru/digital/projects> (дата обращения 01.04.2019).

В романе историческое время более четко обозначено в мужской части – «Леандре». Здесь чаще упоминаются исторические события, связанные со временем Великой Турецкой войны 1683–1699 гг., когда на сербских территориях с переменным успехом велись бесконечные сражения между австрийской и турецкой армиями, а местное население было вынуждено бросать свои дома и постоянно мигрировать.

Первым упомянут в повести 1689 г., когда героя постригают в монахи, перед этим он совершает несколько поездок в Константинополь сначала в составе бродячего квартета, а затем в качестве торговца. Чтобы сменить богомильскую веру на православную, он в течение года вынужден прислуживать в монастыре и учиться, следовательно, начало повествования можно отнести к первой половине 1680-х гг. Сразу после принятия пострига от своего товарища Диодимия Субботы Леандр узнает о сожжении Скопья (1689) и о смерти приказавшего его сжечь генерала Пиколомини*, вскоре скончавшегося от чумы, которая свирепствовала в этом городе. Пока герой строит храмы в тылу отступающих австрийских войск, Суббота приносит ему вести о падении Белграда в 1690 г. После битвы при Сланкамене (август 1691 г.), изменившей ход войны в пользу австрийской армии, Леандр еще некоторое время продолжает строить храмы, все еще находясь между двух армий, после чего возвращается в Белград, где к этому времени разместились австрийские части.

Интересно, как даты ключевых для сюжета исторических событий вводятся в текст повести. Год, обозначающий веху в судьбе героя, указывается дважды: 1689 – постриг в монахи и 1717 – состязание с Красимиричем. Число, месяц и год известного исторического события также упоминаются дважды: 19 августа 1691 г. – битва под Сланкаменом, которая, с одной стороны, способствовала окончанию войны, а с другой – продолжила скитания Леандра и отложила его возвращение домой, и 22 апреля 1739 г. – вход турок в Белград и день смерти героя. Остальные исторические эпизоды поданы описательно:

* Энея Сильвио Пиколомини – итальянский дворянин, служивший в армии Габсбургов.

«Скопье сожжено»¹, «Генерал Пиколомини умер»², Максим Терентьевич Суворов прибыл в Белград с просветительской миссией «в октябре того же года»³. Такая подача фактов свидетельствует о том, что реальный од истории, который, как и в «Хазарском словаре», формирует обстоятельства жизни героя, является для автора вопросом второстепенным. Сербскому читателю не составит труда сориентироваться в эпохе, о которой идет речь в повести о Леандре. Мотивированный и любознательный читатель-иностранец найдет в тексте подсказки и сможет сориентироваться в датах тех или иных событий.

Для погружения читателя в эпоху Павич использует определенные социокультурные маркеры: топонимы (Авала, Дунай, Сава, Дрина, Белград, Черное море, Салоники, Вена, Дубровник, Панчево и др.), названия монастырей, храмов, церквей (Смедеревский храм Пресвятой Богородицы, монастырь святого Наума, монастырь Богородицы Захумской, монастыри Раваница, Дечани, церковь Ружица) и других архитектурных сооружений (дворец митрополита, башня Небойши, триумфальная арка Карла VI). С этой же целью писатель включает в текст свою стилизацию песни воинов турецкой армии с упоминанием пройденных ими населенных пунктов:

Козла, Брлог, Ясикова,
Плавна, Речка, Слатина,
Каменица, Сип, Карбова,
Бурье, Злот и Златина...⁴

Исторически достоверно немецкое название Белграда «Griechisch Weissenburg», то есть «греческий белый город», зафиксировано на отлитом после 1717 г. медном подносе. В романе Леандр объясняет его появление желанием австрийцев таким образом подчеркнуть, что население города не принадлежит их вере. Несмотря на то, что уже с IX в. существовало славянское название города, этот топоним также использовался, в том числе и во время турецких войн, однако к началу XIX в. был окончательно вытеснен словом «Белград»⁵.

В отличие от повести «Леандр», в повести «Геро» есть только одно упоминание о конкретном историческом факте – сербско-австрийском конфликте, положившем начало Первой мировой войне. Оно присутствует в «Рассказе о капитане фон Витковиче», который в определенном смысле является ключом к хронологии и нарративной структуре повести. Выстрел Гаврилы Принципа 28 июня 1914 г. решил тянувшийся с 1909 г. судебный процесс над капитаном – его тут же расстреляли. В повести приводятся еще три даты, связанные непосредственно с героиней: 1910 – год ее рождения, который становится известным уже после смерти Геро со слов ее брата; 1934 – год смерти пражского учителя музыки Манассии, Отокара Шевчика, и 1937 – год смерти Манассии и окончания этой части романа. Однако после слов «сербско-австрийский конфликт»⁶ в тексте нет ни одной конкретной даты, т.е. Павич не считает нужным раскрывать очевидное, словно изолируя героиню от исторического контекста. При этом он широко использует топонимику Белграда (улицы Чика Любина, Васина, Добрачина), географические объекты (Петроварадин, Киев, Рим, Прага, Краков, Влтава, Вена). Автор также вводит в текст множество имен известных европейских деятелей культуры, среди которых писатели, музыканты, композиторы: А. Франс, Н. Амати, Н. Паганини, О. Шевчик, Р. Музиль, Я. Потоцкий, и др., которые служат маркерами времени, передают историко-культурную атмосферу эпохи.

Принцип использования исторических событий в качестве второго сюжетного плана изображаемого полотна, опробованный Павичем в «Хазарском словаре», в повестях «Леандр» и «Геро» применяется по-разному. Это связано, во-первых, с различием между изображенными эпохами с точки зрения их исторического наполнения и мировосприятия (религиозного, бытового, общественного), с тем, что более удаленные во времени события нуждаются в более подробном освещении; во-вторых, с разными гендерными ролями главных действующих лиц и разным влиянием на них исторических событий: герой борется с историей, героиня к ней приспособливается.

Примечания

¹ Павич М. Леандр // Внутренняя сторона ветра. СПб., 2013. С. 23–24.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 47.

⁴ Там же. С. 78.

⁵ См.: Sleumer A. Kirchenlateinisches Wörterbuch. Olms, 1996.

⁶ Павич М. Геро // Внутренняя сторона ветра. С. 39.

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.3.9

В.В. Старкова

Орден иезуитов в романе Д. Янчара «Катарина, павлин и иезуит» (к проблеме исторических реалий)

Ключевые слова: миссионерство, редукции, Игнатий Лойола, Парагвай, миссионы, индейцы, словенская проза.

В историческом романе Д. Янчара «Катарина, павлин и иезуит» («Katarina, pav in jezuit», 2000) действие происходит в XVIII в. накануне и во время Семилетней войны (1756–1763) и заканчивается роспуском ордена иезуитов в 1773 г. География художественного пространства обширна: главная героиня Катарина сначала живет в словенской деревушке Добрава, затем отправляется в паломничество в Кельн, где и происходят основные события. Главный герой Симон Ловренц, монах-иезуит, много лет занимался миссионерской деятельностью в Южной Америке, но, когда земли, в которых он проповедовал, перешли от Испании к Португалии, он вернулся в Европу и тоже отправился в паломничество в Кельн, где и произошло его знакомство с Катариной.

Иезуиты и их система морали сыграли решающую роль в формировании личности главного героя. Орден был учрежден Игнатием Лойолой (1491–1556) в Испании и утвержден Папой Римским в 1540 г. Игнатий, религиозный фанатик,

не раз попадавший в руки инквизиции за свои убеждения, основал организацию, главной идеей которой было безропотное подчинение Церкви и Папе. Орден был создан в момент, когда авторитет католической церкви падал под влиянием распространения реформаторского движения М. Лютера и Ж. Кальвина. Консервативные взгляды Игнатия и его последователей позволили Папе долгое время использовать орден в целях контрреформации. По всей Европе были открыты иезуитские школы, колледжи, многие университеты находились под началом иезуитов. Так, в Любляне в 1597 г. была открыта первая иезуитская гимназия¹. О борьбе иезуитов с реформаторами писал основоположник словенского литературного языка протестант П. Трубар, называя их главными виновниками контрреформации².

К XVIII в., когда борьба с реформацией была закончена, основным видом деятельности иезуитов стало миссионерство в колониях. Сегодня нет единого мнения о ситуации в этих землях. Они назывались редукциями, и их первоначальной целью было обращение индейцев Южной Америки в католичество. Новообращенные индейцы-христиане жили в одинаковых домах, носили одинаковую одежду, с утра до ночи занимались тяжелой работой. Вот как описывает увиденное в редукциях А. де Бугенвиль, французский мореплаватель, руководитель первой французской кругосветной экспедиции: «Дома здесь настолько похожи друг на друга, что, увидев один, вы уже как бы видели все остальные, так же как, увидев мужчину или женщину, вы уже знаете всех жителей, так как в их одежде нет никакой разницы»³. Орден создал государство в государстве, получал огромную прибыль с полей гуарани, неслыханно обогащаясь, в то время как жизнь индейцев «была заполнена однообразным трудом и невероятно скучным отдыхом. Этой скукой, которую справедливо называют смертельной, объясняется, почему [...] они без сожаления расстаются с жизнью. Заболев, они редко выздоравливают. Если их спрашивают, печалит ли их смерть, они отвечают, что нет; так это и есть в действительности. Не приходится теперь удивляться тому, что индейцы [...] стремились бежать из этого заключения. Иезуиты

изображали нам этот народ как людей, разум которых никогда не может подняться выше детского. Но жизнь, которую они вели, не позволяла этим большим детям веселиться по-детски⁴. Есть и противоположное мнение, его разделяли даже такие противники Церкви, как Вольтер и Монтескье, что иезуиты создали в Парагвае «земной рай», идеальное коммунистическое государство⁵. Эта точка зрения близка герою романа.

Симон Ловренц, фанатик веры, преданно несший учение Лойолы коренным народам Южной Америки, оказался в итоге вне ордена. Он прошел все стадии перед вступлением в орден, принес все четыре обета, долгое время усердно служил в одной из Парагвайских редуций. Ему казалось, что в Парагвае и было его призвание. Герой искренне полагал, что приносит счастье вместе с христианством на эти дикие земли: «Сто и более лет назад сюда пришли наши братья из Испании, а затем из многих других стран – из Франции и Бельгии, из Австрии и Польского королевства – и смогли превратить живущих в лесах язычников в людей, следующих Евангелию, знакомых с архитектурой, справедливым общественным устройством, музыкой и живописью»⁶, – эту позицию супериора Иносенса Хервера, разделяет Симон. Супериор пытается доказать Симону, что послушание ордену и Папе – главное для спасения души, однако Симон, осознавал, что в данном случае речь идет об уничтожении многолетних трудов отцов-иезуитов в Парагвайской миссии и возможное уничтожение самих индейцев, его подопечных, которые безусловно доверяли ему и другим отцам-иезуитам, считали их своими покровителями и защитниками. 15 января 1750 г. был подписан договор между Испанией и Португалией, по которому Португалии передавалась часть земель у реки Уругвай в обмен на португальские колонии Сакраменто. Данные земли относились к иезуитским миссионам, и иезуиты получили приказ уходить с португальских земель. Это произошло из-за того, что Европа была обеспокоена усилением власти иезуитов, увеличением их богатств и возможным влиянием на политику монархов. Герой Янчара не может согласиться с супериором и безусловно подчиниться приказу Папы даже под угрозой

исключения из ордена. Парагвай был его детищем, его раем, его обетованной землей: «Да, там, в Парагвае, был рай»⁷. Поэтому он выбирает отказ от ордена и защищает эти земли вместе с индейцами и остальными отцами-иезуитами. Такое решение кардинально изменило будущую жизнь Симона Ловренца. Оставшись ни с чем – исключенный из ордена, высланный на родину, потерявший сон и покой, – герой находит в себе силы жить дальше. Главное, что он осознает, – это то, что человек должен сам распоряжаться своей судьбой. Любовь к Катарине делает его еще сильнее. Глубокая вера позволяет ему бороться с житейскими невзгодами, со своим животным началом: «Глаза, залитые неожиданной кровавой злобой, уставились на капитанскую шею, на шелковый шейный платок под красивым лицом, перед его мысленным взором блеснуло острие ножа, шея, лицо какого-то португальского солдата. Боже, прости мне эту мысль, прости меня, Боже. Он попятился назад...»⁸. Но в итоге все-таки сильное чувство – ревность к Катарине – берет верх и Симон убивает соперника. Другое чувство – чувство вины – приводит Симона обратно в монастырь на покаяние.

Следование правилам, установленным святым Игнатием, заводит героя в тупик, и в то же время законы, которые Симон устанавливает для себя, также не приводят героя к счастью и свободе. В 1773 г. орден иезуитов официально перестает существовать, и это событие находит отражение в романе. Оно обозначает собой передел мира, пересмотр всех ценностей героя. Если первый уход Симона от иезуитов был актом его изгнания из общества, то его второй, вынужденный выход из ордена иезуитов является освобождением, возвращением героя к нормальной жизни и к Катарине. В финале романа герой, потерявший все, обретает настоящую свободу, и эта свобода – в вечном движении, в вечном поиске себя и смысла жизни.

Примечания

¹ *Dolimar F. Vloga in pomen jezuitskih kolegij v slovenskem prostoru // Jezuitski kolegiji v Ljubljani (1597–1773). Ljubljana, 1998. S. 11.*

² *Rajšp V.* Jezuiti in protestantizem na slovenskem // Jezuitski kolegiji v Ljubljani (1597–1773). Ljubljana, 1998. S. 271.

³ *Бугенвиль А., де.* Кругосветное путешествие на фрегате «Будёз» и транспорте «Этуаль» в 1766, 1767, 1768 и 1769 годах. М., 1961. С. 98.

⁴ Там же. С. 94.

⁵ *Святловский В. В.* Коммунистическое государство иезуитов в Парагвае. URL: <https://constitutions.ru/?p=10554> (дата обращения: 10.04.2019).

⁶ *Янчар Д.* Катарина, павлин и иезуит. М., 2011. С. 232.

⁷ Там же. С. 216.

⁸ Там же. С. 68.

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.3.10

М.А. Ламм

«Кресовяки»: между политическим и этническим

Ключевые слова: постсоветская белорусская литература, кресы, пограничье, национальное возрождение, аксиологический кризис, сатира.

Сборник «Кресовяки» («Крэсавякі») вышел в свет в 1993 г. в Минске в качестве литературного приложения к белорусскому иллюстрированному журналу сатиры и юмора «Ежик» («Вожык»). В этом сатирическом журнале традиционно поднимаются актуальные проблемы белорусского общества, литературный текст усиливается богатым художественным оформлением. В сборнике отразились духовные искания западнобелорусской интеллигенции переходного периода, в него вошли стихотворения Алеся Чобата (Чобат) и Дануты Бичель (Бічэль), художественное оформление – В. Клименко (Кліменка).

Д. Бичель и А. Чобат в этом сборнике предстают перед читателем с неожиданной стороны. Вероятно, это объясняется социальной ситуацией, требовавшей поиска нового художественного языка. Как пишет о подобных процессах в польской

прозе И. Е. Адельгейм, «рухнул социалистический строй, и непригодными стали как привычные формы жизни, так и их объяснения, литературе как раз и предстояло выполнить задачу обновления языка, с одной стороны – ломая и отвергая неработающие формы и изжившие себя представления и понятия, с другой – массированно внедряя в общее культурное сознание новые их образцы»¹. Одним из важнейших элементов нового литературного языка стали «ироническая демонизация и маргинальная карнавализация»² советской действительности.

Алесь Чобат (р. 23.08.1959) – белорусский поэт, переводчик с польского языка, один из основателей «теоретической кресологии». Проблеме генезиса западнобелорусской идентичности посвящены многие его произведения. С 1991 г. был активным участником воссоздания газеты «Наша Нива». Первая книга стихов Чобата вышла в 1992 г. Важнейшей для творчества поэта является тема регионального самосознания. Для Чобата характерно обращение к историческим сюжетам, широкое использование варваризмов, ярко иллюстрирующее языковую ситуацию на Гродненщине. Раздел его стихов озаглавлен «Театр абсурда».

Данута Бичель (р. 3.12.1937) – белорусская поэтесса и общественный деятель, с 1982 г. заведующая музеем М. Богдановича в Гродно. Первый сборник стихов вышел в 1962 г. Ее творчество отличается особым лиризмом, фольклорной образностью и опорой на традиционную белорусскую культуру. Заметное место в поэзии Бичель занимают пейзажная и духовная лирика. Гражданский пафос с остросоциальными коннотациями для творчества поэтессы в целом нехарактерен, его место чаще занимает этнографическая проблематика³. Раздел ее стихов озаглавлен «Табуретка и поэтесса» («Табуретка и паэтка»): помимо традиционных тем в нем появляются социально-политические, автор обращается к историческим образам Великого княжества Литовского.

Структурное единство сборника проявляется в последнем стихотворении каждого раздела, они посвящены проблеме национального самосознания. Чобат в стихотворении

«Пасторалька» язвительно замечает: «Край раздирают/ две проблемы национального возрождения –/ бензин и сахар./ Проблема самого возрождения решена –/ язык стал государственным./ А какое государство – такой и язык»⁴. Язык не существует в вакууме, он опирается на повседневную жизнь его носителей, их культуру и быт. Это основа остросоциальной проблематики поэзии Чобата: прежде чем возрождать нацию, необходимо понять, что именно представляет из себя национальный характер: «Край без имени, фамилии и года рождения/ попробуй встать из могиль»⁵. Бичель завершает свой раздел сатирическим стихотворением «Свидомость цветет»: «Свидомость цветет/ как хрен в огороде/ И родной язык/ не выгоден/ Широкая в бездну/ ведет нас дорога/ Зашли в тупик/ Виноватых – нет»⁶.

Основными темами стихотворений Чобата в этом сборнике, где практически отсутствуют характерные для творчества поэта обращения к истории края, являются аксиологический кризис и политизация быта. Для художественного изображения повседневности используется гротеск. Характерное для творчества Чобата введение варваризмов встречается только в стихотворении «Местное время»: «мэрию штурмуюць нармалёвыя людзі/ якія прагнуць,/ «чтобы их дети учились в нормальной школе!»/ А першага верасня высвятляецца,/ што школа сапраўды нейкая дзіўная:/ у беларускай школе/ настаўніцы па-беларуску не гавораць»⁷. Маркеры переходного периода в этом стихотворении усиливаются оксюмороном: «По Советской площади/ на единственном в Гродно “Мерседесе”/ Проплывает акула базарной экономики»⁸.

В традиционных этнографических стихотворениях Бичель социальная проблематика возникает благодаря иллюстрациям В. Клименко. В политических сюжетах поэтесса продолжает традиции польского романтизма, а также развивает идеи белорусской поэтессы Л. Гениуш. Образы героического прошлого Великого княжества Литовского противопоставлены советскому периоду. Так, в стихотворении «Торговля»: «На торговлю Беларусью/ не накладывали вето», «Торгует Беларусью/ советское начальство/ покупает подхалимов/ и тупиц

в штат»⁹. Антитезой к этим реалиям становится обращается к образам правителей ВКЛ: Константину Острожскому, Льву Сапеге, Всеславу Чародею и Витовту: «скажите, как бороться/ за родимый край правильно»¹⁰.

Чернобыльская тема – особый код белорусской литературы, проявившийся наиболее ярко в первое десятилетие после трагедии. Как пишет об этом Л. Д. Синькова: «само понятие “Чернобыль” как в публицистике, так и в художественном смысле быстро выросло до уровня определенной концепции. Катастрофа Чернобыльской АЭС стала символом порожденного тоталитарной системой зла, которое подчинило себе все будущее Беларуси и достигло апокалиптических размеров»¹¹. В стихотворении Чобата «Стилизация под Рыгора Барадулина»: «Здесь навсегда в почете-славе/ и лад колхозный, и мирный атом»¹². Образ колхоза семантически связан с разрушением традиционной деревенской культуры. С. И. Даниленко отмечает, что оценка последствий техногенной катастрофы нередко предстает в белорусской поэзии «как результат мистического небесного наказания граждан Советской Беларуси за отступление от канонической христианской религиозности»¹³. Такая трактовка возникает у Бичель.

В стихотворении Бичель «Думал, Боженька, думал» Зенон Позняк приобретает эпические черты: «Думал Боженька, думал,/ Свесивши ноги с тучки./ После закрылся вдвоем/ С Позняком Зеноном [...] С неба Зенон спустился»¹⁴. Как фольклорный персонаж и мессия, З. Позняк отправился в странствие – искать спасения родной земли: «может, сгинет Чернобыль?/ Наш край возродится чистым?», он «нашел Богоматерь в селянской хижине» и обратился к ней с молитвой: «Заступница Беларуси!/ Спаси нас и язык наш!», после чего свершилось чудо: «являются белые кони/ и Зенон с мечом Чародея.../ А Богоматерь/ бело-красно-белой лентой/ золотые виски украсила/ Иисусу рассказывает/ про белорусское войско»¹⁵. Характерная для Бичель фольклорно-этнографическая тематика трансформируется здесь в эпико-героическую.

В стихотворении Чобата «Ночь в Гродно на Пересельце» к нему обращаются представители разных социальных групп,

эти реплики заключены в кавычки. Для молодежи он семантически связан с песней рок-группы «Nautilus Pompilius» «Взгляд с экрана», магнитофон в гнилом доме зудит: «Позняк Зенон,/ Позняк Зенон/ не пьет одеколон –/ Позняк Зенон/ говорит на мове»¹⁶. Подобный рефрен повторяется в тексте стихотворения еще два раза, стихотворение завершается словами «Господин Позняк,/ Господин Позняк,/ за тебя – кулак и бедняк!/ Так делай уже закон/ и дай покой народу!»¹⁷. Образ белорусского правозащитника и политика Зенона Позняка предстает у обоих поэтов в качестве культурной доминанты эпохи.

Примечания

¹ *Адельгейм И. Е.* Поэтика «промежутка»: молодая польская проза после 1989 года. М., 2005. С. 7.

² *Даніленка С. І.* Спецыфіка сацыяльнай міфатворчасці ў постсавецкай беларускай літаратуры ў кантэксце яе інфернальнай вобразнасці // Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XXI вв. В 2 ч. / отв. ред. С. Я. Гончарова-Грабовская. Минск, 2007. Ч. 2. С. 117. Здесь и далее перевод мой. – *М. Л.*

³ См.: *Ламм М. А.* Архаичная образность в поэтике литературы белорусско-польско-литовского пограничья (в текстах авторов Гродненщины послевоенного периода) // *Славяноведение.* 2019. № 1. С. 62–67.

⁴ *Бічэль Д., Чобат А.* Крэсавякі. Вершы. Мінск, 1993. С. 19.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 30.

⁷ Там же. С. 8.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 24.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Сінькова Л. Д.* Паміж тэкстам і дыскурсам: беларуская літаратура XX–XXI стст.: гісторыя, кампаратывістыка і крытыка (літ.-крыт. артыкулы, гутаркі). Мінск, 2013. С. 61.

¹² *Бічэль Д., Чобат А.* Крэсавякі... С. 9.

¹³ *Даніленка С. І.* Спецыфіка... С. 117.

¹⁴ *Бічэль Д., Чобат А.* Крэсавякі... С. 21.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 6.

¹⁷ Там же. С. 7.

ВОПРОСЫ РЕЦЕПЦИИ И ПЕРЕВОДА

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.3.11

П.Б. Миронова

Проблема перевода названий славянских мифологических персонажей в «Сага о Ведьмаке» А. Сапковского

Ключевые слова: славянский фольклор, низшая мифология, демонология, фэнтези, диалог культур.

Анджей Сапковский – современный польский писатель, который приобрел мировую известность благодаря книжному циклу «Сага о Ведьмаке» (1986–2013), написанному в жанре фэнтези. Поскольку «Сага...» в значительной степени опирается на славянский фольклор и мифологию других стран Европы, в ней присутствует большое количество названий мифологических персонажей, специфика которых не всегда понятна не только читателю, но и переводчику. Переводом «Саги...» с польского на русский язык занимался Е.П. Вайсброт. Наибольшие трудности у него возникали с названиями узкоспецифических персонажей из западнославянского и южнославянского ареала; из кельтских и скандинавских мифов Сапковский, как правило, заимствовал мифологических существ, известных русскоязычному читателю. Так, слово «ушырица»¹, которое использует Вайсброт в рассказе «Ведьмак», неточно описывает существо, которое имел в виду писатель. Речь идет о стрыге (пол. «strzyga») – человеке с двумя душами, который «после смерти становится зубастой стрыгой, потому что ксендз крестит только одну душу, которая после смерти улетает за облака, а злая (некрещеная душа) остается в теле, и человек выходит из могилы, чтобы душировать людей и скотину»². В рассказе «Край света» встречается еще один польский

мифологический персонаж-двоедушник³, которого называют «планетником», «хмурником» или «облачником», – перевод Вайсброта здесь верный. «Планетник»⁴ также упоминается в польском тексте третьей книги цикла: в русском переводе он назван «облачком»⁵: очевидно, Вайсброт был знаком с этим фольклорным персонажем. Из названий славянских демонов, известных как на территории Польши, так и в России, в «Саге...» упоминаются леший, черт, русалка и кикимора – с их переводом на русский язык не возникло особых проблем.

Однако Вайсброту не везде удалось до конца передать специфику фольклорных персонажей в «Саге...»: летавица, близкая к восточнославянскому огненному змею, была названа «летюгой», змора – «мертвецом», а присутствующие в оригинале южнославянские вилы вообще стали «порчунами». В случае с летавицей и вилами это можно списать на незнание персонажей или неустоявшийся в России во время выхода первых книг словарь жанра фэнтези, так как упоминание об этих существах встречается в первой книге цикла. С другой стороны, путаница с вилами могла возникнуть из-за того, что у поляков существовал мифологический персонаж с подобным названием – вил, который имел облик страшного старика с длинной желтой бородой, появлялся на грани сна и яви и мешал заснуть⁶. Но упомянутое в тексте насылание болезней – типичная особенность южнославянских вил, поэтому у Сапковского речь шла именно о них. Мору, которая является аналогом зморы, Вайсброт в рассказе «Край света» перевел как «привидение»⁷, следовательно, ему был знаком данный фольклорный персонаж, и он решил подобрать известное читателю слово, не имеющее региональной специфики. Но в народных поверьях змора – это куда более многогранное существо, чем просто призрак или мертвец. Поляки считали их двоедушниками, как планетника или стрыгу, и верили, что зморы садятся ночью на грудь к спящим детям или юношам и душат их или высасывают у них кровь.

Из польского фольклора Сапковский позаимствовал «утоща»⁸ – силезского родственника водяного⁹, и хохлика, домашнего духа, который любит заплетать конские гривы

в косички¹⁰, у Вайсброта названного «домовым»¹¹. Помимо этого, писатель упоминает о «мамунах»¹² – существах из польской народной демонологии, которые вредили беременным женщинам и крали новорожденных детей. Примечательно, что для описания он выбирает их побочную функцию – способность завести путника на бездорожье¹³. Еще одним интересным существом из польского фольклора в «Саге...» является Рокита – черт из бытующих в Подлесье польских быличек, с которым связано большое количество разных сюжетов: от тех, где он обманывает людей и заманивает их в болото, до тех, где он их выручает¹⁴. Утопцы, мамуны и Рокита в русском переводе транслитерированы, и в «Саге...» отсутствуют примечания переводчика, проясняющие специфику данных фольклорных персонажей.

Любопытно, что в цикле Сапковского сосуществуют краснолюды, гномы и кобольды – подобные друг другу невысокие бородатые горные духи из западноевропейского фольклора (краснолюдки и кобольды также могли выступать в качестве домовых). По предположениям ученых, все эти персонажи восходят к германо-скандинавской мифологии, из которой краснолюдки попали в польский фольклор¹⁵. Слово «краснолюд» (аугментатив от лексемы «*krasnoludek*») было впервые использовано Марией Скибневской как эквивалент гномов Толкина в 1960-х гг. в польских переводах «Властелина Колец».

Обращение к славянскому фольклору или мифологии стран Европы в «Саге о Ведьмаке» может заключать в себе авторскую оценку подобного заимствования, что соотносится с отрицательным отношением Сапковского к славянской мифологии как источнику жанра фэнтези, выраженным в его критических статьях. Например, дриад, название которых восходит к древнегреческой мифологии, так зовут исключительно Геральт и его просвещенное окружение, а люди недалекие и необразованные в «Саге...» грубо именуют их «дивоженами» (в русском переводе – «духобабами»¹⁶). И та, и другая лексема обозначает лесных духов в разных культурах, но славянские «дивожень» обычно изображаются уродливыми

худыми женщины с длинными грудями. Считается, что они крадут детей, похищают «девушек – в подруги»¹⁷. Таким образом, славянская номинация автоматически ассоциируется с непросвещенностью и невежеством. Подобным образом славянский фольклор рассматривается и в рассказе «Край света», где Геральт с позиции профессионала решительно заявляет, что многих описанных выше персонажей не существует, лишая их права жить в мире, населенном гномами, дриадами и эльфами.

Примечания

- ¹ Сапковский А. Последнее желание. Меч Предназначения. М., 2008. С. 21.
- ² Brückner A. Mitologia słowiańska i polska. Warszawa, 1985. S. 279.
- ³ Сапковский А. Последнее желание... С. 190.
- ⁴ Sapkowski A. Krew elfów. Warszawa, 1994. S. 157.
- ⁵ Сапковский А. Кровь Эльфов. Час Презрения. М., 2008. С. 163.
- ⁶ См.: Wisła: miesięcznik geograficzno-etnograficzny. Warszawa, 1893. Т. 7. S. 106.
- ⁷ Сапковский А. Последнее желание... С. 175.
- ⁸ Там же. С. 190.
- ⁹ См.: Pełka L. Polska demonologia ludowa. Warszawa, 1987. S. 82–92.
- ¹⁰ См.: Podgórcy A., B. Wielka księga demonów polskich. Leksykon i antologia demonologii ludowej. Katowice, 2005. S. 74–75.
- ¹¹ Сапковский А. Последнее желание... С. 175.
- ¹² Там же.
- ¹³ См.: Виноградова Л. Н. Мамуна // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 176–178.
- ¹⁴ См.: Wójcicki K. Klechdy. Starożytne podania i powieści ludowe. Warszawa, 1876. S. 130, 132.
- ¹⁵ См.: Podgórcy A., B. Wielka księga demonów polskich. S. 239–240.
- ¹⁶ Сапковский А. Последнее желание... С. 545.
- ¹⁷ Белова О. В. Дикие (дивьи) люди // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 93.

Произведения К. Чапека в восприятии современных чешских и англоязычных западных литературоведов

Ключевые слова: «P. U. P.», R. U. R., «Кракатит», научная фантастика, Чапек.

Карел Чапек признан отечественными и зарубежными историками литературы одним из крупнейших писателей XX в. О нем достаточно много говорилось и писалось как современниками, так и авторами последующих поколений. Исследователи старались дать оценку его политическим и философским взглядам, вновь и вновь возвращаясь к его эстетике. Однако, несмотря на это, личность Чапека до сих пор не раскрыта до конца, а его творчество продолжает быть предметом споров, особенно в англоязычном мире. В этой работе мы обратились к суждениям нескольких авторов, анализирующих ряд важнейших проблем творчества Чапека с точки зрения современности, и провели их анализ, опираясь на авторитетные мнения чешских и русских литературоведов. Поскольку критика вне зависимости от своих оценочных критериев часто стимулирует обращение исследователей к вопросам, на которые еще только предстоит ответить, мы попытаемся рассмотреть наиболее популярные из выделенных критиками произведений Чапека. Цель работы состоит в выявлении актуальности его произведений в контексте современности и мнений известных литературоведов, предметом изучения которых являются в первую очередь драма «P. U. P.» (чеш. *R. U. R.*, 1920) и роман «Кракатит» (чеш. *Krakatit*, 1924).

Чтобы более полно ответить на вопрос, можно ли считать произведения Чапека актуальными, остановимся на ряде работ отечественных и зарубежных специалистов.

В трудах советских литературоведов встречаются мнения о том, что Чапек недостаточно современен и глубок

в некоторых своих произведениях (такая оценка, впрочем, порой дается и всей его литературно-эстетической программе) и подчас слишком сосредоточен на проблемах мещанства, избегая более насущных, по их мнению, проблем. Например, М.А. Макина в своих исследованиях показывает, как А. Толстой, написавший пьесу «Бунт машин» по мотивам чапековской драмы «Р. У. Р.», «улучшил» произведение Чапека, якобы «преодолев» слабые стороны подлинника, например его «мелкобуржуазную ограниченность»¹. О.М. Малевич также подчеркивает «ограниченность мировоззрения писателя, не признававшего тогда активной положительной роли прогрессивной идеологии в искусстве»². Однако, если отбросить политико-философскую оценку произведений Чапека, большинство литературоведов советского и нынешнего периодов отмечают огромный талант писателя³.

В работах зарубежных авторов, на которых мы хотели бы сосредоточиться, можно также отметить тенденции к недооценке чапековского творчества. Так, например, в своей книге «Комедии вопреки» профессор Роберт Портер из Университета в Глазго поднимает вопрос: «Отчего же произведения Чапека, такие популярные в Англии межвоенного периода, в наше время практически забыты?»⁴ Ответ, по мнению автора, кроется отчасти в том, что джентльменское мировосприятие Чапека, в высшей степени интеллигентское, более не удовлетворяло запросам читателя, пережившего Вторую мировую войну и Холокост в частности. Тот же Портер добавляет, что «Чапек никогда по-настоящему не понимал природу возникшего зла»⁵.

Профессор Роберт Пинсент из Лондонского университета оценивает наследие Чапека еще более критически⁶. Так, по его мнению, писатель предпочитал быть легкомысленным оптимистом, антисемитом и антиинтеллектуалом, обывателем, не соприкасающимся с реальностью, он должен был бороться и обличать зло, но предпочитал развлекать. Пьесу Чапека «Р. У. Р.» он окрестил «расистской». Помимо всего прочего, Пинсент считает Чапека злостным ретроградом, который сознательно привносит в свои произведения

консерватизм, возвращаясь сам и, таким образом, завлекая читателя в мир прошлого, в XIX в., уходя от современности. Большинство подобных взглядов резюмируется профессором Пинсентом в обзорной статье, опубликованной в 2000 г. в журнале «Славянская и восточно-европейская литература» (англ. *The Slavonic and East European Review*). По мнению Яна Чулика из Университета в Глазго, механизм критики Пинсента заключается в том, что, увлекаясь идеей, он часто не рассматривает ее в общекультурном контексте и игнорирует других авторов, исследующих тот же вопрос.

Прошло 80 лет со дня смерти Карела Чапека, и, казалось бы, все должно было быть уже о нем сказано. Однако, как показывает проанализированный нами материал, можно с уверенностью отметить, что в жизни и творчестве писателя еще остаются не до конца проясненные страницы и вопросы. Они могут трактоваться по-разному, в частности с ущербом для осмысления личности и творчества Чапека, что показывают работы профессора Пинсента.

По нашему мнению, Чапек, несмотря на то, что его опыт частично уходит корнями в Австро-Венгерскую империю, является истинно современным писателем. Подлинный интеллигент, интеллектуал, он был внимательным наблюдателем жизни разных социальных слоев, прозорливым пророком, выдающимся мастером слова, благодаря чему смог описать ряд механизмов человеческого поведения, которые могут быть актуальны в любое время, и, пожалуй, особенно – в нашу эпоху.

Работы же английского богемиста Р. Пинсента демонстрируют причудливую преемственность риторики догматической и современной западной литературной критики.

Примечания

¹ Макина М. А. Творчество А. Н. Толстого 20-х годов (1922–1930 гг.). Л., 1955. С. 76.

² Малевич О. М. Карел Чапек: критико-биографический очерк. М., 1989. С. 60–61.

³ См. Никольский С. В. Карел Чапек – фантаст и сатирик (послесловие) // Библиотека современной фантастики. М., 1967. Т. 11: Карел Чапек. С. 251–271; Он же.

Карел Чапек – фантаст и сатирик. М., 1973; *Ковтун Е. Н.* Функции условности в художественной системе Карела Чапека. Традиция Герберта Уэллса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991; *Волков А. Р.* Карел Чапек и проблема реалистической условности в драматургии XX века. М., 1982 и др.

⁴ *Porter R.* Comedies of Defiance: An Introduction to Twentieth Century Czech Fiction. Portland, Oregon, 2001. P. 51.

⁵ *Ibidem.*

⁶ См.: *Pynsent R. B.* *Ďáblové, ženy a národ: Výbor z úvah o české literatuře.* Praha, 2008. S. 373–398, 415; *Idem.* Tolerance and the Karel Čapek Myth // *The Slavonic and East European Review.* April, 2000. Vol. 78. N 2. P. 331–353.

DOI: 10.31168/2619-0869.2019.3.13

Д.Г. Вирен

Цикл фильмов «Семейные ситуации» в контексте польского кино 1970-х гг.

Ключевые слова: польское кино, кино морального беспокойства, история кино, Агнешка Холланд, Анджей Вайда.

В 1970-е гг. заметно возрастает интерес кинематографистов к проблемам семьи, причем это происходит по обе стороны «железного занавеса». Своего рода точкой отсчета можно назвать имевшую шумный успех картину Ингмара Бергмана «Сцены из супружеской жизни» (1973). В соцлагере характерным явлением стала так называемая «будапештская школа», одним из главных представителей которой был Бела Тарр, начинавший работать в документальной эстетике без намека на будущее черно-белые медитативные кинополотна. Венгерский исследователь Лорант Штёр отмечает в связи с дебютом Тарра «Семейное гнездо» (1977): «Уже в первом его игровом фильме человеческие конфликты отодвигают на второй план спровоцировавшие их социальные проблемы – невыносимую жилищную ситуацию и нищету»¹. А что происходило в Польше?

Середина 1970-х гг. – переломное время для польского кинематографа, поскольку тогда постепенно, но все более

уверенно начинает заявлять о себе новое поколение режиссеров. Значительная их часть сосредоточивается вокруг только что созданного кинообъединения X («Икс»), возглавляемого Анджеем Вайдой. Правила тех лет не позволяли свежеспеченным выпускникам киношколы сразу снять полнометражный дебют, необходимо было сначала попробовать себя в среднем метре, в связи с чем молодые активно искали различные возможности такой практики. Не стоит забывать, что 1970-е – это также эпоха, когда телевидение становится полноправным участником общественной жизни и серьезным конкурентом для кинематографа. Несмотря на очевидные пропагандистские функции, оно неожиданно открывается навстречу новому поколению кинорежиссуры.

Конечно, во взаимоотношениях с телевидением все было не так просто. Достаточно вспомнить перипетии главной героини вайдовского «Человека из мрамора» (1976), борющейся за право снять свой дипломным фильм именно с руководством телевидения. Однако энергичность молодых, их уверенность в себе и кажущаяся идеологическая нейтральность предложенной тематики сделали свое. Вот как вспоминала об этом Агнешка Холланд: «Я отлично помню, как возникли «Семейные ситуации». Мы в «Иксе» придумали, что снимем цикл, написали такой манифестик: Фальк, я, Домарадзкий, Пивоварский, Кендзерский... И выдвинулись группой. Помню, как мы шли по знаменитому коридору телевидения, [...] нога в ногу, стуча ботинками, и это сработало. Сценарии были приняты. Так что невооруженным глазом было видно: коллективность имеет смысл»².

«Семейные ситуации» – это серия фильмов (хронометраж каждого около часа), снятых разными режиссерами и формально не связанных между собой ничем, кроме исходной темы. Об этом цикле вспоминают довольно редко не только потому, что он был сделан для телевидения и оказался в тени следующих работ режиссеров-участников. Существует «техническая» проблема: не до конца ясно, какие фильмы снимались в рамках проекта. «Полный список названий, составивших цикл, нелегко реконструировать, поскольку их показывали

несистематически между 1977 и 1980 гг., причем иногда представляли как автономные произведения»³, – констатирует исследовательница истории объединения «Икс» Анна Щепаньская. О наличии путаницы свидетельствует то, что в составленной ей табличке отсутствует, например, «Неблагодарность» (1979) Збигнева Каминьского, упоминаемая⁴ среди «Семейных ситуаций» автором первой книги, посвященной «Иксу». Действительно, в титрах этих картин мы не найдем указания на принадлежность к циклу, подобно тому как в снятом десять лет спустя «Декалоге» Кшиштофа Кесьлёвского не конкретизируется, какой заповеди посвящена каждая серия. Это сравнение неслучайно: «Семейные ситуации» были «ключевым опытом»⁵ не только в истории «Икса», но во многом задали тон развитию польского кино на ближайшие десять лет, венцом которых как раз стал «Декалог».

Материалом для всех «Семейных ситуаций» стали разные аспекты взаимоотношений в семье: этот институт тогда явным образом вступил в фазу кризиса. В связи с этим фильмы цикла вроде бы похожи друг на друга, но в то же время каждый из них несет авторскую печать режиссера. Некоторые участники подключались к циклу, уже сняв полнометражную ленту, но большинство из них лишь пробовали себя, искали собственный стиль. Тем интереснее проследить различия. Например, Радослав Пивоварский в «Жмурках» (1977) демонстрирует склонность к абсурдно-комическим ситуациям, в «Прямой связи» (1979) Юлиуша Махульского очевидны интерес к играм с жанром и умение создать напряжение, Агнешка Холланд в работах «Воскресные дети» и «За все надо платить» (обе 1977) проявляет себя как жесткий аналитик.

Немаловажно то, что в фильмах цикла зафиксированы реалии быта и повседневной жизни поляков в эпоху Герека. Тесные прокуренные квартиры в панельных домах, обшарпанные стены коридоров в учреждениях, сломанные телефоны-автоматы, атмосфера взаимной неприязни и отчуждения, – все это мы видим в «кино морального беспокойства», поэтому «Семейные ситуации» можно назвать своеобразной

квинтэссенцией направления. «По сути, фильмы цикла все же выходили за пределы нравственной тематики, касаясь фундаментальных общественных проблем, выражавшихся не напрямую, – рассуждает историк кино Тадеуш Любельский. – Они показывали общество дезинтегрированное, утрачивающее связь с традицией, подчиненное фальшивым образцам убогого собственничества и пустого потребительства»⁶. Здесь во многом находится ключ к пониманию значения «кино морального беспокойства». Отталкиваясь от конкретного, даже злободневного материала и описывая жизнь «здесь и сейчас», в лучших своих проявлениях оно выражало глубинные, универсальные проблемы человека, не утратившие актуальности по сей день.

Примечания

¹ *Stóhr L.* Tendencje dokumentalne w węgierskim filmie lat 60. i 70. // *Złota era kina węgierskiego / pod red. R. Kardzisa i J. Topolskiego* Kraków, 2009. S. 38.

² Цит. по: *Lubelski T.* Historia kina polskiego. Twórcy, filmy, konteksty. Katowice, 2009. S. 368–369.

³ *Szczepańska A.* Do granic negocjacji. Historia Zespołu Filmowego «X» Andrzeja Wajdy (1972–1983). Kraków, 2017. S. 131.

⁴ См.: *Wertenstein W.* Zespół Filmowy «X». Warszawa, 1991. S. 18.

⁵ *Szczepańska A.* Do granic negocjacji. S. 133.

⁶ *Lubelski T.* Historia kina polskiego. S. 370–371.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ИСТОРИЯ

Александрова Анна Константиновна – к.и.н., научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (г. Москва)

Александрова Софья Алексеевна – студентка, исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Белова Наталья Руслановна – студентка, исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Богатырёв Арсений Владимирович – к.и.н., доцент кафедры теологии, философии, истории, Поволжский православный институт им. Святителя Алексия, митрополита Московского (г. Тольятти)

Вакарчук Денис Олегович – ассистент, факультет международных отношений и зарубежного регионоведения, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Ведерников Михаил Владимирович – к.и.н., старший научный сотрудник, Институт Европы РАН (г. Москва)

Гимадеев Тимур Владимирович – аспирант, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань)

Гоптова Луциана – PhD, научный сотрудник, преподаватель, Институт истории, философский факультет, Прешовский университет (г. Прешов, Словакия)

Гребикова Анежка Юрьевна – PhD, Карлов университет в Праге; архивист, Масариков институт – Архив АН (г. Прага, Чехия)

Гусев Никита Сергеевич – к.и.н., старший научный сотрудник, ученый секретарь, Институт славяноведения РАН (г. Москва)

Диннеш Патрик – младший научный сотрудник, исторический факультет, Эгерский университет им. К. Эстерхази. (г. Эгер, Венгрия)

Дронов Александр Михайлович – младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (г. Москва)

Жабрева София Александровна – Славянский фонд, Библиотека Российской академии наук (г. Санкт-Петербург)

Завалишка Лучика Анатольевна – аспирантка, исторический

факультет, Ясский университет имени А.И. Кузы (г. Яссы, Румыния)

Каменская Екатерина Владимировна – к.и.н., доцент кафедры истории России, исторический факультет, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

Киреева (Сергеенко) Екатерина Сергеевна – преподаватель, Институт международных отношений и социально-политических наук, Московский государственный лингвистический университет (г. Москва)

Кирчу Павел Кириллович – студент, исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Козлов Сергей Александрович – к.и.н., заведующий Лабораторией исторической географии и регионалистики, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)

Колмакова Мария Владимировна – к. филос. н., научный сотрудник, заведующая сектором Славянского фонда отделов фондов обслуживания, Библиотека Российской академии наук (г. Санкт-Петербург)

Колосков Евгений Андреевич – к.и.н., доцент кафедры теории и истории международных отношений, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург)

Коноплянко Константин Сергеевич – аспирант, младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (г. Москва)

Косован Елена Анатольевна – к.и.н., доцент кафедры стран постсоветского зарубежья, Институт постсоветских и межрегиональных исследований, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Котов Виктор Викторович – аспирант, Институт славяноведения РАН (г. Москва)

Лагно Анна Романовна – к.и.н., старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН; старший преподаватель, факультет государственного управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Лапунов Алексей Алексеевич – аспирант, исторический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург)

Ломоносов Матвей Юрьевич – PhD, профессор, Школа перспективных исследований, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)

Махмутай Ноэла – аспирантка, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург)

Мельчакова Ксения Валерьевна – к.и.н., научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (г. Москва)

Мошечков Петр Владимирович – к.и.н., младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (г. Москва)

Нечаева Надежда Ильинична – аспирантка, исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Новосельцев Борис Сергеевич – к.и.н., старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (г. Москва)

Новосельцева Людмила Константиновна – младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (г. Москва)

Орешин Сергей Александрович – к.и.н., научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва)

Парфирьев Дмитрий Станиславович – аспирант, исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Перетягко Артём Юрьевич – к.и.н., преподаватель, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

Семакина Татьяна Рудольфовна – студентка, исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Смирнов Яков Николаевич – аспирант, младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (г. Москва)

Струнина-Бородина Наталия Григорьевна – младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (г. Москва)

Хакимова Юлия Рифовна – соискатель, Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург)

Чернышенко Дарья Юрьевна – главный библиотекарь сектора Славянского фонда отделов фондов обслуживания, Библиотека Российской академии наук (г. Санкт-Петербург)

Шишкова Анна Сергеевна – аспирантка, исторический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Борисов Сергей Александрович – аспирант, младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (г. Москва)

Гаврилков Максим Андреевич – студент, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Громова Мария Михайловна – аспирантка, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Ким Николай Евгеньевич – студент, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Комарова Ксения Игоревна – аспирантка, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Мосинец Анастасия Геннадьевна – к.ф.н., старший преподаватель, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург)

Петрова Дарья Александровна – научный сотрудник, Государственная Третьяковская галерея; аспирантка, Российский НИИ Культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (г. Москва)

Поливанова Анастасия Константиновна – младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (г. Москва)

Скачедубова Мария Вадимовна – старший преподаватель, факультет гуманитарных наук, НИУ Высшая школа экономики; Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН (г. Москва)

Струганова Екатерина Николаевна – аспирантка, младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (г. Москва)

Ханукаева Раиса Ильинична – аспирантка, Институт славяноведения РАН (г. Москва)

Чиварзина Александра Игоревна – аспирантка, младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (г. Москва)

Шатин Владимир Юрьевич – аспирант, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Якимова Агата Павловна – аспирантка, Институт славяноведения РАН (г. Москва)

Яхонтова Яна Борисовна – аспирантка, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Амелина Анна Вячеславовна – младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (г. Москва)

Бырина Анастасия Владимировна – младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (г. Москва)

Вирен Денис Георгиевич – к. филос. наук, старший научный сотрудник, Государственный институт искусствознания (г. Москва)

Дерзаева Елизавета Андреевна – студентка, факультет международных отношений и зарубежного регионоведения, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Зубкова Александра Васильевна – студентка, Институт славянской культуры, РГУ имени А.Н. Косыгина (г. Москва)

Кожина Светлана Анатольевна – аспирантка, младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (г. Москва)

Ламм Мария Андреевна – соискатель, Институт славяноведения РАН (г. Москва)

Лунькова Наталья Александровна – младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (г. Москва)

Маслова Ксения Константиновна – соискатель, Институт славяноведения РАН (г. Москва)

Миронова Полина Борисовна – студентка, факультет гуманитарных наук, НИУ Высшая школа экономики (г. Москва)

Подрядчикова Мария Владимировна – студентка, факультет гуманитарных наук, НИУ Высшая школа экономики (г. Москва)

Старкова Вероника Викторовна – студентка, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Федорова Виктория Игоревна – младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (г. Москва)

Шатько Евгения Викторовна – младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (г. Москва)

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ»

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ: БИБЛИОТЕКИ РАССКАЗЫВАЮТ

П. Диннеш

Кириллические книги в библиотеке
Эгерского епископа Кароя Эстерхази 4

М.В. Колмакова, Д.Ю. Чернышенко

Книги из личной библиотеки
Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ
в Славянском фонде БАН..... 7

С.А. Жабрева

Книжные «корреспонденты» П.А. Ровинского
(на материалах сербохорватского отдела
Славянского фонда БАН) 10

СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ: К ВОПРОСУ АНАЛИЗА ТЕКСТА

С.А. Козлов

Эпические реминисценции
о Дунайских походах Святослава 14

Т.В. Гимадеев

Битва при Липанах в чешской
историографии (1848–1948)..... 18

К.С. Коноплянко

Восприятие анабаптизма в сочинениях
польских антитринитариев 1560-х гг. 22

Н.Р. Белова

Побелогорская рекатолизация Чешских земель
в «Христославе» силезского иезуита Матея Виерия..... 26

А.В. Богатырёв

Сообщение о салюте в честь Яна III Собеского
в Безансоне (1674 г.)..... 30

НОВОЕ ВРЕМЯ. НАРРАТИВЫ И ДИСКУРСЫ

А.А. Лапунов

- Несколько размышлений о главе
«Славянские народы» из книги И.Г. Гердера
«Идеи к философской истории человечества».
Карл Готлиб фон Антон и Йоганн Готфрид Гердер 34

К.В. Мельчакова

- Очерк «Босния в географическом, историческом,
этнографическом, статистическом и торговом отношениях»
российского консула А.Н. Кудрявцева..... 37

А.Ю. Перетяtko

- «Военный постфронт»: к определению феномена
военно-социальных институтов Военной границы
и Донского Войска второй половины XIX в. 42

В.В. Котов

- Теория национализма Мирослава Гроха
и историография сокольского движения 46

А.Ю. Гребикова

- Славянские писатели Юлиус Зейер
и Йозеф Голечек и их отношение к России 50

С.А. Александрова

- Разработка Романом Дмовским понятия нации на страницах
журнала *Przegląd Wszechpolski* в 1895–1897 гг. 54

НОВОЕ ВРЕМЯ. МЕЖСЛАВЯНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

С.А. Орешин

- Славянская колонизация Терско-Дагестанского края
(XVI – начало XX в.) 58

Н.Г. Струнина-Бородина

- К вопросу о финансовой помощи России в пользу Черногории:
от истоков русско-черногорских связей к началу XX в. 62

П.К. Кирчу

- «Польский вопрос» становится
внутренней чешской дискуссией 68

А.М. Дронов

- Отношение австрийских сербов к иллиризму на рубеже
1830–1840-х гг. (по материалам газеты «Сербский
народный листъ») 73

Л.К. Новосельцева

Восточный вопрос во взглядах воеводинских либералов.
Концепция М. Полита-Десанчича и С. Милетича
в 1860-е гг. 78

Е.С. Киреева (Сергеенко)

Железнодорожное строительство в Сербии
на рубеже XIX–XX вв.: планы и их реализация 84

ОТ ПЕРВОЙ КО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ**Н.С. Гусев**

«Болгарин – ты! Ты – гордость наша! Ты – славный
русский генерал!»: генерал Радко Димитриев в зеркале
русской прессы во время Первой мировой войны 89

Д.С. Парфирьев

Украинские политики Австро-Венгрии
в борьбе за университет (1914–1918) 93

П.В. Мошечков

Концепция «угнетенных народностей» Т.Г. Масарика
как способ реорганизации русской армии
во второй половине 1917 – начале 1918 г. 98

Н.И. Нечаева

Словацкие автономисты: «людацкая» партия
священника Андрея Глинки 101

А.С. Шишкова

Исторические образы немцев в прессе Второй Речи Посполитой
и их влияние на развитие польской идентичности 104

ДИАСПОРЫ, ЗАРУБЕЖЬЕ, ЭМИГРАЦИЯ**Л. Гоптова**

Ключевые фигуры белорусской эмиграции в Чехословакии 108

Т.Р. Семакина

Польско-советские культурные контакты в 1930–1932 гг.
(по материалам ВОКС) 112

Е.А. Косован

Украинская диаспора в ФРГ и советские организации
по культурным связям с соотечественниками за рубежом
(1960–1980-е гг.) 116

ЭПОХА ВНЕШНЕБЛОКОВОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ**Л.А. Завалишка**

- Визит Р. Никсона в Румынию в августе 1969 г.
глазами дипломатов социалистических стран 121

Е.В. Каменская

- Югославия и И. Броз Тито в советской печати
второй половины 1960-х – начала 1970-х гг. 125

Б.С. Новосельцев

- Внешняя политика Югославии и начало
международного детанта (1970–1971 гг.) 129

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ**Д.О. Вакарчук**

- Роль государств Центрально-Восточной Европы
в отношениях России и ЕС в энергетической сфере
(2004–2009 гг.) 134

Е.А. Колосков

- От Университета Планеты к Славянской Федерации:
трансформация образа славянства в мейнстримных
видеоиграх 138

М.В. Ведерников

- Особенности функционирования малых государств
(на примере Чехии) 142

А.Р. Лагно

- Украинский вопрос в «исторической политике»
партии Ярослава Качиньского 145

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**А.К. Александрова**

- Решение Международного Суда ООН по делу
о юрисдикционных иммунитетах государства
(Германия против Италии, при участии Греции):
к вопросу о компенсации жертвам нацизма 150

М.Ю. Ломоносов

- «Кому принадлежит Македония?»
Политические споры о «государствообразующих нациях»
и этноисторические мифы албанцев и македонцев в 1990-х –
начале 2000-х гг. 154

Ю.Р. Хакимова

Слободан Милошевич в зеркале
 российских медиа (1999 г.) 158

Я.Н. Смирнов

СРЮ и руководство Черногории в 1997–1999 гг. 163

Н. Махмугай

Албанско-российские отношения в политической сфере
 (1990–2000 гг.) 167

СЕКЦИЯ «ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

**СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ
 В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ**

С.А. Борисов

Чешский язык в сербском Банате:
 социолингвистическая ситуация 172

К.И. Комарова

Артикль как выразитель категории определенности /
 неопределенности в словенском литературном языке XVI в.
 (по материалам текстов П. Трубара) 176

А.Г. Мосинец

Отрицание при предикате главной части в целевых
 предложениях в болгарском языке 180

М.М. Громова

Севернорусские глаголы с элементом *-того-*
 и их болгарские соответствия 184

А.И. Чиварзина

Синий в названиях терна в западномакедонских
 диалектах 187

**ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
 И НОВОГО ВРЕМЕНИ**

М.В. Скачѣдубова

К вопросу о возможной взаимозаменяемости суффиксов
-л- и *-н-/т-* в причастиях прошедшего времени в славянских
 языках (на примере одного разночтения в Новгородской
 первой летописи) 190

В.Ю. Шатин

О вокализме первого предупредного слога после
мягких согласных в костромских говорах XVII в. 193

Р.И. Ханукаева

Термин «мать» в русских летописях 197

Н.Е. Ким

Особенности системы глагольного управления в проповедях
Тихона Задонского 201

М.А. Гаврилков

Функциональность цитатного пространства «Стязания
о известном иночьскомъ жительстве...» Максима Грека 205

А.К. Поливанова

Писцы и филигранные Егоровско-Барсовского хронографа
конца XVI в. 207

ЯЗЫК И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА**Я.Б. Яхонтова**

Календарные праздники помаков префектур Родопы
и Ксанты 211

Е.Н. Струганова

Стихия земли в болгарской культуре в свете аксиологии 215

А.П. Якимова

Заимствования в болгарской народной лексике одежды 219

Д.А. Петрова

Символика образов в деревянной домовой резьбе 223

СЕКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»**ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР****В.И. Федорова**

Поэтика повествования от первого лица
в польской литературе конца XVIII–XX вв.
Проблема автора и героя 228

А.В. Амелина

«Плотина» – «утопический» роман Марии Майеровой 232

Н.А. Лунькова

Авоинтертекстуальность в прозе С. Стратиева..... 235

А.В. Зубкова

Проблема «женского письма» в романе
Эмили Дворяновой «Концерт для слова» 239

А.В. Бырина

Особенности поэтики романа Павла Виликовского
«Автобиография зла»..... 243

С.А. Кожина

Семантика пространства в романе Д. Годровой
«Спиральные предложения» 245

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИЯ**Е.А. Дерзаева, М.В. Подрядчикова**

Исследование произведений Милорада Павича
«Биография Белграда» и «Пейзаж, нарисованный чаем»
как исторических источников с использованием методов
цифровой гуманитаристики..... 250

Е.В. Шатько

История в романе М. Павича «Внутренняя сторона ветра»..... 254

В.В. Старкова

Орден иезуитов в романе Д. Янчара «Катарина,
павлин и иезуит» (к проблеме исторических реалий) 258

М.А. Ламм

«Кресовяки»: между политическим и этническим..... 262

ВОПРОСЫ РЕЦЕПЦИИ И ПЕРЕВОДА**П.Б. Миронова**

Проблема перевода названий славянских мифологических
персонажей в «Саге о Ведьмаке» А. Сапковского..... 267

К.К. Маслова

Произведения К. Чапека в восприятии современных
чешских и англоязычных западных литературоведов..... 271

Д.Г. Вирен

Цикл фильмов «Семейные ситуации»
в контексте польского кино 1970-х гг..... 274

Сведения об авторах..... 278

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**СЛАВЯНСКИЙ МИР:
ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ**

Тезисы конференции
молодых ученых
в рамках Дней славянской письменности и культуры,
21–22 мая 2019 г.

Ответственные редакторы:
Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова

Дизайн обложки:
П. Н. Морозов

Компьютерная верстка:
Е. В. Пескова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2: 953000 — книги, брошюры

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В»
Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

Подписано в печать 18.06.2019. Формат 60×90 ¹/₁₆
Гарнитура Century Schoolbook. Бумага офсетная
Печать цифровая. Объем 18 печ. л.

Заказ № 721.

Тираж 500 экз.